

ISSN 2227-1538
eISSN 2307-4590

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

А.В. Скиперских

ЛЕВОЕ VS ПРАВОЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

О.А. Нестерчук, А.Г. Арутюнов, А.М. Тюленёва

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ КАМПАНИИ
В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СТАБИЛЬНОСТИ

О.Е. Комаров, А.В. Соколов

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КРАУДСОРСИНГА
КАК ФОРМЫ ДИАЛОГА ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ И
ОБЩЕСТВА

А.Х.О. Отман, О.Е. Гришин

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕФОРМА В КОРОЛЕВСТВЕ
САУДОВСКАЯ АРАВИЯ: ОБЗОР НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫХ
ВНУТРЕННИХ ВЫЗОВОВ

1
2021

<p>Главный редактор</p> <p>ШУМИЛОВ Андрей Владимирович кандидат политических наук, доцент</p> <p>Зам. главного редактора</p> <p>СКОВИКОВ Алексей Константинович кандидат политических наук, доцент</p> <p>Ответственный секретарь</p> <p>НИКИФОРОВА Ирина Владимировна</p> <p>Перевод</p> <p>ОРЛОВА Елена Геннадьевна</p> <p>Издатель</p> <p>НИИ общественных и политических наук</p>	<p style="text-align: right;">16+</p> <p>Научная редакция</p> <p>БРОННИКОВ Иван Алексеевич кандидат политических наук, доцент</p> <p>ЕФРЕМОВ Олег Юрьевич кандидат философских наук, доцент</p> <p>ЗЛАТАНОВ Благой Георгиев кандидат философских наук, доцент</p> <p>КАСИМОВ Евгений Витальевич кандидат исторических наук, доцент</p> <p>АРУТЮНОВ Антон Георгиевич научный сотрудник</p>
<p>Председатель Редколлегии номера</p> <p>СКИПЕРСКИХ Александр Владимирович доктор политических наук</p> <p>Редакционная коллегия</p> <p>БОЛЬШАКОВ А.Г. – доктор политических наук, профессор (Казань)</p> <p>БАРАНОВ А.В. – доктор исторических наук, доктор полит. наук, профессор (Краснодар)</p> <p>БУРЕНКО В.И. – доктор политических наук, профессор (Москва)</p> <p>ВАТЫЛЬ В.Н. – доктор политических наук, профессор (Гродно)</p> <p>ГОРБАТЕНКО В.П. – доктор политических наук, профессор (Киев)</p> <p>ГРИШИН О.Е. – кандидат политических наук, доцент (Москва)</p> <p>ДОНАЙ Л. – доктор политики, Dr. hab (Познань)</p> <p>ИВАНОВСКИЙ ЗБ.В. – доктор политических наук, профессор (Москва)</p> <p>ИЛЬМЯРВ М. – доктор истории, PhD (Таллин)</p> <p>КАПИЦЫН В.М. – доктор политических наук, профессор (Москва)</p> <p>КЕРЯН Г.М. – доктор политических наук, профессор (Ереван)</p> <p>КОНОНОВ И.Ф. – доктор социологических наук, профессор (Луганск)</p> <p>КУРИЛЛА И.И. – доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)</p> <p>ЛЕДЯЕВ В.Г. – доктор философских наук, профессор (Москва), доктор политики, PhD (Манчестер)</p> <p>ЛИСЕЕНКО Е.В. – доктор социологических наук, профессор (Одесса)</p>	<p>МИНЕЕВА Е.К. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары)</p> <p>МОРОЗОВА Е.Г. – доктор политических наук, профессор (Москва)</p> <p>НАСИМОВА Г.О. – доктор политических наук, профессор (Алматы)</p> <p>ОМЕЛЬЧЕНКО Н.А. – доктор исторических наук, профессор (Москва)</p> <p>ПАСТУХОВА Л.С. – доктор педагогических наук, кандидат политических наук, доцент (Москва)</p> <p>ПРОРОК В. – доктор философии, PhD (Прага)</p> <p>СЕРГЕВНИН В.А. – PhD, доктор юриспруденции (Макомб)</p> <p>СКИПЕРСКИХ А.В. – доктор политических наук, профессор (Елец)</p> <p>ТИТОВ В.А. – доктор философских наук, профессор (Москва)</p> <p>ТУРОВСКИЙ Р.Ф. – доктор политических наук, профессор (Москва)</p> <p>УСМАНОВ Б.Ф. – доктор социологических наук, профессор (Москва)</p> <p>ХОРИНА Г.П. – доктор философских наук, профессор (Москва)</p> <p>ЧЕРНЫШОВ Ю.Г. – доктор исторических наук, профессор (Барнаул)</p> <p>ШАБРОВ О.Ф. – доктор политических наук, профессор (Москва)</p> <p>ШИРОКОВ О.Н. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары)</p> <p>ШЛЮЗ Б. – доктор социологии, Dr.Hab, (Жешув)</p> <p>ЩУДЛО С.А. – доктор социологических наук, профессор (Дрогобыч)</p>

<p>Editor in Chief</p> <p>SHUMILOV Andrei</p> <p>Executive Secretary</p> <p>NIKIFOROVA Irina</p> <p>Translate</p> <p>ORLOVA Elena</p> <p>Design</p> <p>PAVLUNIN Dmitriy</p>	<p>Deputy Editor</p> <p>SKOVIKOV Alexey</p> <p>Editors</p> <p>BRONNIKOV Ivan</p> <p>EFREMOV Oleg</p> <p>ZLATANOV Blagoy</p> <p>KASIMOV Evgeniy</p> <p>ARUTYUNOV Anton</p> <p>Publisher</p> <p>Institute of Social and Political Sciences</p>
<p>Chairman of the Editorial board</p> <p>SKIPERSKIH Alexander Prof.</p> <p>Editorial Board</p> <p>BOLSHAKOV A. Prof. (Kazan)</p> <p>BARANOV A. Prof. (Krasnodar)</p> <p>BURENKO V. Prof. (Moscow)</p> <p>VATYL V. Prof. (Grodno)</p> <p>DONAJ L. Dr. hab. (Poznan)</p> <p>GORBOTENKO V. Prof. (Kiev)</p> <p>GRISHIN O. Assoc. Prof. (Moscow)</p> <p>IVANOVSKIY Z. Prof. (Moscow)</p> <p>ILMJARV M. PhD (Tallinn)</p> <p>HORINA G. Prof. (Moscow)</p> <p>KAPITSYN V. Prof. (Moscow)</p> <p>KERYAN G. Prof. (Yerevan)</p> <p>KONONOV I. Prof. (Lugansk)</p> <p>KURILLA I. Prof. (Saint-Petersburg)</p> <p>LISEENKO E. Prof. (Odessa)</p>	<p>LEDYAEV V. Ph.D. (Manchester), Prof. (Moscow)</p> <p>MINEEVA E. Prof. (Cheboksary)</p> <p>MOROZOVA E. Prof. (Moscow)</p> <p>NASIMOVA G. Prof. (Almaty)</p> <p>OMELCHENKO N. Prof. (Moscow)</p> <p>PASTUHOVA L. Assoc. Prof. (Moscow)</p> <p>PROROK V. PhD (Prague)</p> <p>SERGEVNIN V. Prof. (Macomb)</p> <p>SKIPERSKIH A. Prof. (Yelets)</p> <p>SHABROV O. Prof. (Moscow)</p> <p>SHIROKOV O. Prof. (Cheboksary)</p> <p>SCHUDLO S. Prof. (Drogobych)</p> <p>SZLUZ B. Prof. (Rzeszow)</p> <p>TITOV V. Prof. (Moscow)</p> <p>TUROVSKY R. Prof. (Moscow)</p> <p>CHERNYSHOV Y. Prof. (Barnaul)</p> <p>USMANOV B. Prof. (Moscow)</p>

СОДЕРЖАНИЕ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

А.В. Скиперских

ЛЕВОЕ VS ПРАВОЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ИСКУШЕНИЯ АВТОРСКОЙ ДЕКОНСТРУКЦИИ

6

А.С. Андреев, Д.М. Розенталь

ЛЕВЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ:
ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

25

С.М. Захаров

МОЛОДЕЖЬ В ПРОЕКТАХ ВЛАСТИ: ОТ ПОДДЕРЖКИ
К СОПРОТИВЛЕНИЮ (ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА)

48

О.А. Нестерчук, А.Г. Арутюнов, А.М. Тюленёва

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ КАМПАНИИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И АКТУАЛЬНЫХ ПРАКТИК СУБЪЕКТОВ РФ

62

Л. Донай, М. Щеглов

ДИСКУРСИВНЫЙ ИМИДЖ СОВРЕМЕННОЙ ГУБЕРНАТОРСКОЙ ВЛАСТИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

81

А.Х.О. Отман, О.Е. Гришин

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕФОРМА В КОРОЛЕВСТВЕ САУДОВСКАЯ АРАВИЯ: ОБЗОР
НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫХ ВНУТРЕННИХ ВЫЗОВОВ

105

СТАТЬИ

Г.И. Авцинова, Е.В. Бучнев

ОСОБЕННОСТИ ПАРТИЙНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

121

О.Н. Дроботенко, Н.Н. Соколов

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ
К ПРОЦЕССУ РАЗРАБОТКИ И ПРИНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ
В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

135

О.Е. Комаров, А.В. Соколов

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КРАУДСОРСИНГА
КАК ФОРМЫ ДИАЛОГА ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ И ОБЩЕСТВА

150

Н.А. Антюшин

МАНИПУЛЯЦИЯ НАБЛЮДЕНИЕМ: АНАЛИЗ ЗАКЛЮЧЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ
МОНИТОРИНГОВЫХ МИССИЙ НА ПРИМЕРЕ КАМПАНИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

177

Наши авторы

195

The contents

В журнале отражены личные взгляды авторов,
которые могут не совпадать с позицией редакции журнала «PolitBook».

ТЕМА НОМЕРА

А.В. Скиперских

ЛЕВОЕ VS ПРАВОЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ИСКУШЕНИЯ АВТОРСКОЙ ДЕКОНСТРУКЦИИ

Аннотация

В статье предпринимается попытка авторской деконструкции концептов «левое» и «правое», являющихся парой оппозиции, часто встречающейся в политическом дискурсе. Автор делает попытку исторического анализа данной оппозиции и демонстрирует, как данное размежевание присутствует в политическом, экономическом и религиозном дискурсе.

Автор считает, что, несмотря на активное присутствие данной оппозиции в политическом дискурсе современной России, вплоть до настоящего времени, пока не сформировалась определённая по поводу её трактовки и концептологического наполнения. Этому мешает, с точки зрения автора, ряд обстоятельств. Во-первых, жизнь любого политического концепта в современной российской политической науке чрезвычайно зависима от расширения значения, что делает сам концепт практически неуловимым для понимания и определения. Во-вторых, политические партии в современной России демонстрируют чудеса политического приспособления к текущей политической реальности, где политическое пространство конструируется вокруг «Единой России». Любые другие партии в современном российском политическом пазле вынуждены, в лучшем случае, соперничать за право присутствия рядом с центром, в максимальной близости от него. Идеологические ориентации уже не имеют такого большого значения, партии начинают блуждать по партийной шкале, существенно затрудняя собственную политическую идентификацию как для исследователей и экспертов, так и для не-

A. Skiperskikh

LEFT VS RIGHT IN POLITICAL SPACE: TEMPTATIONS OF AUTHOR'S DECONSTRUCTION

Abstract

This article attempts to deconstruct the concepts "left" and "right" by the author. This opposition is common in political discourse. The author makes an attempt at a historical analysis of this opposition and demonstrates how this delimitation is present in political, economic and religious discourse.

The author believes that this opposition is actively present in the political discourse of modern Russia, right up to the present time. However, there is no certainty about its content yet. From the point of view of the author, this is hindered by a number of circumstances. First, the life of any political concept in modern Russian political science is extremely dependent on the expansion of meaning, which makes the concept itself almost elusive for understanding and definition. Secondly, political parties in modern Russia demonstrate miracles of political adaptation to the current political reality, where the political space is being constructed around the ruling political party «Edinaya Rossiya». Any other parties in modern Russian political solitaire are forced, at best, to compete for the right to be near the center, as close as possible to it. Ideological orientations are no longer so important, parties begin to wander along the party scale, significantly complicating their own political identification both for researchers and experts, and for direct party members. The personal biographical stories of a number of prominent federal politicians and Russian governors prove the approximation of party identity and adherence to exclusively pragmatic and

посредственных партийцев. Доказательством приблизительности партийной идентичности и следования исключительно прагматичным и ситуационным установкам доказывают личные биографические истории ряда заметных федеральных политиков и российских губернаторов. Жизнь данных концептов оказывается настолько динамичной и неопределённой, что оказывается достаточно сложной задачей сколько-нибудь определённо зафиксировать их смысловые границы на ближайшее будущее.

situational attitudes.

The author makes an attempt at the author's deconstruction of "left" and "right", focusing on the difficult moments of identifying this opposition. The life of these concepts turns out to be so dynamic and indefinite that it turns out to be a rather difficult task to somehow definitely fix their semantic boundaries for the near future.

Ключевые слова:

власть, дискурс, парламент, политические партии, политическое пространство, политический процесс, Россия.

Key words:

power, discourse, parliament, political parties, political space, political process, Russia.

Наверное, перед каждым представителем политической науки (не только в России, но и в мире, в целом), равно или поздно мог актуализироваться вопрос о проблеме соотношения правого и левого в политике. Современный политический дискурс изобилует употреблением «левого» и «правого» в самых различных контекстах, будь то идёт речь о партийном строительстве, равно, как и о околопартийных тусовках, симпатизирующих своим политическим крыльям. Вопросы конституирования правого и левого актуализируются и в тот момент, когда следует оценка происходящих реформ, равно, как и последствий их, продолжающихся в различных формах интеллектуальной рефлексии. На некоторых страницах в Facebook могут кипеть настоящие страсти по поводу правильной и единственно верной концептуализации правого и левого. Безусловно, в момент подобных дискуссий среди их участников оказывается намного меньше тех, кто относит вопрос концептуализации правого и левого к проблемным местам политики, и, может быть даже, следуя мысли итальянского политолога Д. Сартори, к проблеме рационально не определяемых концептов, и, так называемых, «суррогатов» [16, с. 153]. Исследователь рискует запутаться в коннотациях. В политическом дискурсе, вообще, постоянно присутствует говорение, демонстрация слов, которые, следуя М. Бахтину, в политике имеют «лживое обличие» [5, с. 212].

Перед автором данного текста не стоит задачи разобраться в коннотациях раз и навсегда. Тем не менее, автор попытается показать возможные пути конструирования смыслов, схватывающихся в рамках указанных

концептов. Претензия на истинное толкование подобной оппозиции в политическом дискурсе, а также уверенность в абсолютном понимании всей сложности размежевания правого и левого, наверное, могли бы совсем печально охарактеризовать шансы любого интеллектуала. Поставить точку в этом споре невозможно.

«Левое» или «правое» в политике? Методологическое отступление

В современном политическом дискурсе по поводу размежевания «левого» и «правого» в политическом спектре существует достаточно чёткое представление о том, что считать точкой отсчёта. Такой точкой выступает Французская революция 1789 года и первые дискуссии в парламенте по поводу полноты королевской власти. Именно отсюда следует вести отсчёт разделению на «левое» и «правое». Если в тот момент «правые» могли допускать, что у короля может оставаться какое-то право присутствия в политической конструкции, то «левые», наоборот, не оставляли в новой конструкции места дискредитировавшему себя монарху. Непримируемость флангов чувствуется в той категоричности, с которой их представители декларировали свои политические тезисы. Рассадка парламентариев как раз могла намекать на существование флангов, развёрнутых друг против друга. С тех пор подобная «схема рассадки повторилась в последующих законодательных собраниях и парламентах» [22].

Германский политолог Ф. Манов склонен считать, что подобная анатомичность парламента сложилась ещё до 1789 года. Тогда парламент представлялся в виде прямоугольника, в одном конце которого, в точке притяжения внимания восседал король, а на скамьях слева и справа располагались, соответственно представители духовенства и знати [12, с. 19-20]. Революционные события могли переформатировать парламентскую рассадку, правда, сам факт наличия в ней выраженного левого и правого флангов оставался весьма очевидным.

Нет сомнений, что эта история довольно сильно мифологизирована, что заставляет исследователей упражняться в элегантных интерпретациях. Как отмечают польские исследователи А. Барциковский и И. Панькув, «миф является открытой структурой, пополняемый очередными модификациями» [4, с. 317].

В случае нашего исследования, у попыток конструирования левого и правого могут быть свои определённые бенефициары. В тот момент,

когда король был сильнее парламента, интерес целиком и полностью был сосредоточен на его фигуре.

Присутствие короля в ритуалах отправления власти всегда рассматривалось через оптику символического. Каждый жест монарха был полон значимости и непостижимой красоты. Уход монарха с политической авансцены создавал некий символический пространственный дефицит. Ритуалы власти было необходимо обеспечивать по-прежнему, что вызывало необходимость в конструировании новых символов и смыслов, обеспечивающих функционирование мифа власти.

Видимо, что именно отсюда берёт своё начало проблема чёткой визуализации политических флангов, которые должны быть зрительно и физически определены. Возможно, по мере развития исторического процесса, и левые, правые приобретают важную в политике гибкость, будучи склонными к всевозможным компромиссам и уступкам. То, что некогда могло считаться совершенно неприемлемым, смена политической окраски, предательство партийных идеалов, сегодня уже вполне себе спокойно объясняется борьбой за избирателя, равно, как и попытками поиска оптимального идеологического паттерна в условиях модерна. Кстати, на примере многих российских политиков мы можем увидеть подобные миграции в идеологическом и партийном поле. Некоторые политики, вплоть до конца своей политической жизни, несмотря на свои стремительные перемещения по партийно-политической шкале, тем не менее, запоминаются для определённого числа наблюдателей своей первичной партийной идентичностью, которую не могут скрыть всевозможные маскировки.

В дальнейшем, применительно к той или иной политической традиции, мы можем увидеть, как «левый» и «правый» фланг по-новому обретают себя в ответ на какие-либо важные, переломные события. Безусловно, размежевания на «левый» и «правый» фланг результируют не только привычные политические причины, и потому должны осмысляться гораздо глубже [12]. Такие события, как правило, затрагивают весь социальный ансамбль, и, поэтому, способствуют появлению своих бенефициаров и симпатизантов, как слева, так и справа.

В рамках отдельно взятых концептов «левое», «правое», а также «правое и левое», как отмечает М. Ильин, постоянно происходит «генерирование новых смыслов» [10, с. 22], разворачивающихся вслед за те-

кущей политической конъюнктурой и политическими пристрастиями своих интерпретаторов.

Генерирование новых смыслов, в частности, в социологической традиции может объясняться через феноменологическую оптику, а именно через «исследование процесса конституирования мира сознанием и конструирование человеком своего мира» [1, с. 76]. Равно, как общество, так и конкретный человек могут принимать непосредственное участие в процессе производства и усваивания новых смыслов.

Для установления границ «левого» и «правого», на наш взгляд, необходимо обратиться к дискурсологическим студиям, дабы понимать, насколько широким может быть ареал употребляемости «левого» и «правого» применительно к партиям.

Нужно понимать, что появление новых смыслов неизбежно, ввиду постоянной делимости политического пространства, его объективного усложнения. В частности, проявленная в центре конструкция власти будет неизбежно отступать от своей формы ближе к периферии, к границам политического пространства, где может существовать объективный дефицит власти, а «правила игры» могут легко передёргиваться и исполняться по ситуации [17].

Р. Будагов находит коннотации «партии» в «медицине, геометрии, химии, музыке и т.д.», что, в свою очередь, намекает на разделение пространства [6, с. 144].

Сильная обусловленность властью пространства в центре порой достигает парадоксальных разрешений, превращаясь для самой власти в контроль над тем, чего нет. Неслучайно подобная перспектива может обладать такой завораживающей кинематографичностью, в которой, по словам Г. Козинцева, вспоминая тексты Ю. Тынянова, «часовой охраняет пустоту» [19, с. 167]. По сути дела, попытки концептологических упражнений по поводу «левого» и «правого» могут, на самом деле, являться попытками измерения пустоты, то есть, того, чего нет.

Вообще, следует согласиться с мыслью Г. Гачева, навеянной его разговором с М. Бахтиным о проблеме работы с «материалом с чужого слова». Именно в этот момент исследователь довольно сильно отдаляется от самого предмета, от непосредственной эмпирической, «черновой» работы, переходя к «выстраиванию системы уточнений, критики, снятия чужого слова» [8, с. 130].

«Левое» vs «правое»: конструирование оппозиции в дискурсах

На наш взгляд, сложность идентификации «левого» и «правого» в политическом пространстве может объясняться существованием ряда дискурсов, которые по-своему, с различной степенью влиятельности, притягивают на своё веское объяснение структурирования политического поля.

Наверное, самым влиятельным дискурсом выступает непосредственно политический дискурс. По сути дела, деление на «левое» и на «правое» происходит непосредственно в его рамках, и уже позже, усложняясь за счёт проникновения в него коннотаций «левого» и «правого» из других дискурсов.

Прежде всего, «левое» и «правое» в политике представляет собой результат идеологических размежеваний и некоей рефлексии на проведённые и текущие реформы. Безусловно, в каждой политической традиции есть свои специфики легитимации той или иной идеологии, и её эксплуатации в политических и электоральных процессах.

Существуют «левые» и «правые» партии, равно, как и «левый» и «правый» центр применительно к партийно-политической шкале, зачастую, используемой в современной политической науке. Нужно понимать, что, помимо самих партий на флангах присутствуют ещё и избиратели со своими проблемами и предпочтениями. Прежде, чем произойдёт переход к представительной демократии, должна быть определённым образом сформирована расстановка избирателей, что в одном из своих известных текстов на примере западноевропейских демократий демонстрируют американский исследователь Сеймур Мартин Липсет и норвежский политолог Стейн Роккан [24].

Наряду с политическими разломами могут существовать социальные и культурные рассогласования, угрожающие успешному продвижению обществ на пути демократизации. Поэтому, как справедливо отмечает Ю. Коргунюк, «понимание размежеваний как устойчивых связей между социальным положением избирателей и их политическими предпочтениями не позволяет замыкаться в рамках соперничества между партиями» [12, с. 100].

Вместе с тем, сложность идентификации «правого» и «левого», как правило, чаще понимается исключительно в идеологическом спектре, что порождает «многочисленные и бесплодные дискуссии за право считаться «истинно левыми» или «истинно правыми» [15, с. 44].

Безусловно, такие дискуссии свидетельствуют о существующем в обществе запросе на демократические практики обсуждения тех или иных инициатив, на значительное ослабление принуждения. В тоталитарной машине подобные дискуссии всегда окажутся бесплодными и даже вредными для легитимности самой политической конструкции. Неслучайно, сильное брожение умов отмечается во Франции в период Мая 1968 года. Не является исключением и ситуация после распада СССР. В ранний период президентства Б. Ельцина существующий запрос на демократизацию общественной и политической жизни был буквально воспринят обществом как начало политического проектирования. Во многом это сказывается и на состоянии социальной базы тех или иных политических проектов, набравших свою привлекательность за счёт радикализации собственных тезисов и попыток заверения своих симпатизантов в том, что они могут быть реализуемы. Неслучайно, что на это может реагировать студенческая молодёжь, которая, по словам С. Захарова, пытается активно действовать там, «где у неё могут быть реальные шансы на реализацию своих политических планов» [9, с. 76].

Дискуссии, естественно, могут вестись и внутри самих флангов. Некоторые исследователи могут представлять ситуацию, как в левом, там и в правом дискурсе, что называется, непосредственно с места событий. В частности, что касается левого фланга в России, таким может быть исследование А. Тарасова о российских левых, активность которых постепенно сошла на «нет» к 2000-м гг. Обратим внимание, насколько сложной может быть интерпретация левой политической морфологии, данная самим автором. В частности, он указывает, что «термин “леворадикалы” (“леваки”) здесь и далее применяется по отношению к крайне левой части спектра всего левого движения – к организациям анархистов, троцкистов, “новых левых” и антисталинистов – “пролетаристов”» [18, с. 9].

Автор предлагает ключевой критерий размежевания «левого» фланга, отделяющий «леваков» от коммунистов. С его точки зрения, таким критерием может выступать «отношение к Сталину и ВКП(б) – КПСС. В отличие от коммунистических организаций леворадикалы не соотносят себя с ВКП(б) – КПСС, не считают себя наследниками этой партии и отрицательно относятся к сталинизму» [18, с. 25].

Вообще, совершенно неслучайно, что в действующей толпе могут встречаться и находить себя представители различных политических сил,

но их фланговое политическое родство, здесь, не вызывает сомнения. Именно в этом могли совпадать между собой Эдуард Лимонов, лидер «Авангарда красной молодёжи» Сергей Удальцов. Впрочем, крайние части политического спектра могут и совпадать в оценки текущей политической ситуации и в выборе форм и методов политического участия. Скажем, к таковым примерам может быть отнесён, на наш взгляд, кейс Гарри Каспарова – яркого представителя демократических сил конца 1980-х – начала 1990-х гг., и нашедший себя уже позже в широкой коалиции «Другой России» и выступавшего одним из организаторов известных «Маршей несогласных». Новая культура протеста всегда будет связывать представителей контркультуры, пусть даже и находящихся в разных частях политического спектра. Именно поэтому образовавшейся толпе будет не суждено полюбить парламент, потому как «в нём она не представлена» [2, с. 166].

Ситуационные союзы достаточно узнаваемых лидеров радикальных политических институций, на наш взгляд, очень удачно описал А. Цветков. В автобиографическом тексте «Баррикады в моей жизни» он вспоминает примеры ситуационного совпадения как леваков, так и «новых правых» - «нацистов и денди одновременно» [21, с. 37].

Революционная кутерьма выглядит случайно состоявшимся событием. В толпе всегда будут представлены «осколки различных классов» [2, с. 166]. Во многом, именно поэтому, «левое» и «правое» зачастую смешиваются в ситуации политической нестабильности. «В 91-м меня поил чаем вылитый Лев Толстой. В 93-м к Дому Советов сошлись платоны каратаевы, но не как их хотел видеть граф, а какие они есть настоящие: с антиеврейским прищуром, армейско-уголовными наколками под тельничком», - вспоминал А. Цветков [21, с. 37].

Когда возникает вопрос о разъединении «левого» и «правого», вряд ли кто пытается всерьёз повести под это размежевания историческую и культурную основу. Как мы видим на представленных выше примерах, да и в дальнейшем, данная оппозиция конструируется, скорее, ситуационно, по мере необходимости в ней. Решающей точкой отсчёта выступает позиция «здесь и сейчас».

Оппозиция «левого» и «правого» конструируется и в экономическом дискурсе. Дискурсы, сталкивающие «левое» и «правое» в политическом процессе, не функционируют изолировано, а интегрируются друг другом. Так и в случае экономического дискурса мы можем найти определённое

влияние текущего политического момента. В частности, когда речь идёт о реформах, раскалывающих общество на две неравных части, из которых потом и будет вырастать поддержка тех или иных политических сил. Впоследствии, эти расколы будут влиять на восприятие голосования за политические партии, как экономического. Этот сюжет виден у американского политолога Э. Даунса в его наблюдениях по поводу того, что человек начинает «голосовать за ту партию, которая предоставит ему больше выгод, чем любая другая» [23, с. 36]. Что-то подобное можно увидеть в рассуждениях по поводу «левого» и «правого» французского интеллектуала Ж. Сегела. Кошелёк и сердце.

В зависимости от исторического и культурного контекста «левое» и «правое» могут меняться местами и не представляться неподвижными данностями. В частности, измерения «левого» и «правого» не могут не совпадать в случае России, и, скажем, Венгрии. Дело здесь в различном отношении к реформам, и изначальном взгляде на частную собственность. Подобная разница могла существовать применительно к определению места аграрных политических проектов. Если в случае России начала 1990-х гг. они могут быть исключительно левыми, то в странах ЦВЕ эти партии уже рассматриваются сквозь оптику избирателя, относящегося к своей земле уже на правах хозяина. Таким образом, перед нами разворачивается обратная перспектива.

«Левыми» оказываются политические проекты, в которых можно увидеть высокую долю государственной заботы, патернального участия и контроля. Безусловно, такое возможно лишь в случае, если экономические блага распределены не слишком пропорционально, а подавляющее большинство населения имеет достаточно низкий уровень экономической свободы. Взяв к себе в союзники П. Бурдьё, предположим, что голосование за те или иные проекты может определяться для отдельно взятого человека и текущей комбинацией объективированной культуры и габитуса [7].

В теории поля П. Бурдьё одна из центральных осей, расслаивающих общество, как раз конструируется в зависимости от обладания капиталом, что, в свою очередь, согласуется с политическими предпочтениями и культурным контекстом. Фактор экономической свободы влияет на политические выборы. Бедные и богатые всегда будут голосовать по-разному.

Нужно понимать, что любое размежевание политического пространства, может быть, экономические описано в контексте богатства и бедно-

сти. Запад и Восток, Север и Юг, столица – провинция – у каждой из отмеченных оппозиций могут существовать безусловные экономические основания.

В частности, уже упоминаемые нами выше, С. Липсет и С. Рокан находят 4 оси размежевания внутри партийного спектра, имеющие экономическую природу:

Первая ось представляет собой размежевание между центром и периферией. Крупные города, как правило, лучше развиты экономически, что неизбежно приводит к определённым последствиям в политическом выборе. В частности, что касается современной России, то именно крупные города приносят необходимый процент голосов избирателей, обеспечивая представительство правым партиям в городских и региональных парламентах.

Вторая ось разделяет государство и церковь. Политические предпочтения могут конструироваться вокруг отношения к данным институтам. Здесь важна их экономическая природа. К слову, можно обратить внимание, что достаточное количество политических партий в различных государствах мира могут, так или иначе, использовать религиозные концепты в процессе формирования собственной идентичности. В основании разделения между государством и церковью можно увидеть и проблему соотношения рационального и эмоционального.

Третья ось разделяет экономику сельского хозяйства и экономику города. Подобные ориентации могут отражаться и на партийно-политическом спектре, потому как за каждой партией будет скрываться избиратель (горожанин или селянин) с вполне конкретным экономическим профилем и культурным бэкграундом.

Наконец, четвёртая ось представляет собой конфликт между держателями капитала и наёмными рабочими. Действительно, различная степень экономической свободы располагает владельцев капитала и наёмных работников по разные стороны политического спектра. Основанием подобного разделения как раз является различное отношение к капиталу и труду, различная степень экономического довольствия [24].

Существенным образом усложняет существующее размежевание между «левым» и «правым» религиозный дискурс, в рамках которого можно отметить особые истории соотношения двух частей политического спектра.

Говоря о мифологических истоках конфликта двух частей, следует указать на одно из ключевых в славянской мифологии противопоставлений «правды» и «кривды». В частности, как отмечают В. Иванов и С. Топоров, это противопоставление символизировалось в конкретных понятиях «правого – левого, прямого – изогнутого» [14, с. 329]. При этом правая часть символически и концептуально воспринимается, как в большей степени правдивая и справедливая.

Нужно отметить, что номинализация «правого» как правильного зачастую может использоваться теми или иными политическими проектами. В частности, в современной России известны такие проекты, как «Правое дело», «Союз правых сил». Свою «правую» позицию на политико-партийной шкале они могли обыгрывать как действительно правильную, оптимальную на конкретный момент времени. Хотя, для такой, в принципе, «левой» страны как Россия, такие ухищрения номинализации могут не иметь большого значения.

В религиозном дискурсе также проявляет себя проблема деления целого. Политическое целое может быть делимо в то время, как природа является, наоборот, цельной. Отсюда, «разделение единого – неизбежное следствие эманации власти: чтобы проявиться вовне, она вынуждена делиться... <...> ... от сакрального центра отделяется косная профаническая периферия» [11, с. 113].

В религиозном дискурсе «левое» и «правое» связывается и с традициями иконописи, равно, как и представлениями Святой Троицы. В этом смысле, политический спектр можно сравнить с некоей статичной поверхностью, на который уже нанесено изображение. В таких условиях, может существовать как прямая, так и обратная перспектива, связанная с позицией наблюдателя. Б. Успенский отмечал, что «противопоставление прямой и обратной перспективных систем могут быть связаны прежде всего с неподвижностью или же, напротив, с динамичностью зрительной позиции» [20, с. 247]. В самой мифе о Троице, по сути дела, мы видим некий конкурентный порядок, некое политическое множество.

Б. Успенский считает, что неслучайно «изображение крепости, башни которой распластаны на плоскости и устремлены от центра к периферии изображения: вниз, вверх, в стороны. Очевидно, что подобные изображения могут возникать только при том условии, что художник мысленно помещает себя в центр изображаемого пространства» [20, с. 255].

Так автор оказывается в центре воображаемого политического многообразия, устанавливающегося в период развития политического процесса. По большому счёту здесь может звучать важная для нас мысль об изначальной авторской (и субъективной) оценке «левого» и «правого». Каждый интерпретатор воображает фланги так, насколько ему это удобно, лично выступая политическим конструктором политической реальности. Когда речь идёт о позиции субъекта внутри некоей реальности, то, нужно всегда понимать, что сам субъект будет обращён к зрителю, считывающему картинку наоборот, что позволяет обнаружить в этом некую театральность. Впрочем, театральность изначально присуща политике.

У Б. Успенского можно найти и другие важные для нас сюжеты, в рамках которых интерпретация «левого» и «правого» приобретает политические очертания. Продолжая попытку определения сторон в религиозном дискурсе, нужно отметить, что «правая (от Христа) сторона связывается с верой, а левая — с неверием. Одновременно правая сторона связывается с верхом, а левая — с низом». В «левом» и «правом» сопрягаются настоящее и будущее. Действующая реальность кажется всегда репрессивной и требующей революционного преобразования [20, с. 299-300]. В этой связи обратим внимание на перспективность левых проектов в современной России, особенно в условиях, когда экономические кризисы постоянно вырабатывают всю новую и новую социальную базу «левых» политических проектов.

Вообще, нужно понимать, что ровного деления на «левое» и «правое» быть не может. Вряд ли могут существовать ситуации, которые разделяют общество исключительно надвое. Левая сторона всегда представляется более крупной, массовой, популярной. Как некогда отметил Г. Гачев, армейский шаг начинается именно с левой ноги. Поэтому, «маршировка так наливает силой». Армия ещё и метафизична, равно, как монастырь и церковь, отсюда, Г. Гачев видит в этом и «порядок, и строй, и послушание и молчание» [8, с. 186]. Правая часть всегда уступает левой в силе. Вместе с тем это вовсе не означает, что с левого фланга невозможен поворот направо.

Возможность конструирования оппозиции «левого» и «правого» в политическом, экономическом и религиозном дискурсе отчётливо демонстрируют операционализацию данного размежевания в различных сферах. При этом, с одной стороны, ситуация расшифровки данной оппози-

ции существенно затрудняется ввиду постоянно обрастания её различными смыслами и историями, но, с другой стороны, присутствует и постоянный намёк и на некую точку отсчёта (центр власти), от которой начинается измерение политического пространства.

«Левые» и «правые» в современной России: проблемы деконструкции

Вопрос идентификации «левого» и «правого» в современной российской политике может болезненно переживаться не только партийными интеллектуалами и идеологами, для которых всё затруднительнее становится объяснять своим членам необходимость тех или иных манёвров, но и самими избирателями, адресующими свои разочарования партийному истеблишменту. Зачастую можно увидеть, как политический популизм заставляет партийных лидеров манкировать идеологическими догматами, вместо того, чтобы неукоснительно следовать им. Есть примеры, когда некоторые партийцы совершают стремительные миграции их партии – в партию, придавая вопросу идентификации конкретных политических партий ситуационный характер. Вспомним историю Е. Мизулиной, последовательно поменявшей партийную идентичность «Яблока», «Союза правых сил» и «Справедливой России». Известен и случай А. Митрофанова, неоднократно избиравшегося в Госдуму ФС РФ от ЛДПР, а затем и от «Справедливой России». Известный своими анархистскими убеждениями в конце 1980-х гг. А. Исаев с 2000-х гг. начинает конкретно ассоциироваться с «Единой Россией». Подобных примеров можно привести достаточно много, если мы будем подробно вчитываться в биографию того или иного российского парламентария. В современной России не являются исключением и представители губернаторского корпуса и главы муниципальных образований, для которых смена политического курса, легитимация в статусе должностного лица моментально означает смену и партийной идентичности. Некоторые губернаторы могут формально сохранять свои симпатии партиям, выступившим трамплинами их политической карьеры (А. Островский – Смоленская область (ЛДПР), А. Клычков – Орловская область (КПРФ), В. Коновалов – Хакассия (КПРФ), правда, в то же время, позиция таких губернаторов всегда совпадает с установками Кремля, когда речь идёт о федеральной мобилизации (проведение федеральных избирательных кампаний, референдум по Конституции РФ и т.д.).

Всякий раз, читая курс «Общей политологии», и переходя к лекции о политических партиях, а также современном процессе партийного строительства в России, автор неизбежно сталкивается с проблемой партийной идентификации. Студенты часто задают вопрос об этом. В тот самый момент зарисовывается шкала с неизменной «Единой Россией» в центре. Слева наносится КПРФ. После этого, пожалуй, энтузиазм лектора начинает постепенно снижаться. Проблемы наступают с идентификацией партий «ЛДПР», «Справедливая Россия», «Яблоко».

Принимая во внимание, в принципе, справедливую мысль о том, что в современной России «справа», в принципе, не может быть массовых политических партий, поневоле, есть сильное искушение разместить ЛДПР слева. Правда, тогда возникает вопрос о диспозиции ЛДПР и КПРФ. К «левой» позиции призывает сама риторика ЛДПР. Вспомним известные тезисы о том, что каждому мужику необходима «баба и бутылка водки» (в принципе, явно не «правая» установка»). Социологический портрет сторонника ЛДПР также затрудняет его идентификацию как продвинутого и интеллектуального «правого» избирателя. Вместе с тем, отдельные националистические эскапады и фактическая поддержка непопулярных инициатив власти ставит под сомнение присутствие ЛДПР на левом фланге. Видимо, в современной России можно говорить о тактике «блуждающих» партий, действующих ситуационно, в меру тактических представлений о разовых бонусах.

Определённую сложность можно увидеть, в частности, и в идентификации КПРФ, учитывая постоянную готовность Г. Зюганова к компромиссам с властью. В критические моменты КПРФ оказывается её сторонником, дистанцируясь от уличных выступлений своих ситуационистов. Вспомним истории с движением «Стратегия 31», когда отдельно взятые Каспаров и Удальцов могли весить больше, чем целая парламентская партия. Расхождения по поводу необходимости участия КПРФ в поддержке январских акций 2021 г. не могут не свидетельствовать о том, что не всех партийцев может устраивать лоялизм партийной верхушки, ротация которой чрезвычайно затруднена. Возвращаясь к нашему тезису о «блуждающих» партиях, КПРФ постепенно притягивается к центру, чем теряет свою популярность, разочаровывая своих прежних сторонников и симпатизантов.

Несмотря на кажущуюся однообразность политической жизни в современной России, политический спектр при желании можно увидеть до-

вольно многообразным. Левый фланг, равно, как и правый фланг в современном российском политическом спектре всякий раз начинают удивлять своей пестротой в тот момент, когда спектр распадается в зависимости от отношения к той или иной политической повестке.

Так, совсем недавно в информационном пространстве появился концепт «путинские леваки». В чрезвычайно насыщенном идеями и опасностями расколов левом фланге некоторые авторы склонны выделить и «антитоталитарных левых». Причём могут указываться имена их конкретных представителей, среди которых известная «группа Pussy Riot и лично Надежда Толоконникова и Мария Алехина, художник-акционист Петр Павленский» [3]. В политическом процессе современной России каждая из перечисленных персоналий была отмечена оригинальными попытками прислушаться к себе.

Таким образом, следует отметить, что развитие политического процесса в современной России не добавляет ясности в вопрос понимая специфики конструирования «левого» и «правого» политического спектра. Более того, сложность идентификации «левого» и «правого», видимо, скоро может привести к ситуации, когда в дискурсивных практиках подобного от подобного размежевания будут отходить. Исследователям и экспертам всё сложнее становится идентифицировать процесс партийного строительства «слева» и «справа», равно, как и самим политикам идентифицировать самим себя, опасаясь неблагоприятных последствий и разочарований.

Сложность определения места конкретной политической партий в политическом спектре современной России связывается ещё и с постоянной динамикой партийной жизни, предполагающей необходимость следования в фарватере центра – «Единой России», но, вместе с тем, и созданием ситуаций, когда приходится делать хорошую мину при плохой игре, убеждая своих сторонников плохо поставленными инсценировками в самостоятельности партии по тем или иным вопросам внутренней и внешней политики. Такое несвободное маневрирование не спасает партии от критических стрел своих сторонников и симпатизантов, заинтересованных в чётком понимании идеологических приоритетов, которые представляет партия.

Политические партии в современной России всё чаще можно определить, как «блуждающие», действующие по ситуации, и лишённые само-

стоятельного дрейфа в фарватере интересов Кремля и «Единой России». Появление новых расколов и размежеваний (COVID-19, вакцинация, карантинные меры и т.д.), дополняющих классические (см. оси размежевания С. Липсета и С. Роккана), только усиливают склонности партий к взаимным компромиссам и ситуационным союзам, затрудняя их идентификацию как «левых» или «правых».

Литература

1. Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб.: Алетея, 2000.
2. Арндт Х. Истоки тоталитаризма. Москва: ЦентрКом, 1996.
3. Ахтырский Д. Четыре колонны Путина: ответ Жижекку. URL: <https://polit.ru/article/2014/04/18/ideology/> (дата обращения 27.02.2021).
4. Барциковский А., Панькув И. Политическая культура общества и её обусловленность. // Элементы теории политики. Ростов-на-Дону, Издательство Ростовского университета, 1991.
5. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Москва: Художественная литература, 1975.
6. Будагов Р.А. Развитие французской политической терминологии в XVIII веке. Москва: Добросвет-2000, 2002.
7. Бурдьё П. Социология политики. Москва: SocioLogos, 1993.
8. Гачев Г. Семейная комедия. Лета в Щитове. Москва: Школа-Пресс, 1994.
9. Захаров С. Студенческая молодёжь в политических процессах на постсоветском пространстве. Липецк: Гравис, 2017.
10. Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. Москва: РОССПЭН, 1997.
11. Исаев И.А. Politica Hermetica: скрытые аспекты власти. Москва: Юристь, 2003.
12. Коргунюк Ю.Г. Концепция размежеваний и теория проблемных измерений: точки пересечения // Полис. Политические исследования. 2019. №6.
13. Манов Ф. В тени королей. Политическая анатомия демократического представительства. Москва: Институт Гайдара, 2014.
14. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. Т. 2. Москва: Большая российская энциклопедия, 1997.

15. Партийно-парламентский словарь. Пермь: ЗёБРА, 2008.
16. Сартори Д. Искажение концептов в сравнительной политологии // Политические исследования. Полис. Политические исследования. 2003. №4.
17. Скиперских А.В. Провинция как пространство безвластия (наброски русской культуры) // Дискурс-Пи. 2018. №3-4(32-33).
18. Тарасов А. Революция не всерьёз: штудии по теории и истории квази-революционных движений. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005.
19. Тынянов. Писатель и учёный. Воспоминания. Размышления. Встречи. Москва: Молодая гвардия, 1966.
20. Успенский Б.А. Семиотика искусства. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1995.
21. Цветков А. Баррикады в моей жизни. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2006.
22. Carlisle M. What to Know About the Origins of 'Left' and 'Right' in Politics, From the French Revolution to the 2020 Presidential Race. URL: <https://time.com/5673239/left-right-politics-origins/> (дата обращения 26.02.2021).
23. Downs A. An Economic Theory of Democracy. New York: Harper and Brothers, 1957.
24. Lipset S.-M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: an Introduction. Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspective. New York, London: Free Press, 1967.

References

1. Abel's Kh. Interaktsiya, identichnost', prezentatsiya. Vvedenie v interpretativnuyu sotsiologiyu. SPb.: Aleteiya, 2000.
2. Arendt Kh. Istoki totalitarizma. Moskva: TsentrKom, 1996.
3. Akhtyrskii D. Chetyre kolonny Putina: otvet Zhizheku. URL: <https://polit.ru/article/2014/04/18/ideology/> (data obrashcheniya 27.02.2021).
4. Bartsikovskii A., Pan'kuv I. Politicheskaya kul'tura obshchestva i ee obuslovlennost'. // Elementy teorii politiki. Rostov-na-Donu, Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 1991.
5. Bakhtin M. Voprosy literatury i estetiki. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1975.
6. Budagov R.A. Razvitie frantsuzskoi politicheskoi terminologii v XVIII veke. Moskva: Dobrosvet-2000, 2002.
7. Burd'e P. Sotsiologiya politiki. Moskva: SocioLogos, 1993.
8. Gachev G. Semeinaya komediya. Leta v Shchitove. Moskva: Shkola-Press, 1994.
9. Zakharov S. Studencheskaya molodezh' v politicheskikh protsessakh na postsovetskom prostranstve. Lipetsk: Gravis, 2017.
10. Il'in M.V. Slova i smysly. Opyt opisaniya klyuchevykh politicheskikh ponyatii. Moskva: ROSSPEN, 1997.
11. Isaev I.A. Politica Hermetica: skrytye aspekty vlasti. Moskva: Yurist", 2003.
12. Korgunyuk Yu.G. Kontseptsiya razmezhevanii i teoriya problemnykh izmerenii: tochki peresecheniya // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2019. №6.
13. Manov F. V teni korolei. Politicheskaya anatomiya demokraticeskogo predstavitel'stva. Moskva: Institut Gaidara, 2014.
14. Mify narodov mira. Entsiklopediya: v 2-kh t. T. 2. Moskva: Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya, 1997.
15. Partiino-parlamentskii slovar'. Perm': ZeBRA, 2008.
16. Sartori D. Iskazhenie kontseptov v sravnitel'noi politologii // Politicheskie issledovaniya. Polis. Politicheskie issledovaniya. 2003. №4.
17. Skiperskikh A.V. Provintsiya kak prostranstvo bezvlastiya (nabroski russkoi kul'tury) // Diskurs-Pi. 2018. №3-4(32-33).
18. Tarasov A. Revolyutsiya ne vser'ez: shtudii po teorii i istorii kvazirevoljutsionnykh dvizhenii. Ekaterinburg: Ul'tra. Kul'tura, 2005.

19. Tynyanov. Pisatel' i uchenyi. Vospominaniya. Razmyshleniya. Vstrechi. Moskva: Molodaya gvardiya, 1966.

20. Uspenskii B.A. Semiotika iskusstva. Moskva: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1995.

21. Tsvetkov A. Barrikady v moei zhizni. Ekaterinburg: Ul'tra. Kul'tura, 2006.

22. Carlisle M. What to Know About the Origins of 'Left' and 'Right' in Politics, From the French Revolution to the 2020 Presidential Race. URL: <https://time.com/5673239/left-right-politics-origins/> (data obrashcheniya 26.02.2021).

23. Downs A. An Economic Theory of Democracy. New York: Harper and Brothers, 1957.

24. Lipset S.-M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: an Introduction. Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspective. New York, London: Free Press, 1967.

**А.С. Андреев,
Д.М. Розенталь**

**A.S. Andreev,
D.M. Rozental**

**ЛЕВЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ В
ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ:
ТРАДИЦИИ И
СОВРЕМЕННОСТЬ ***

**LEFT-WING
REGIONALISM IN LATIN
AMERICA: TRADITION
AND MODERNITY**

Аннотация

Статья посвящена феномену левого регионализма в Западном полушарии. В ней анализируются исторические традиции этого явления (особое внимание при этом уделяется опыту Третьего Интернационала), а также его современное состояние. Представления Коминтерна о схожести политических процессов в латиноамериканских странах способствовали созданию единых координационных центров и объединений социалистов. В конечном счете это привело к осознанию левыми общих вызовов и угроз. Важнейшей из них стала зависимость от империалистических государств – США и Великобритании. Традиции антиимпериализма и антиамериканизма актуальны и в современной политической практике латиноамериканских государств. В работе проанализированы внешнеполитические линии пяти из них: Венесуэлы, Кубы, Никарагуа, Боливии и Мексики. В целом ряде случаев они оказывали противодействие Вашингтону, оспаривали его гегемонию в Западном полушарии. Впрочем, несмотря на существующие установки, эти страны вынуждены вести прагматичную политику из-за испытываемых ими объективных трудностей. Идеологические постулаты остаются декларативными и не оказывают решающего влияния на формирования внешнеполитического курса. В статье применяется междисциплинарный подход, сочетающий исторические и политологические методы. Для определения особенностей внешней политики латиноамериканских левых как единого процесса используется системный анализ. Традиции антиамериканизма в странах Латинской Америки выявляются при помощи исто-

Abstract

The article is devoted to the phenomenon of anti-Americanism and left-wing regionalism in the Western Hemisphere. It analyzes the historical traditions of this phenomenon (the main attention is paid to the experience of the Third International) and the current situation as well. The views of the Comintern about the similarity of political processes in Latin American countries contributed to the creation of unified coordination centers and associations of socialists. Ultimately, this led to the understanding of common challenges and threats. The most important of them was dependence on the imperialist states – the USA and Great Britain. The traditions of anti-imperialism and anti-Americanism are also popular in the modern political practice of Latin American states. The paper analyzes the foreign policy of five of them: Venezuela, Cuba, Nicaragua, Bolivia and Mexico. In a number of cases, they opposed Washington and challenged its hegemony in the Western Hemisphere. However, despite the existing guidelines, these states are forced to pursue a pragmatic policy. This situation takes place because of the objective difficulties in the domestic policy or weakness in international position. Ideological postulates remain declarative and do not have a decisive influence on the formation of foreign policy. The article uses an interdisciplinary approach that combines historical and political science methods. A system analysis is used to determine the characteristics of the foreign policy of the Latin American leftist regimes as a single process. Traditions of anti-Americanism in Latin American countries are identified using the historical-genetic method. The paper is based on a

рико-генетического метода. Работа основана на широком круге источников и публикациях ведущих российских и зарубежных исследователей.

wide range of sources and publications of leading Russian and foreign researchers.

Ключевые слова:

Латинская Америка, Коммунистический интернационал, антиамериканизм, регионализм, США, Венесуэла, Куба, Боливия, Никарагуа, Мексика.

Key words:

Latin America, Communist International, anti-Americanism, regionalism, USA, Venezuela, Cuba, Bolivia, Nicaragua, Mexico.

* Статья подготовлена при поддержке проекта РНФ 18-19-00305 «Коминтерн и Латинская Америка: исторические традиции и политические процессы».

С момента своего основания в 1919 году III Интернационал обращал особое внимание на страны «третьего мира», которые вставали на путь индустриального развития. Первостепенное значение придавалось Азии, где рабочее движение уже имело организацию и идеологию. Государства Латинской Америки, не прошедшие еще период буржуазных революций, находились на периферии внимания всемирной компартии. Функционеры Коминтерна не владели в должной мере положением дел в этом регионе. Они воспринимали его как единое политическое и социально-экономическое пространство с похожими проблемами.

Зачастую III Интернационал предлагал общие рецепты решения региональных проблем, настаивал на сотрудничестве коммунистов, поддерживал формирования единых центров, создавал формы и механизмы их кооперации. Так, действовали секции Крестинтерна, Спортинтерна, Профинтерна, проводились континентальные конференции рабочих организаций. Во многом Коминтерн заложил основу для латиноамериканских интеграционных процессов, а его идеологическое наследие проявляется в современных меж-американских отношениях. Цель настоящей статьи – проследить эволюцию идей всемирной компартии во внешней политике «левых».

Международные отношения в Латинской Америке неоднократно становились предметом научных исследований как российских, так и зарубежных ученых. В частности, проблемы отдельных объединений рассматривались в работах В.Л. Хейфеца [26], Л.В. Хадорич [28], А.Н. Пятакова [20], Д.В. Разумовского [22], Т.В. Сидоренко [59], Н.С. Аниськевич [2], Н.М. Яковлевой [64], Л.С. Хейфеца и К.А. Коноваловой [48]. Вместе с тем в существующих публикациях в недостаточной степени исследовались исторические корни региональных процессов. Аналогичные особенности характерны и для иностранных авторов. Так, Дж. Ло Брут-

то [53], С. Гранада-Кардона [58], Ф. Керн Морейра [50], Л. Карлос Эррера [42] проанализировали сценарии интеграционного развития, определили его культурное, политическое и правовое измерения, однако не проследили преемственность тех или иных идей.

Особняком стоят тексты эквадорского исследователя Д. Керсфельда [51], в которых анализируется влияние Коминтерна на современные региональные процессы. Тем не менее, наследие III Интернационала, преемственность его идей современными «левыми» еще в должной степени не изучены. Их анализ представляет важную научную задачу.

Коминтерн и формирование региональной идентичности

Слабая осведомленность Коминтерна о положении дел в латиноамериканских странах не мешала ему формулировать инструкции (их грамотность зачастую оставляла желать лучшего) для национальных ячеек и требовать их неукоснительного исполнения. В этих условиях партии, с одной стороны, были вынуждены реагировать на внутренние процессы, защищая права рабочих. С другой стороны, они оказывались перед необходимостью реализации присланных установок. Это обстоятельство приводило к ошибкам, неверному пониманию конкретных задач «левых». Вместе с тем восприятие III Интернационалом региона «в целом» способствовало формированию в нем организационных связей.

В этом смысле особое значение приобрели решения Коминтерна по созданию центров управления и координации латиноамериканского левого движения. В 1919 году в Мексике было создано Латиноамериканского бюро (ЛАБ). В 1920 году учреждено Панамериканское бюро (Американское агентство) (ПАБ) в составе трех человек – С. Катаямы, Л. Фрайны и К. Янсона [27, с. 89]. Кроме того, с подачи американских делегатов обсуждалась идея организации Центральноамериканского бюро. Она была отвергнута Малым бюро ИККИ [27, с. 100]. При этом неэффективная работа ПАБ (определенного успеха удалось добиться лишь в странах Северной Америки) побудило III Интернационал к работе над созданием новых механизмов сотрудничества.

После присоединения к III Интернационалу компартий Уругвая (*Partido Comunista de Uruguay, PCU*) и Аргентины (*Partido Comunista Argentino, PCA*) в 1921 г. генеральный секретарь последней Р. Гиольди настаивал на создании на основе PCA континентального центра для рас-

пространения левых идей во всех странах Южной Америки [7]. Таким образом, в 1921 году в Буэнос-Айресе было создано Бюро коммунистической пропаганды (БКП) [33, с. 32].

Уже на раннем этапе особое значение получила Антиимпериалистическая лига (АЛ), ставшая одним из механизмов сотрудничества левых. На регион эта организация обратила внимание в 1927 г. на Всемирном конгрессе против империализма и колониального угнетения в Брюсселе. На нем присутствовали и делегаты из Латинской Америки. Сопrotивление мировому капитализму стала заметной установкой партий континента. Этот тезис, в частности, в 1930 г. подчеркивал один из функционеров III Интернационала Гарланди (Руджиеро Гриеко) [24]. Раздавались призывы к усилению борьбы ввиду экспансии империализма и его попыток вовлечь страны в возможную мировую войну [36, с. 88].

Идеология антиимпериализма была тесно связана с антиамериканизмом. Компартии стран региона должны были бороться не только с национальной буржуазией, но и с влиянием Вашингтона на торгово-финансовые процессы латиноамериканских государств. Отмечалось, в том числе и североамериканскими делегатами, слияние международного капитала с местными правительствами в Мексике и Чили. В Регионе наблюдалось и соперничество магнатов из Великобритании и США [23].

Нельзя не отметить кампании, которые Коминтерн и его дочерние структуры вели, основываясь на принципах интернационализма, империализма и антиамериканизма. Созданные комитеты по защите жизни Сакко и Ванцетти, «Руки прочь от Никарагуа», комитет освобождения Мельи стали символом солидарности левых сил региона. Был поднят вопрос не только о роли США, но также о важности государственного и регионального суверенитета, что стало основой для формирования на рубеже столетий интеграционных проектов.

Важным явлением в мировоззрении левых сил в Латинской Америке стал апризм [47]. Проект, не входящий в структуру Коминтерна (хотя и имеющий с ним некоторое родство), соединил в себе как традиционные левые идеи, так и восприятие региона в качестве самостоятельного пространства, для которого не подходят европейские и североамериканские рецепты. Его идейный основатель Виктор Рауль Айя де ла Торре полагал, что у Индо-Америки должен быть свой путь развития, основанный на всеобщей демократии, равных правах и уважении к коренному населению [34].

В 1920-1930-е гг. при участии Коминтерна происходило формирование региональной идентичности. Она основывалась на понимании уникального, но единого исторического пути стран Латинской Америки, защите их суверенитета от давления американских и британских капиталов. Важной составляющей стало проведение совместной политики левых сил региона и попытка создания механизмов их сотрудничества.

В этих условиях неминуемо проявлялось опасение правых политиков, а также рабочих организаций в том, что усиление влияния III Интернационала приведет к улучшению позиций Москвы в регионе. Они стремились защищать государства континента от советской экспансии. В частности, в 1929 г. в Уругвае была проведена встреча анархистских профсоюзов под лозунгом «Против подчинения московскому правительству!». В некотором смысле эта негативная реакция на действия Коминтерна также способствовала укреплению единства Латинской Америки.

Наследие Коминтерна и новые интеграционные процессы

Во второй половине XX века проявилось несколько трендов регионального сотрудничества. Они уже не были напрямую связаны с Коминтерном, прекратившим своего существование в 1943 году, но базировались на демократических принципах, необходимости восстановления легитимных электоральных процессов. Особенно остро эта тенденция проявилась в условиях военных режимов в 1970-е – 1980-е гг. Создавались единые фронты сопротивления левых сил, действовавшие, впрочем, с переменным успехом.

В этот период вновь стали актуальны лозунги антиимпериализма и интернационализма. Левые силы полагали, что за военными режимами стоят американские и британские капиталы. Борьба с ними должна была носить региональный характер (такое мнение высказывал руководитель компартии Уругвая Родней Арисменди [40]). Вместе с тем деятели коммунистического движения обращали внимание, прежде всего, на конкретные экономические проблемы в своих странах, готовились оказать сопротивление местной олигархии. Они больше не ждали прихода мировой революции в Латинскую Америку. Ее победа на национальном уровне должна была запустить этот процесс в региональном масштабе.

Распад СССР оказал существенное влияние на изменение идеологии, стратегии и тактики левых сил. Они были вынуждены сопротивляться фор-

мированию однополярного мира, усилению давления со стороны Вашингтона. Лишь после переноса США фокуса своего внимания на другие регионы мира (прежде всего, речь идет о Ближнем Востоке и Средней Азии) Латинская Америка вновь начала воспринимать себя как единое политическое пространство. Экономические неурядицы в большинстве крупных государств, обусловленные неудачными неолиберальными реформами, требовали решений. Оставшись без советской и американской поддержки, им пришлось развивать собственные интеграционные объединения.

В XXI веке в регионе был создан ряд интеграционных проектов, призванных стать альтернативой влиянию США в регионе. Речь идет о Союзе южноамериканских наций (Unión de Naciones Suramericanas, UNASUR), Сообществе стран Латинской Америки и Карибского бассейна (Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC). Некоторое антиамериканское звучание приобрел созданный еще в 1991 г. Общий рынок стран Южного Америки (Mercado Común del Sur, Mercosur). При этом антиимпериалистическая составляющая особенно ярко прослеживалась в «совместном детище» Кубы и Венесуэлы – Боливарианском альянсе для народов нашей Америки (Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América, ALBA) [38].

В этот период латиноамериканские страны стремились преодолеть присущий региону экономический детерминизм, создать не только общий рынок, но и образовательное, культурное, научное пространство, выработать единые подходы к безопасности, экологическим и международным вопросам [41]. По справедливому замечанию Д. Керсффельда, у всех объединений развивалась политическая функция. Они активно участвовали в разрешении конфликтов в Колумбии, Венесуэле, Парагвае [51]. Таким образом, были созданы механизмы, позволявшие решать проблемы, не прибегая к помощи глобальных игроков.

Международные отношения во многом формировались под влиянием двух векторов развития. Речь идет о «внутреннем» (естественное стремление к интеграции) и «внешнем» (ответ на давление глобальных игроков). При этом в период «левого поворота» приоритетным был первый. В годы правления Широкого фронта в Уругвае (2005-2020) Монтевидео подчеркивал вторичность глобальных процессов по сравнению с региональными [55]. В Венесуэле и вовсе единство Латинской Америки было важнейшим постулатом боливарианской идеологии [25, с. 34].

Серьезной проблемой интеграционных процессов в Латинской Америке остается разница в экономическом и ресурсном потенциале стран региона. Они отличаются и по степени политического радикализма. Так, реформы в Венесуэле в период Боливарианской революции были более глубокими и решительными в сравнении с преобразованиями Партии трудящихся (Partido dos Trabalhadores, PT) в Бразилии. Кроме того, идеологическое разнообразие в различных объединениях также не способствовало их прочности.

Во многом по этим причинам к концу второго десятилетия XXI в. проекты интеграции в Латинской Америке оказались в состоянии кризиса. Его усилил приход к власти в ряде стран правых сил [49]. В этих условиях в 2019 году ведущие государства континента заявили о выходе или приостановке членства в UNASUR. Стагнацию переживают ALBA и CELAC. Объединение на базе антиамериканской и антиимпериалистической идеологий без развития организационных структур показало свою несостоятельность и уязвимость.

При этом векторы региональной интеграции оказались связаны с борьбой ведущих латиноамериканских государств за лидерство. Реализация интеграционных проектов происходила с целью наращивания их влияния. Это можно сказать как о Мексике в CELAC [32], так и о Венесуэле в ALBA, а также программе льготного распределения нефти Petrocaribe [6]. Наконец, последствие «правого поворота», политическая поляризация [10], внутренние кризисы [8] привели к вытеснению во многих странах региональной повестки на второй план.

Идеология и практика современных левых

Активная внешняя политика, которую развили левые правительства в начале XXI в., во многом была обусловлена как интенсивными интеграционными процессами, так и поиском единства в противостоянии с глобальными державами. При этом крупные региональные игроки: Венесуэла, Бразилия, Мексика, Куба – не забывали о своих национальных интересах, вели борьбу за лидерство в Латинской Америке. Зачастую эта конкуренция препятствовала выстраиванию единого фронта, приводила к разногласиям по разнообразным международным вопросам.

Правый сдвиг в регионе, произошедший в середине десятых годов XXI века, еще больше ослабил консолидированные действия латиноамериканских государств.

риканских стран. Кризисные явления, которые переживают левые режимы, побуждают их обращать больше внимания на внутренние трудности, отдавать приоритет национальным задачам. Зачастую внешняя политика является инструментом для решения внутренних проблем.

В этом смысле особый интерес вызывает Венесуэла, наделившая свой курс на мировой арене весомой смысловой нагрузкой. Стремление к региональному единству и пропаганде «социализма XXI века» стало приоритетным направлением ее внешней политики [39]. Оно было закреплено в конституции страны [44]. Естественным продолжением этих принципов стала активная интеграционная деятельность Каракаса, а также практикуемая им большая пропагандистская работа. Президент Уго Чавес (1999-2013) призывал «сеять революцию по всему миру» [18], а близкие движения в государствах Латинской Америки получали значительную финансовую поддержку и льготные поставки топлива [12]. Помощь направлялась и населению стран. При этом она достигла такого масштаба, что позволила российскому исследователю А.Н. Пятакова заявить о существовании «Боливарианской системы международных отношений» [21, с. 43].

Стремясь к созданию единого антиимпериалистического фронта Каракас в 2010 г. предпринял попытку создания V Интернационала. В задачу этого объединения должно было входить выработка «программы мер для свержения капитализма и утверждения социализма» [45]. Реализация проекта привела бы к усилению влияния Венесуэлы в регионе (чависты получили бы инструмент для пропаганды своих идей). Впрочем, учреждение организации так и не произошло. Вероятно, правительство Боливарианской Республики опасалось негативной реакции со стороны традиционных социалистических объединений, таких как Форум Сан-Паулу.

Острый кризис, который сегодня переживает Венесуэла, политическая и экономическая нестабильность в этой стране решительным образом ограничивают ее возможности на международной арене. Официальный Каракас вынужден отказываться от внешнеполитических приоритетов ради решения внутренних проблем. Зачастую конфронтационный курс в регионе является инструментом мобилизации чавистского электората. Примером могут служить резкие заявления правительства Николаса Мадуро (2013 – настоящее время) в адрес соседних государств – Гайаны [54] и Колумбии [62]. При этом основной механизм внешней политики

Боливарианской Республики – нефтяная дипломатия, прибывает в глубокой стагнации [57].

Появление на политической сцене Хуана Гуайдо и признание его в 2019-2020 гг. временным президентом почти шестью десятками государств еще больше осложнили положения официального Каркаса. Несмотря на то, что сейчас юридический статус оппозиционного политика остается неясным, внешняя политика Венесуэлы крайне затруднена. Отсутствуют формальные связи между правительством Боливарианской Республики и целым рядом влиятельных государств, в том числе латиноамериканских. В этих условиях продолжение прежней линии на выстраивание единого антиимпериалистического фронта невозможно.

Начало XXI века ознаменовало усиление позиций в Латинской Америке Республики Куба. Этому способствовал феномен «левого поворота». Усилилось ее политическое, экономическое и гуманитарное взаимодействие со странами региона [4]. Кроме того, активизировались торговые связи острова с государствами «коллективного Запада». По справедливому мнению, сотрудников Института Латинской Америки РАН, это сближение было обусловлено обоюдным интересом [15].

Отражением изменившейся региональной ситуации стала резолюция ОАГ об отмене исключения Острова свободы из старейшей организации Западного полушария. Несмотря на то, что правительство Р. Кастро отказалось участвовать в работе этой структуры, оно посчитало решение «историческим» [37]. Гавана стала одной из создательниц ALBA, направляла своих врачей, учителей и спортивных инструкторов в различные государства Латинской Америке, тем самым способствуя улучшению в них социальной обстановки. Только в Венесуэле в 2010 году находились около 30 тыс. кубинских медиков [63].

При этом основные принципы внешней политики Кубы не изменились. Российские исследователи В.Л. Хейфец и Л.С. Хейфец среди них называют «антиимпериалистическую риторику и деятельность, а также последовательное противостояние гегемонистским устремлением Соединенных Штатов» [30]. Вместе с тем остров стремится использовать нестандартные методы по расширению своего влияния, в частности, оказывая посреднические услуги при разрешении колумбийского конфликта. Возможно его участие в переговорах между властью и оппозицией Венесуэлы [14].

Нормализация отношений с США в период президентства Барака Обамы во многом объяснялось экономическими проблемами острова. Сокращение поставок венесуэльской нефти (в этот период они уменьшились на 40% [61]) поставило вопрос о будущем его социально-экономическом развитии. В этих условиях традиционная антиамериканская риторика отошла на второй план. Впрочем, для Вашингтона сближение с Гаваной также объяснялось стоящими перед ним задачами по противодействию проникновению в регион крупных субъектов мировой политики, использующих Кубу в качестве плацдарма.

Антиимпериалистическая риторика все еще является неотъемлемой чертой внешней политики Гаваны. Так, во время общественных протестов на Кубе в июле 2021 г. официальные лица острова заявили о том, что манифестации были спровоцированы Вашингтоном [52]. Вместе с тем объективная необходимость в конструктивных отношениях с «коллективным Западом» удерживает правительство Мигеля Диаса-Канеля (2019 – настоящее время) от излишнего радикализма.

После возвращения сандинистов к власти в Никарагуа страна отошла от ориентации на Вашингтон [31]. При этом ряд ее внешнеполитических действий носили яркую антиамериканскую направленность. Так, в 2008 г. Манагуа признала Абхазию и Южную Осетию. Вместе с тем наблюдалась и серьезная эволюция идеологии и практики правительства Даниэля Ортеги (1985-1990 и 2007 – настоящее время). Ему в какой-то степени удалось отказаться от догматизма и радикализма, что способствовало выстраиванию многовекторного курса на международной арене [17].

Важным направлением внешней политики сандинистов было установление связей со странами и группировками левой ориентации. Никарагуа вошла в ALBA, поддерживала доверительные отношения с Венесуэлой и Кубой, солидаризовалась с установками «социализма XXI века». Каракас оказывал Манагуа экономическую помощь, в том числе через программу Petrocaribe. Гавана в немалой степени способствовала преодолению неграмотности населения [11, с. 13]. При этом параллельным курсом происходило выстраивание конструктивных отношений с США. Было подписано двустороннее соглашение о свободной торговле, в латиноамериканском государстве действовали Агентство США по международному развитию (United States Agency for International Development, USAID) и Национальный фонд демократии (National Endowment for Democracy, NED).

Последнее обстоятельство, впрочем, не позволило избежать разногласий. Белый дом критикует Манагуа за несоблюдение демократических норм [60]. Происходят инциденты, связанные с гражданами США. Так, в 2014 году за организацию несогласованного с властями мероприятия из латиноамериканской страны были высланы три американских специалиста, в том числе известный эксперт-международник Роберт Эван Эллис [46]. По некоторым данным, в условиях усилившейся конфронтации Вашингтон может пересмотреть экономическое взаимодействие с правительством Д. Ортеги [56].

Хозяйственная система Никарагуа базируется на рыночной экономике, что стимулирует ее к сотрудничеству с международными финансовыми институтами. В их число входят МВФ, Всемирный банк, Межамериканский банк развития, Центральноамериканский банк экономической интеграции. Страна регулярно получает кредиты на развитие инфраструктурных проектов [19]. В этой связи любая радикализация курса может обернуться значительными финансовыми потерями. Даже сейчас, когда наблюдается прямая конфронтация с властями США и региональными организациями, переход Манагуа на конфронтационные позиции со странами «коллективного Запада» маловероятен.

С приходом к власти Эво Моралеса (2006 – 2019) значительную трансформацию претерпела внешняя политика Многонационального Государства Боливия. Основной движущей силой левого движения в этой стране стали профсоюзы, включавшие в себя значительный индейский компонент. Их связи с наследием Коминтерна едва уловимы. Тем не менее, для руководства страны также характерны идеи антиимпериализма и антиамериканизма.

Большое значение для правительства имела борьба с экономической зависимостью от стран «коллективного Запада» [5]. Стремление к суверенитету – важная составляющая внешнеполитического курса [43]. Власти выступали за создание многополярного мира, реформирование ООН, активно участвовали в деятельности UNASUR [3, с. 77]. На этом фоне заметно ухудшились отношения Ла-Паса с США. Было разорвано сотрудничество в области борьбы с наркотиками, из страны был выслан американский посол.

Несмотря на то, что правительство Э. Моралеса было активным участником интеграционных группировок в Латинской Америке, оно стреми-

лось отстаивать свои национальные интересы. Ла-Пас принял участие в газовом конфликте с Бразилией и морском споре с Чили и Перу. Иными словами, двойственность внешней политики латиноамериканских левых прослеживалась и на боливийском примере.

Временное президентство Ж. Аньес и возвращение Движения к социализму (Movimiento al Socialismo, MAS) к власти в 2020 г. оказали серьезное влияние на международный курс страны. Так, Боливия в 2019 г. покинула ALBA, а после возвращения к власти левых приняла решение о возвращении в альянс. В условиях таких перемен все большую актуальность приобретает прагматизм. Вероятно, перед угрозой экономического кризиса, пандемии COVID-19 Л. Арсе Катакора будет проводить многовекторную линию, не отказываясь от взаимодействия с США. При этом не исключено сближение страны с умеренными правительствами Аргентины и Мексики [1].

Особняком в этом списке стоит Мексика, где левые пришли к власти в конце 2018 года. Антиимпериалистические черты явно прослеживаются в политической традиции североамериканского государства. Так, большую часть времени правления Институционально-революционной партии (Partido Revolucionario Institucional, PRI) оно поддерживала национально-освободительные движения и выступала против диктаторских режимов (не разорвало связи с революционной Кубой). Определенной вехой было появление «доктрины Эстрады», провозгласившей уважение суверенитета главным принципом внешней политики [16].

Приход к власти Андреса Мануэля Лопеса Обрадора ознаменовал попытку вернуться к политике середины XX века, перевести страну на рельсы осторожной, уважающей свой и чужой суверенитет политики. Это стремление отразилось на венесуэльском и боливийском направлениях. Так, Н. Мадуро был приглашен на инаугурацию мексиканского лидера, а Э. Моралесу было предоставлено убежище после его отставки в 2019 году [9]. Оба действия противоречили линии Вашингтона и воспринимались проявлением независимого курса.

Впрочем, идеалистические установки сталкиваются с политической реальностью, при которой Соединенные Штаты – главный торговый партнер Мексики. Игнорирование этого простого факта могло обернуться для нее значительными экономическими проблемами. В этих условиях антиамериканизм АМЛО не выходит за разумные пределы.

С первого дня правления А.М. Лопес Обрадор был нацелен на «плодотворный диалог» с Соединенными Штатами по вопросам миграции, торговли и безопасности [13]. Под давлением Белого дома Мехико отказался от покупки партии российских вертолетов. Дело дошло до того, что в ходе президентской кампании в США А.М. Лопес Обрадор откровенно поддерживал Д. Трампа и продолжительное время отказывался поздравить с победой кандидата от демократов Джозефа Байдена [29]. Эти действия плохо сочетаются со стремлением дистанцироваться от внешней политики Вашингтона.

В 1920-1930-е гг. левые силы стремились к формированию единых механизмов политической кооперации. Этому процессу способствовало как позиция III Интернационала, так и решения национальных партий. Проводилась подготовка кадров, организовывались региональные кампании солидарности. Коминтерн способствовал осознанию схожести стран региона, необходимости его объединения для ответа на общие вызовы. Аналогичные процессы наблюдались и в 1960-1980 гг., когда единство усилий латиноамериканских социалистов было необходимо для борьбы с диктатурами и военными режимами.

Впрочем, лишь в начале XXI в. реализовались многочисленные интеграционные проекты. В их основе лежали принципы, разработанные еще во времена Коминтерна: антиимпериализм, антиамериканизм и интернационализм. В период «левого поворота» эти объединения были направлены на снижение роли глобальных игроков. Тем не менее, латиноамериканские страны стремились к защите не только региональных, но и национальных интересов, что зачастую ослабляло их возможности.

В период правого сдвига и кризисных тенденций в Латинской Америке внимание левых оказалось сфокусировано на национальных проблемах. Необходимость поддержания собственной хозяйственной системы препятствовало их переходу на радикальные позиции. При этом правительства Венесуэлы, Кубы, Боливии и Никарагуа, сохранив антиимпериалистическую риторику, вынуждены занимать осторожную позицию на международной арене. Руководство Мексики, в свою очередь, принимает во внимание значительные торгово-экономические связи этого государства с США. Антиамериканизм и антиимпериализм продолжают сохранять свою актуальность, однако реализация этих установок в нынешнем политическом цикле затруднительна.

Литература

1. Агапова А.Е. Первые шаги Л. Арсе Катакоры на посту президента Боливии // Актуальные проблемы международных отношений в условиях формирования многополярного мира / Отв. ред. В.М. Кузьмин. Курск: Юго-Западный университет, 2020.
2. Аниськевич Н.С. Латинская Америка между Меркосур и Тихоокеанским альянсом: политические риски и региональная стабильность // Клио. 2017. №9(129).
3. Боливия: время левоиндехенистского эксперимента. Москва: ИЛА РАН, 2009.
4. Бородаев В.А. Три главных направления мировой политики Кубы в начале XXI века. URL: <http://www.viaevrasia.com/ru/три-главных-направления-мировой-политики-кубы-в-начале-xxi-века-vladimir-бородаев.html> (дата обращения 28.11.2020).
5. Воротникова Т.А. Движение к социализму в Боливии: траектория, архитектура, мировоззрение // Латинская Америка. 2021. №3.
6. Воротникова Т.А., Кодзоев М.А.М., Разумовский Д.В., Розенталь Д.М. Кризис левых режимов в Латинской Америке: внутренние императивы и внешняя проекция // PolitBook. 2017. №4.
7. Доклад Р. Гиольди о комдвижении в Южной Америке 4 августа 1921 г. // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 495. Оп. 79. Д. 2. Л. 4.
8. Дьякова Л.В. Чили - 2020. Эволюция политического кризиса // Латинская Америка. 2020. №8.
9. Елесеенко Д.М. Венесуэльский фактор в американо-мексиканских отношениях // Россия и Америка в XXI веке. 2020. №1
10. Ивановский Зб.В. Латинская Америка в конце десятилетия. Социальные проблемы, политические сдвиги и новые вызовы // Свободная мысль. 2020. №2(1680).
11. Ивановский Зб.В. Латинская Америка в новом тысячелетии (окончание) // Латинская Америка. 2019. №8.
12. Коларов Г. Левый радикализм в Латинской Америке: социально-политические аспекты. Москва: Российский новый университет, 2012.
13. Косевич Е.Ю. Новые ориентиры внешней политики Мексики // Латинская Америка. 2019. №9.

14. Куба готова помочь в урегулировании кризиса в Венесуэле, если об этом попросит Мадуро. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6407263> (дата обращения 01.10.2020).

15. Куба накануне смены поколений. Москва: ИЛА РАН, 2016.

16. Манухин А.А. Мексиканские левые и вопросы внешней политики в конце XX – начале XXI вв. // Латиноамериканский исторический альманах. 2019. №22.

17. Никарагуа: эволюция революции. Москва: ИЛА РАН, 2021.

18. Николаев Ю. Чавес призвал посеять зерно революции во всем мире. Мехико, 1 июня 2008. РИА «Новости». URL: <http://www.rian.ru/world/20080601/108982787.html> (дата обращения 10.09.2020).

19. Модернизация политических институтов и технологий в условиях глобализации / под ред. О.Е. Гришина и А.К. Сквоикова. Москва, 2012.

20. Пятаков А.Н. PROSUR - новый механизм южноамериканской (дез)интеграции? // Латинская Америка. 2020. №7.

21. Пятаков А.Н. Боливарианская международная система: итоги пятилетия и перспективы // Латинская Америка. 2009. №11.

22. Разумовский Д.В. Конец «постлиберального» регионализма в Латинской Америке // Латинская Америка. 2018. №1.

23. РГАСПИ. Ф. 495. Оп 79. Д. 127. Л. 1-2.

24. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 100. Д. 47.

25. Розенталь Д.М. Внешняя политика Боливарианской Республики Венесуэла. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата исторических наук. Спб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2013.

26. Хейфец В.Л., Хадорич Л.В. Союз южноамериканских наций: туманные перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т 63. №2.

27. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Формирование и развитие латиноамериканского левого движения в 1919-1929 гг. Том 1. Рождение первых компартий. СПб: ГУАП, ИЛА РАН, 2012.

28. Хейфец В., Хадорич Л. Кризис в Венесуэле и региональная интеграция // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. №5.

29. Хейфец В.Л. Закат антиимпериалистического движения Мексики после левого поворота КПМ // Латиноамериканский исторический альманах. 2020. №26.

30. Хейфец В.Л. Хейфец Л.С. Куба: переосмысление роли страны в мировом сообществе // Мировая экономика и международные отношения. 2017. №2.

31. Хейфец В.Л. Центральная Америка и Россия: перспективы экономического и политического сотрудничества // Актуальные проблемы экономики и управления. 2016. №4.

32. Хейфец В.Л., Хадорич Л.В. Латинская Америка между ОАГ и СЕЛАК // Латинская Америка. 2015. №8.

33. Хейфец Л.С. Миссия Вильямса и рождение «пенелонизма». СПб: Наука, 2005.

34. Хейфец Л., Хейфец В. Айя де ла Торре – латиноамериканский коммунист? // Электронный научно-образовательный журнал "История". 2011. №6.

35. Хейфец Л.С., Коновалова К.А. Латиноамериканские исследования интеграции: от периферийного капитализма к «судамекзиту» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Международные отношения. 2019. Т. 19. №2.

36. Янчук И.И. Вторая конференция коммунистических партий Латинской Америки, Москва, 2-10 октября 1930 г. // Латиноамериканский исторический альманах. 2005. №6.

37. На Кубе считают историческим решение ОАГ по Острову Свободы. 2009. URL: <https://ria.ru/20090604/173302226.html> (дата обращения 14.09.2020).

38. La hegemonía norteamericana en declive El desafío del ALBA y la nueva integración latinoamericana del Siglo XXI. Cali: Universidad Icesi, 2014.

39. Año de la refundación de la República. Selección discursos del presidente de la República Bolivariana de Venezuela Hugo Chávez Frías. Caracas: Despacho del Presidente, 2005.

40. Arismendi R. Problemas de una revolución continental. Montevideo: Pueblos Unidos, 1962.

41. Barrenengoa A. El proceso de integración latinoamericana: claves, conflictos y perspectivas de análisis // Cuestiones de Sociología. 2015. №13.

42. Carlos Herrera M. L. Process of integration of Latin America and the Caribbean // Revista de Ciencias Sociales. Costa Rica. 2017. №158.

43. Coelho Farias de Souza A. L., Cunha Filho C. Santos V. Changes in the Foreign Policy of Bolivia and Ecuador: Domestic and International Conditions. URL: <https://www.scielo.br/j/bpsr/a/rQgGQpdYFNPL6RvzTQLpSSDd/?lang=en> (accessed 12.10.2020).

44. Constitución de la República Bolivariana de Venezuela. URL: <https://venezuela.justia.com/federales/constitucion-de-la-republica-bolivariana-de-venezuela/> (accessed 10.09.2020).

45. Fuentes P. Party of Socialism and Liberty, Brazil: Chavez's call to form the Fifth International and the world situation. URL: <http://venezuelanalysis.com/analysis/5065> (accessed 14.09.2020).

46. González Bergez T. La Política Exterior de Daniel Ortega las Relaciones Internacionales de Nicaragua desde 2006 URL: <https://www.jstor.org/stable/pdf/j.ctvnp0jft.15.pdf?refreqid=excelsior%3A0110d6262f5b20efe96e4b7c61e07dcc> (accessed 12.10.2020).

47. Haya de la Torre V.R. ¿Qué es el APRA? // ПРАСПИ.Ф. 495. Оп. 118. Д. 3. Л. 7 об.

48. Jéifets L.S., Konoválova K.A. Seguridad multidimensional e integración latinoamericana en tiempos de crisis // Iberoamerica. 2020. №3.

49. Jeifets V.L., Jeifets L.S. Particularidades y perspectivas del resurgimiento del "fénix de la derecha" en América Latina // Iberoamerica. 2016. №3.

50. Kern Moreira F. Taxonomies of Brazilian Foreign Policy (2003-2014): South America or Latin America? // Foro Internacional. 2015. Vol. 55. №4.

51. Kersffeld D. El papel de la UNASUR ante los conflictos internacionales: dos estudios de caso // Revista mexicana de ciencias políticas y sociales. 2013.Vol. 58. №218.

52. Lissardy G. Estados Unidos no va a levantar el embargo sin que Cuba ceda o venga a la mesa a negociar en buena fe. URL: <https://www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-57815541> (accessed 12.10.2020).

53. Lo Brutto G., Vázquez Salazar C. O. The Strategic Integration of Latin America: A Disputed Project // Latin American Perspectives. 2015. Vol. 42. Nº4.

54. Martin S. Provocaciones entre Venezuela y Guyana en disputa por el Esequibo. URL: <https://es.panampost.com/sabrinamartin/2015/07/30/provocaciones-entre-venezuela-y-guyana-en-disputa-porel-esequibo/> (accessed 22.09.2020).

55. Programa del Gobierno del Frente Amplio, 2010-2015, aprobado 13-14 diciembre 2008. URL: <https://frenteamplo.uy/documento/item/135-programa-2010-2015> (accessed 25.06.2020).

56. Psaledakis D., Spetalnick M. U.S. vows to review trade cooperation with Nicaragua if elections unfair. URL: <https://www.reuters.com/world/americas/us-vows-review-trade-cooperation-with-nicaragua-if-elections-unfair-2021-06-10/> (accessed 12.09.2020).

57. Rozental D.M., Jelifets V.L. Política exterior de Venezuela en el ambiente de inestabilidad // Iberoamérica. 2018. Nº4.

58. Granada-Cardona J.S. Alternatives for Latin American Integration: Beyond Racial Fusion and Multiculturalism // Latin American Perspectives. 2018. Vol. 45. Nº2.

59. Sidorenko T.V. El acuerdo comercial entre la Unión Europea y el Mercosur como medio de promoción de los negocios nacionales // Iberoamerica. 2020. Nº2.

60. US says Ortega has become Somoza, the 'dictator' he opposed. URL: <https://ticotimes.net/2020/09/16/us-says-ortega-has-become-somoza-the-dictator-he-opposed> (accessed 12.10.2020).

61. Venezuela reduce un 40% el envío de barriles de petróleo a Cuba. URL: <http://www.diariolasamericas.com/venezuela-reduce-un-40-elenvio-barriles-petroleo-cuba-n3924796> (accessed 12.10.2020).

62. Vinogradoff L. Maduro culpa al presidente de Colombia de estar tras el "atentado" fallido. URL: https://www.abc.es/internacional/abci-maduro-evacuado-durante-actosupuesto-atentado-201808050056_noticia.html (accessed 02.10.2020).

63. Wynter C. Venezuela: Cuban doctors helping the poor. URL: <http://venezuelanalysis.com/analysis/5269> (accessed: 14.09.2020).

64. Yákovleva N.M. Iberolux: proyecto y realidad // Iberoamérica. 2021. Nº1.

References

1. Agapova A.E. Pervye shagi L. Arse Katakory na postu prezidenta Bolivii // Aktual'nye problemy mezhdunarodnykh otnoshenii v usloviyakh formirovaniya mnogopolyarnogo mira / Otv. red. V.M. Kuz'min. Kursk: Yugo-Zapadnyi universitet, 2020.
2. Anis'kevich N.S. Latinskaya Amerika mezhdu Merkosur i Tikhookeanskim al'yansom: politicheskie riski i regional'naya stabil'nost' // Klio. 2017. №9(129).
3. Boliviya: vremya levoindekhenistskogo eksperimenta. Moskva: ILA RAN, 2009.
4. Borodaev V.A. Tri glavnykh napravleniya mirovoi politiki Kuby v nachale XXI veka. URL: <http://www.viaevrasia.com/ru/tri-glavnykh-napravleniya-mirovoi-politiki-kuby-v-nachale-xxi-veka-vladimir-borodaev.html> (data obrashcheniya 28.11.2020).
5. Vorotnikova T.A. Dvizhenie k sotsializmu v Bolivii: traektoriya, arkhitektura, mirovozzrenie // Latinskaya Amerika. 2021. №3.
6. Vorotnikova T.A., Kodzoev M.A.M., Razumovskii D.V., Rozental' D.M. Krizis levyykh rezhimov v Latinskoj Amerike: vnutrennie imperativy i vneshnyaya proektsiya // PolitBook. 2017. №4.
7. Doklad R. Giol'di o komdvizhenii v Yuzhnoy Amerike 4 avgusta 1921 g. // Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii. F. 495. Op. 79. D. 2. L. 4.
8. D'yakova L.V. Chili - 2020. Evolyutsiya politicheskogo krizisa // Latinskaya Amerika. 2020. №8.
9. Eleseenko D.M. Venesuel'skii faktor v amerikano-meksikanskikh otnosheniyakh // Rossiya i Amerika v XXI veke. 2020. №1
10. Ivanovskii Zb.V. Latinskaya Amerika v kontse desyatiletia. Sotsial'nye problemy, politicheskie sdvigi i novye vyzovy // Svobodnaya mysl'. 2020. №2(1680).
11. Ivanovskii Zb.V. Latinskaya Amerika v novom tysyacheletii (okonchanie) // Latinskaya Amerika. 2019. №8.
12. Kolarov G. Levyy radikalizm v Latinskoj Amerike: sotsial'no-politicheskie aspekty. Moskva: Rossiiskii novyi universitet, 2012.
13. Kosevich E.Yu. Novye orientiry vneshnei politiki Meksiki // Latinskaya Amerika. 2019. №9.
14. Kuba gotova pomoch' v uregulirovanii krizisa v Venesuele, esli ob etom poprosit Maduro. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6407263> (data obrashcheniya 01.10.2020).
15. Kuba nakanune smeny pokolenii. Moskva: ILA RAN, 2016.

16. Manukhin A.A. Meksikanskije levye i voprosy vneshnei politiki v kontse XX – nachale XXI vv. // Latinoamerikanskii istoricheskii al'manakh. 2019. №22.

17. Nikaragua: evolyutsiya revolyutsii. Moskva: ILA RAN, 2021.

18. Nikolaev Yu. Chaves prizval poseyat' zerno revolyutsii vo vsem mire. Meksiko, 1 iyunya 2008. RIA «Novosti». URL: <http://www.rian.ru/world/20080601/108982787.html> (data obrashcheniya 10.09.2020).

19. Modernizatsiya politicheskikh institutov i tekhnologii v usloviyakh globalizatsii / pod red. O.E. Grishina i A.K. Skovikova. Moskva, 2012.

20. Pyatakov A.N. PROSUR - novyi mekhanizm yuzhnoamerikanskoi (dez)integratsii? // Latinskaya Amerika. 2020. №7.

21. Pyatakov A.N. Bolivariiskaya mezhdunarodnaya sistema: itogi pyatiletiya i perspektivy // Latinskaya Amerika. 2009. №11.

22. Razumovskii D.V. Konets «postliberal'nogo» regionalizma v Latinskoi Amerike // Latinskaya Amerika. 2018. №1.

23. RGASPI. F. 495. Op. 79. D. 127. L. 1-2.

24. RGASPI. F. 495. Op. 79. D. 100. D. 47.

25. Rozental' D.M. Vneshnyaya politika Bolivarianskoj Respubliki Venesuela. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Spb.: Sankt-Peterburgskii gos. un-t, 2013.

26. Kheifets V.L., Khadorich L.V. Soyuz yuzhnoamerikanskikh natsii: tumannye perspektivy // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2019. T. 63. №2.

27. Kheifets V.L., Kheifets L.S. Formirovanie i razvitie latinoamerikanskogo levogo dvizheniya v 1919-1929 gg. Tom 1. Rozhdenie pervykh kompartii. SPb: GUAP, ILA RAN, 2012.

28. Kheifets V., Khadorich L. Krizis v Venesuele i regional'naya integratsiya // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2017. T. 61. №5.

29. Kheifets V.L. Zakat antiimperialisticheskogo dvizheniya Meksiki posle levogo povorota KPM // Latinoamerikanskii istoricheskii al'manakh. 2020. №26.

30. Kheifets V.L. Kheifets L.S. Kuba: pereosmyslenie roli strany v mirovom soobshchestve // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2017. №2.

31. Kheifets V.L. Tsentral'naya Amerika i Rossiya: perspektivy ekonomicheskogo i politicheskogo sotrudnichestva // Aktual'nye problemy ekonomiki i upravleniya. 2016. №4.

32. Kheifets V.L., Khadorich L.V. Latinskaya Amerika mezhdru OAG i SELAK // Latinskaya Amerika. 2015. №8.

33. Kheifets L.S. Missiya Vil'yamsa i rozhdenie «penelonizma». SPb: Nauka, 2005.

34. Kheifets L., Kheifets V. Aiya de la Torre – latinoamerikanskii kommunist? // Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya". 2011. №6.

35. Kheifets L.S., Konovalova K.A. Latinoamerikanskie issledovaniya integratsii: ot periferiinogo kapitalizma k «sudamekzitu» // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Mezhdunarodnye otnosheniya. 2019. T. 19. №2.

36. Yanchuk I.I. Vtoraya konferentsiya kommunisticheskikh partii Latinskoi Ameriki, Moskva, 2-10 oktyabrya 1930 g. // Latinoamerikanskii istoricheskii al'manakh. 2005. №6.

37. Na Kube schitayut istoricheskim reshenie OAG po Ostrovu Svobody. 2009. URL: <https://ria.ru/20090604/173302226.html> (data obrashcheniya 14.09.2020).

38. La hegemonía norteamericana en declive El desafío del ALBA y la nueva integración latinoamericana del Siglo XXI. Cali: Universidad Icesi, 2014.

39. Año de la refundación de la República. Selección discursos del presidente de la República Bolivariana de Venezuela Hugo Chávez Frías. Caracas: Despacho del Presidente, 2005.

40. Arismendi R. Problemas de una revolución continental. Montevideo: Pueblos Unidos, 1962.

41. Barrenango A. El proceso de integración latinoamericana: claves, conflictos y perspectivas de análisis // Cuestiones de Sociología. 2015. №13.

42. Carlos Herrera M. L. Process of integration of Latin America and the Caribbean // Revista de Ciencias Sociales. Costa Rica. 2017. №158.

43. Coelho Farias de Souza A. L., Cunha Filho C. Santos V. Changes in the Foreign Policy of Bolivia and Ecuador: Domestic and International Conditions. URL: <https://www.scielo.br/j/bpsr/a/rQgGQpdYFNPL6RvzTQLpSDd/?lang=en> (accessed 12.10.2020).

44. Constitución de la República Bolivariana de Venezuela. URL: <https://venezuela.justia.com/federales/constitucion-de-la-republica-bolivariana-de-venezuela/> (accessed 10.09.2020).

45. Fuentes P. Party of Socialism and Liberty, Brazil: Chavez's call to form the Fifth International and the world situation. URL: <http://venezuelanalysis.com/analysis/5065> (accessed 14.09.2020).

46. González Bergez T. La Política Exterior de Daniel Ortega las Relaciones Internacionales de Nicaragua desde 2006 URL: <https://www.jstor.org/stable/pdf/j.ctvnp0jft.15.pdf?refreqid=excelsior%3A0110d6262f5b20efe96e4b7c61e07dcc> (accessed 12.10.2020).

47. Haya de la Torre V.R. ¿Qué es el APRA? //RGASPI.F. 495. Op. 118. D. 3.L. 7 ob.

48. Jéifets L.S., Konoválova K.A. Seguridad multidimensional e integración latinoamericana en tiempos de crisis // Iberoamerica. 2020. Nº3.

49. Jeifets V.L., Jeifets L.S. Particularidades y perspectivas del resurgimiento del "fénix de la derecha" en América Latina // Iberoamerica. 2016. Nº3.

50. Kern Moreira F. Taxonomies of Brazilian Foreign Policy (2003-2014): South America or Latin America? // Foro Internacional. 2015. Vol. 55. Nº4.

51. Kersffeld D. El papel de la UNASUR ante los conflictos internacionales: dos estudios de caso // Revista mexicana de ciencias políticas y sociales. 2013. Vol. 58. Nº218.

52. Lissardy G. Estados Unidos no va a levantar el embargo sin que Cuba ceda o venga a la mesa a negociar en buena fe. URL: <https://www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-57815541> (accessed 12.10.2020).

53. Lo Brutto G., Vázquez Salazar C. O. The Strategic Integration of Latin America: A Disputed Project // Latin American Perspectives. 2015. Vol. 42. Nº4.

54. Martin S. Provocaciones entre Venezuela y Guyana en disputa por el Esequibo. URL: <https://es.panampost.com/sabrinamartin/2015/07/30/provocaciones-entre-venezuela-y-guyana-en-disputa-porel-esequibo/> (accessed 22.09.2020).

55. Programa del Gobierno del Frente Amplio, 2010-2015, aprobado 13-14 diciembre 2008. URL: <https://frenteamplio.uy/documento/item/135-programa-2010-2015> (accessed 25.06.2020).

56. Psaledakis D., Spetalnick M. U.S. vows to review trade cooperation with Nicaragua if elections unfair. URL: <https://www.reuters.com/world/americas/us-vows-review-trade->

cooperation-with-nicaragua-if-elections-unfair-2021-06-10/ (accessed 12.09.2020).

57. Rozental D.M., Jeifets V.L. Política exterior de Venezuela en el ambiente de inestabilidad // Iberoamérica. 2018. Nº4.

58. Granada-Cardona J.S. Alternatives for Latin American Integration: Beyond Racial Fusion and Multiculturalism // Latin American Perspectives. 2018. Vol. 45. Nº2.

59. Sidorenko T.V. El acuerdo comercial entre la Unión Europea y el Mercosur como medio de promoción de los negocios nacionales // Iberoamerica. 2020. Nº2.

60. US says Ortega has become Somoza, the 'dictator' he opposed. URL: <https://ticotimes.net/2020/09/16/us-says-ortega-has-become-somoza-the-dictator-he-opposed> (accessed 12.10.2020).

61. Venezuela reduce un 40% el envío de barriles de petróleo a Cuba. URL: <http://www.diariolasamericas.com/venezuela-reduce-un-40-elenvio-barriles-petroleo-cuba-n3924796> (accessed 12.10.2020).

62. Vinogradoff L. Maduro culpa al presidente de Colombia de estar tras el "atentado" fallido. URL https://www.abc.es/internacional/abci-maduro-evacuado-durante-actosupuesto-atentado-201808050056_noticia.html (ac-cessed 02.10.2020).

63. Wynter C. Venezuela: Cuban doctors helping the poor. URL: <http://venezuelanalysis.com/analysis/5269> (accessed: 14.09.2020).

64. Yákovleva N.M. Iberolux: proyecto y realidad // Iberoamérica. 2021. Nº1.

С.М. Захаров

S. Zakharov

**МОЛОДЕЖЬ
В ПРОЕКТАХ ВЛАСТИ:
ОТ ПОДДЕРЖКИ
К СОПРОТИВЛЕНИЮ
(ПОЛИТИКО-
ФИЛОСОФСКАЯ
РЕТРОСПЕКТИВА)**

**YOUTH IN PROJECTS
OF POWER:
FROM SUPPORT
TO RESISTANCE
(POLITICAL AND
PHILOSOPHICAL
RETROSPECTIVE)**

Аннотация

В статье автор показывает как может меняться позиция молодежи в политических процессах. Автор отмечает, что по мере развития исторического процесса, неизбежно связывавшегося с демократизацией политических институтов, субъектный потенциал молодежи приобретал все большую силу.

Основываясь на анализе классических текстов политических философов, писавших о молодежи, автор видит предпосылки доказательств собственной гипотезы.

Молодежь может существовать с властью в рамках нескольких стратегий, каждая из которых предполагает определенный баланс поддержки и сопротивления. Нарращивание поддержки автор склонен связывать с усиление политического давления на общество. Наоборот, расширение возможностей для сопротивления может говорить о либеральных трендах в политическом процессе. Учитывая значительную степень вовлечения молодежи в медиапространство, политические силы стремятся использовать информационные технологии для привлечения её в собственные проекты. В свою очередь, являясь потребителем информации, молодежь становится и производителем медиаконтента. При этом осуществление коммуникации и распространение чувствительной информации может являться фактором для политической активности.

Abstract

In this article, the author shows how the position of young people can change in political processes. The author notes that with the development of the historical process, which was inevitably associated with the democratization of political institutions, the subject potential of youth was gaining more and more strength.

Based on the analysis of the classical texts of political philosophers who wrote about youth, the author sees the prerequisites for proving his own hypothesis.

Young people can coexist with power through several strategies, each of which presupposes a certain balance of support and resistance. The author is inclined to associate the increase in support with the increase in political pressure on society. On the contrary, the expansion of opportunities for resistance may indicate liberal trends in the political process.

Given the significant degree of involvement of young people in the media space, political forces tend to use information technologies to attract them to their own projects. In turn, being a consumer of information, young people also become a producer of media content. At the same time, the implementation of communication and the dissemination of sensitive information can be a factor for political activity.

Ключевые слова:

власть, молодежь, поддержка, сопротивление, исторический процесс, проект, политический дискурс.

Key words:

power, youth, support, resistance, historical process, project, discourse.

Позиция молодежи в политической структуре общества, а также механизмы ее взаимоотношения с другими политическими акторами напрямую зависят от существующей политической системы. Доминанты поведения молодежи, ее выступление в качестве союзника или оппонента власти во многом определяются политической традицией.

Власти важно обеспечить максимальную поддержку всех элементов социального ансамбля. Поэтому, за лояльность молодежи происходит настоящая борьба.

Теоретические модели, фиксирующие отношения власти с молодежью, восходят еще к политическим учениям древности.

Обращаясь к китайской философской мысли, в частности к Конфуцианству, следует отметить, что в поведении молодого человека должно неизменно присутствовать уважение и служение старшим, которое транслируется на власть правителя, считавшегося «отцом народа». Цзы-ся, ученик Кун-цзы, говорил: «Если кто-либо вместо любви к прекрасному избирает уважение к мудрости, отдает все свои силы служению родителям, не щадит своей жизни, служа государю, правдив в отношениях с друзьями, то, хотя о нем говорят, что он не обладает ученостью, я обязательно назову его ученым человеком» [12, с. 141].

Идея подчинения старшим, служения государству, соблюдение традиций и общественных норм становится основой для воспитания молодежи в Античной философии.

Платон неслучайно считал важным «умение юношей подчиняться старшим, честно прожившим всю свою жизнь» [18, с. 213].

Патернализм в воспитании ограничивал молодых людей не только в участии в политике, но и в получении политического образования. По замечанию Аристотеля: «юноша – неподходящий слушатель науки о государстве: он ведь неопытен и в житейских делах (*praxeis*), а из них [исходят] и с ними [связаны наши] рассуждения. Кроме того, покорный страстям, он будет слушать впустую, т. е. без пользы, тогда как цель [данного учения] не познание, а поступки. Неважно, впрочем, годами ли молодой человек, или он юноша нравом, ибо недостаток бывает не от возраста, а

от того, что живут по страсти [и по страсти же] преследуют всякую [цель]» [3, с. 56].

Идея подчинения молодежи получает свое развитие в рамках христианской традиции, где в качестве доминанты выступает Творец, чья воля, транслируемая служителями культа, неоспорима. «В детстве моем, которое внушало меньше опасностей, чем юность, я не любил занятий и терпеть не мог, чтобы меня к ним принуждали; меня тем не менее принуждали, и это было хорошо для меня, но сам я делал нехорошо; если бы меня не заставляли, я бы не учился. Никто ничего не делает хорошо, если это против воли, даже если человек делает что-то хорошее. И те, кто принуждали меня, поступали нехорошо, а хорошо это оказалось для меня по Твоей воле, Господи» [2, с. 65], – вспоминал А. Августин.

Н. Кибардин, указывая на присущий мировоззрению Блаженного Августина принцип повиновения, отмечал, что «к полному единению с Богом, где почти теряется индивидуальная воля и личные потребности, может приготовить только строгая дисциплина, научающая воспитанника подавлять свои стремления при искании высшей цели» [8, с. 27].

Доминирующая роль церковной власти, характерная для периода феодальной раздробленности, практически исключала возможности для инакомыслия, формируя выгодные паттерны поведения. По замечанию П. Абелера, «юноши и старцы как невежественные, так и образованные, утверждают, что они мыслят о вере совершенно одинаково, и тот считается крепчайшим в вере, кто совершенно не отступает от общего с большинством мнения» [1, с. 99]. Для власти подобное торжество восприятия оказывается очень важным, потому как оно позволяет легитимировать практически все, что диктуется ею.

Проектируя наилучшую модель общественно-государственной устроения, Т. Мор обращал внимание на необходимость того, «чтобы с самого начала еще нежные и податливые детские души впитали мнения добрые и полезные для сохранения утопического государства; укрепившись в детях, эти мнения сопровождают взрослых на протяжении всей жизни и приносят великую пользу для защиты устоев государства, которое гибнет как раз от пороков, возникающих из-за превратных суждений» [16, с. 265-266].

Таким образом мы видим, что в рамках предложенной концепции право на формирование идеологического дискурса остается у представи-

телей власти, хотя в ней содержатся интенции, характерные для демократий, существующих в рамках противоборства идеологических учений.

Приоритет государства в политическом воспитании молодежи присутствовал и у Т. Кампанеллы. По замечанию автора, «производство потомства имеет в виду интересы государства, а интересы частных лиц – лишь постольку, поскольку они являются частями государства; и так как частные лица по большей части и дурно производят потомство и дурно его воспитывают, на гибель государства, то священная обязанность наблюдения за этим, как за первой основой государственного благосостояния, вверяется заботам должностных лиц» [7, с. 58].

Незрелость молодежи в вопросах политики отмечалась и Ф. Бэконом замечавшим, «что молодые люди еще значительно менее, чем к этике, подготовлены к изучению политики, пока они не проникнутся вполне религией и учением о нравственности и об обязанностях, потому что в противном случае они могут под влиянием искаженных и неправильных представлений прийти к убеждению, что вообще не существует подлинных и надежных моральных критериев» [5, с. 412].

В эпоху Просвещения, со свойственной ей стремлением к свободемыслию и рационализму, молодой человек воспринимается как личность, которая должна самостоятельно сформировать систему общественно-политических взглядов.

Ж.-Ж. Руссо считал, «что если хотят сделать молодого человека рассудительным, то нужно хорошо развить в нем способность судить, вместо того чтобы диктовать ему наши собственные суждения» [20, с. 216]. При этом автор отмечает, что «молодые люди должны не слишком полагаться на себя, быть осмотрительными в поведении, почтительными перед людьми старшими, сдержанными и молчаливыми в пустых разговорах, скромными в вещах неважных, но смелыми на дела хорошие и мужественными при высказывании правды» [20, с. 296].

Идеи свобод и главенствующей роли правовых норм в рамках в философских концепциях эпохи Просвещения тесно переплетены с понятием справедливости, защита которой в крайних обстоятельствах допускает возможность к сопротивлению существующей политической власти.

В работе «Последовательное опровержение книги Гельвеция "О человеке"» Д. Дидро разделял мысль К.А. Гельвеция в том, что «чем просвещеннее нация, тем более она повинуется требованиям справедливого

правительства. Более того: чтобы нация отказалась им повиноваться, несправедливость их должна быть просто вопиющей» [6, с. 453].

Заметим, что отношение режима к молодежи значительно отличается по мере его демократизации. Участие в проектах власти в демократических режимах уже не предполагает той безоговорочной поддержки, которая присутствует в тоталитарных режимах.

С точки зрения эволюционизма можно было наблюдать за расширением прав молодежи на политическое участие при демократизации общественно-политических систем. На это обращал внимание Г. Спенсер через призму отношений между положением детей и формой общественной организации. «При очень воинственном типе дети занимают крайне подчиненное положение, причем положение девочек бывает еще ниже, чем положение мальчиков; но пропорционально тому, как тип становится невоинственным, не только права детей начинают более признаваться, но также права мальчиков и девочек уравниваются» [21, с. 338-339].

Раскрытию субъектного потенциала молодежи, способного выступать, как в качестве поддержки, так и сопротивления, способствуют социально-экономические и политические трансформации. «Весна народов» и сопровождавшие её социально-политические трансформации середины XIX века продемонстрировали субъектные возможности и потенциал широких слоев населения в вопросе национальной самоидентификации и обретения политических прав. Включенность К. Маркса и Ф. Энгельса как современников происходящих событий, дала возможность с высокой детализацией описывать происходящие события и формулировать основные принципы классовой теории. В описываемых событиях авторы уделяют внимание молодежи, выделяя специфические черты, которые дополняют ее образ как политического актора.

Отсутствие опыта у молодежи являлось фактором риска для политических манипуляций, которым могут воспользоваться более искушенные и циничные политические акторы. Воссоздавая события во Франции, К. Маркс, характеризуя молодых людей, отмечал: «крайне неустойчивые в том юношеском возрасте, в котором их вербовало временное правительство, они способны были на величайшее геройство и самопожертвование, но вместе с тем и на самые низкие разбойничьи поступки и самую грязную продажность» [14, с. 23].

Ф. Энгельс, описывая события в Германии, обращал внимание на изменение в поведении молодежи в зависимости от личной заинтересованности. «Большинство молодых людей из всех классов, стоящих ниже класса капиталистов, по крайней мере временно находилось в рядах повстанческих армий, но эта довольно пестрая толпа молодежи быстро передела, как только дело приняло более серьезный оборот. В частности, студенты, эти «представители интеллекта», как они любили себя называть, первыми покидали свои знамена, если только их не удавалось удержать производством в офицеры, для чего они, разумеется, лишь в самых редких случаях обладали необходимыми данными» [26, с. 103].

В свою очередь, теоретик анархизма М. Бакунин обращал внимание на «характерную для молодости гибкость, в особенности, когда молодые люди одарены известной естественной энергией, которая заставляет их противиться всем излишне повелительным и настойчиво-деспотичным влияниям и благодаря которым иногда даже избыток зла может породить добро» [4, с. 123].

В. Ленин, определяя характер молодежи, отмечал её неоднородность даже в рамках группы. «В современном студенчестве имеется шесть политических групп: реакционеры, равнодушные, академисты, либералы, социалисты-революционеры и социал-демократы ...<...>... Студенчество не было бы тем, что оно есть, если бы его политическая группировка не соответствовала политической группировке во всем обществе, – «соответствовала» не в смысле полной пропорциональности студенческих и общественных групп по их силе и численности, а в смысле необходимой и неизбежной наличности в студенчестве тех групп, какие есть в обществе» [9, с. 343]. Отсюда, кажется, что завлечь молодежь в свой собственный проект становится совсем непросто, особенно если речь идет о большом количестве альтернатив.

Формирование идеологической парадигмы требовало институционализации молодежи в рамках единой организации. «Теоретической ясности и твердости в органе молодежи еще нет, а может быть, и никогда не будет именно потому, что это – орган кипящий, бурлящий, ищущий молодежи ... <...> ... без полной самостоятельности молодежь не сможет ни выработать из себя хороших социалистов ни подготовится к тому, чтобы вести социализм вперед» [10, с. 226]. По замечанию В. Лукова: «позже в марксистско-ленинской литературе тезис о «полной» самостоятельности

умалчивался, отрицался и трактовался как совпадающий с организационной самостоятельностью» [11, с. 112-113].

Таким образом, в политическом дискурсе середины XIX – начала XX века активность молодежи рассматривается в контексте общего социального движения, при этом исследователи видят в ней отличительные черты, свидетельствующие как об уязвимости, так и о потенциале в качестве политического актора.

В 20-е гг. XX века в рамках психологических исследований стало уделяться внимание политическим характеристикам молодежи и организации ее воспитания. «Политическая направленность сознания выражается, пожалуй, сильнее всего в заложенном в каждом подростке стремлении к значимости и признанию. Подросток хочет что-то значить, играть роль, иметь силу и влияние. Его глубоко задевает, если его не признают, если его подавляют» [25, с. 86], отмечал В. Штерн. В таком случае, внутри подростка могут возникать сомнения, предпосылки к сопротивлению.

В свою очередь М. Хайдеггер, рассуждая о взаимоотношениях преподавателя и студента в рамках университета, отмечал, что «ведущие должны признавать особую силу за ведомыми. Тот, кто следует, заключает в себя сопротивление. Эту сущностную противоположность ведущих и ведомых нельзя ни смазывать, ни тем более стирать» [23, с. 382].

Х. Ортега-и-Гассет раскрывал возможности субъектного потенциала молодежи через призму понятия «поколение», отмечая, «что речь идет не о нескольких молодых людях, – речь идет обо всех в этом возрасте, о молодежи в целом, которая в определенные временные периоды превышала по численности взрослых» [17, с. 259].

У К. Манхейма роль поколений в социально-политических трансформациях четко связывается с образом общественного устройства и доминирующим типом экономики. Большие шансы для молодежи исходили «от промышленной революции, предоставившей беспрецедентные возможности для способных к адаптации, инициативных молодых людей и поставившей их в преимущественное положение по сравнению с более пожилыми, имеющими устоявшиеся взгляды и трудовые навыки. В стабильном обществе крестьян и ремесленников – хранителей традиций – взрослые и пожилые люди были общественными интерпретаторами социального порядка, созданного ими в своих собственных интересах. Индустриальное общество в противовес этому больше ценит молодежь и де-

вальвирует ценность накопленной мудрости» [13, с. 112]. Таким образом, молодежь становится все разборчивее. Привлекать её в свои проекты власти становится все сложнее. Более того, стали отчетливо проявляться практики несогласительства с текущей политической реальностью.

Г. Маркузе видел у молодежи потенциал, чтобы отказаться от сотрудничества с системой и прибегнуть к протестному поведению. «Бунт против лживых отцов, учителей и героев и солидарность с обездоленными всего мира» [15, с. 243].

Рост активности и влияния молодежи подогревает интерес к ней со стороны политических сил. Она занимает место наряду с традиционными субъектами политической активности, обретая черты ведущего политического актора. Выделяя из молодежи студенчество, Г. Маркузе отмечал, что если студенческая оппозиция остается изолированной и не способной мобилизовать широкие социальные слои, она может играть лишь второстепенную роль [27, р. 97].

Молодежь была предложена социокультурная альтернатива, которая сочеталась с участием в общественно-политическом дискурсе.

Теоретик контркультуры Т. Роззак отмечает, что молодежь проявляла «демонстративное презрение к традиционным устоям, непременно связанное с наркотиками и сексом, дисгармоничный стиль в одежде и музыке, обилие непристойностей в речи и странный альтернативный стиль жизни. Тем не менее вопросы философского толка горячо обсуждались самой широкой общественностью ... <...> ... Представители молодого, с университетским образованием поколения ... <...> ... использовали свои развитые умы не для того, чтобы поддержать систему, в которой им полагалось сколотить состояние, а чтобы потрясти её до основ» [19, с. 15]. Вписаться с такими установками в проекты власти было невозможно. С таким набором ожиданий можно было только оппонировать им.

Понимание того, что молодежь уже не относится к власти с пиететом и готова на сопротивление, требовало поиска реакционных мер. На это обращал внимание Ж. Делёз в ходе беседы с М. Фуко, отмечая, что «все современные многообразные виды подавления, с точки зрения власти, легко поддаются тотализации: расовое подавление, направленное против иммигрантов, подавление на заводах, подавление в преподавании, подавление молодежи вообще» [22, с. 73-74].

Использование властью репрессивных механизмов может нанести ей репутационные издержки. По замечанию Г. Маркузе: «слабейшее место системы там, где она выказывает наибольшие жестокость и силу» [15, с. 249].

Транзит от поддержки к сопротивлению в рамках взаимоотношений власти и молодежи прослеживается через призму развития информационных технологий. Как никогда актуальным это становится в современную эпоху. Для государственной власти представляется важным контролировать и/или фильтровать информационные потоки, что с развитием технологий становится делать сложнее.

В этой связи С. Чирун, определяя взаимосвязь участия молодежи с развитием информационных технологий, обращался к цивилизационному критерию.

1. «Доиндустриальный тип политического участия молодёжи (здесь молодёжь рассматривается как «великий немой»);

2. Модернистский тип политического участия молодёжи (соответствует преимущественно т.н. традиционным типам политического участия);

3. Постмодернистский (т.е. формы и технологии участия, которые не были и не могли быть в индустриальном и постиндустриальном обществе. И, в первую очередь, связанные с развитием информационных и интернет технологий, социальных сетей, показавших свою эффективность в «цветных» революциях и арабской весне)» [24, с. 243-244]. Значимая роль социальных сетей отмечалась в рамках протестов в России зимой 2021 г.

Учитывая значительную степень вовлечения молодежи в медиaproстранство, политические силы стремятся использовать информационные технологии для привлечения её в собственные проекты. В свою очередь, являясь потребителем информации, молодёжь становится и производителем медиаконтента. При этом осуществление коммуникации и распространение чувствительной информации может являться фактором для политической активности.

Таким образом, проведенная ретроспектива дает возможность говорить о трансформации отношения политической власти к молодежи в рамках государственной системы, а также об изменении самого восприятия власти со стороны молодежи. Если в античном и средневековом дискурсе власть представлялась незыблемой, а любое сопротивление ей осуждалось, то в ходе трансформационных общественно-политических и

экономических процессов роль различных социальных групп, в том числе и молодежи, возрастает. Групповая институционализация, выступление как за индивидуальные права, так и участие в широком общественном движении, выводят молодежь в число ключевых политических акторов, что, в свою очередь, влечет изменение отношения к ней со стороны политической власти. Вовлечение в проекты власти молодежи оказывается все более затратным занятием, требующим большего количества времени и авторитета самой власти.

Тем самым, устойчивость политической системы, с учетом маргинальности и ресурсного потенциала молодежи, будет зависеть от того, на каких принципах политическая власть готова выстраивать отношения с молодежью.

Литература

1. Абельяр П. История моих бедствий / пер. с лат. В.А. Соколова. Москва: Издательство АН СССР, 1959.
2. Августин А. Исповедь / пер. с лат. М.Е. Сергеенко. Вступит. статья А.А. Столярова. Москва: Издательство «Ренессанс», СП ИВО – Сид, 1991.
3. Аристотель. Никомахова этика / пер. с древнегреч. Н.В. Брагинской // Сочинения: в 4-х т. / общ ред. А.И. Доватура. Москва: Мысль, 1983. Т. 4.
4. Бакунин М.А. Федерализм, социализм и антитеологизм // Философия. Социология. Политика. Москва: Правда, 1989.
5. Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Соч. в 2 т. Пер. Н.А. Федорова. Москва: «Мысль», 1977. Т. 1.
6. Дидро Д. Последовательное опровержение книги Гельвеция «О человеке» / пер. с фр. К.А. Киселева // Сочинения в 2 т. / Сост. и ред. В.Н. Кузнецова. Москва: Мысль, 1991. Т. 2.
7. Кампанелла Т. Город Солнца / пер. с лат. и коммент. Ф.А. Петровского; вступ. ст. В.П. Волгина. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1947.
8. Кибардин Н.П. Система педагогики по творениям Блаженного Августина. Казань: Центральная типография, 1910.
9. Ленин В.И. Задачи революционной молодежи // Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1967. Т. 7.

10. Ленин В.И. Интернационал молодежи // Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. Москва: Издательство политической литературы, 1973. Т. 30.

11. Луков Вал.А. Теория молодежи. Междисциплинарный анализ. Москва: «Конон+» РООИ «Реабилитации», 2012.

12. «Лунь юй» / пер. В.А. Кривцова // Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Москва: «Мысль», 1972. Т. 1.

13. Манхейм К. Эссе о социологии культуры / пер. с англ. Л.Ф. Вольфсон, А.В. Дранова // Избранное: Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ. Москва: Изд-во «РАО Говорящая книга», 2010.

14. Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1956. Т. 7.

15. Маркузе Г. Эрос и цивилизация // Эрос и цивилизация. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества / пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; сост. предисл. В.Ю. Кузнецова. Москва: ООО «Издательство АСТ», 2003.

16. Мор Т. Утопия / пер. с лат. Ю.М. Каган; коммент. Ю.М. Каган, И.Н. Осинковского; вступит. статья И. Н. Осинковского. Москва: Наука, 1978.

17. Ортега-и-Гассет Х. Вокруг Галилея (Схема кризисов) // Избранные труды / Сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. 2-е изд. Москва: Издательство «Весь Мир», 2000.

18. Платон. Законы / пер. А.Н. Егунова // Собрание сочинений в 4 т. / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; Авт. ст. в примеч. А.Ф. Лосев; Примеч. А.А. Тахо-Годи. Москва: Мысль, 1994. Т. 4.

19. Рошак Т. Истоки контркультуры / пер. с англ. О.А. Мышаковой. Москва: АСТ, 2014.

20. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании // Педагогические сочинения: в 2-х т. / Под ред. Г.Н. Джибладзе; сост. А.Н. Джурицкий. Москва: Педагогика, 1981. Т. 1.

21. Философия Герберта Спенсера в сокращенном изложении Говарда Коллинса / предисл. Г. Спенсера; пер. с англ. П.В. Мокиевского; изд. Ф. Павленкова. СПб.: Типография И.Г. Салова, 1892.

22. Фуко М. Интеллектуалы и власть // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Под общей ред. В.П. Визгина, Б.М. Скуратова. Москва: Праксис, 2002. Ч. 1.

23. Хайдеггер М. Самоутверждение немецкого университета // Исток художественного творения / Пер. с нем. А.В. Михайлова. Москва: Академический Проспект, 2008.

24. Чирун С.Н. Молодёжная политика в ситуации постмодерна: государство, общество, политические организации: дис. ... докт. полит. наук. Казань, 2015.

25. Штерн В. Психическая структура подростка // Педология юности: сборник статей / Пер. Г. Аркина; под ред. И. Арямова. М.-Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1931.

26. Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1957. Т. 8.

27. Marcuse H. Five Lectures. Psychoanalysis, Politics, and Utopia / Translations by J.J. Shapiro, S.M. Weber. London: Allen Lane the Penguin Press, 1970.

References

1. Abelyar P. Istoriya moikh bedstvii / per. s lat. V.A. Sokolova. Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR, 1959.

2. Avgustin A. Ispoved' / per. s lat. M.E. Sergeenko. Vstupit. stat'ya A.A. Stolyarova. Moskva: Izdatel'stvo «Renessans», SP IVO – SiD, 1991.

3. Aristotel'. Nikomakhova etika / per. s drevnegrech. N.V. Braginskoi // Sochineniya: v 4-kh t. / obshch red. A.I. Dovatura. Moskva: Mysl', 1983. Т. 4.

4. Bakunin M.A. Federalizm, sotsializm i antiteologizm // Filosofiya. Sotsiologiya. Politika. Moskva: Pravda, 1989.

5. Bekon F. O dostoinstve i priumnozhenii nauk // Soch. v 2 t. Per. N.A. Fedorova. Moskva: «Mysl'», 1977. Т. 1.

6. Didro D. Posledovatel'noe oproverzhenie knigi Gel'vetsiya «O cheloveke» / per. s fr. K.A. Kiseleva // Sochineniya v 2 t. / Sost. i red. V.N. Kuznetsova. Moskva: Mysl', 1991. Т. 2.

7. Kampanella T. Gorod Solntsa / per. s lat. i komment. F.A. Petrovskogo; vstup. st. V.P. Volgina. M.-L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1947.

8. Kibardin N.P. Sistema pedagogiki po tvoreniam Blazhennogo Avgustina. Kazan': Tsentral'naya tipografiya, 1910.

9. Lenin V.I. Zadachi revolyutsionnoi molodezhi // Polnoe sobranie sochinenii: v 55 t. 5-e izd. M.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1967. Т. 7.

10. Lenin V.I. Internatsional molodezhi // Polnoe sobranie sochinenii: v 55 t. 5-e izd. Moskva: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1973. Т. 30.

11. Lukov Val.A. Teoriya molodezhi. Mezhdistsiplinarnyi analiz. Moskva: «Konon+» ROOI «Reabilitatsii», 2012.

12. «Lun' yui» / per. V.A. Krivtsova // Drevnekitayskaya filosofiya. Sobranie tekstov v dvukh tomakh. Moskva: «Mysl'», 1972. T. 1.

13. Mankheim K. Esse o sotsiologii kul'tury / per. s angl. L.F. Vol'fson, A.V. Dranova // Izbrannoe: Diagnoz nashogo vremeni / per. s nem. i angl. Moskva: Izd-vo «RAO Govoryashchaya kniga», 2010.

14. Marks K. Klassovaya bor'ba vo Frantsii s 1848 po 1850 g. // Marks K., Engel's F. Sochineniya: v 50 t. 2-e izd. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1956. T. 7.

15. Markuze G. Eros i tsivilizatsiya // Eros i tsivilizatsiya. Odnomernyi chelovek: issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshchestva / per. s angl., poslesl., primech. A.A. Yudina; sost. predisl. V.Yu. Kuznetsova. Mosvka: OOO «Izdatel'stvo AST», 2003.

16. Mor T. Utopiya / per. s lat. Yu.M. Kagan; komment. Yu.M. Kagan, I.N. Osinovskogo; vstupit. stat'ya I. N. Osinovskogo. Mosvka: Nauka, 1978.

17. Ortega-i-Gasset Kh. Vokrug Galileya (Skhema krizisov) // Izbrannye trudy / Sost., predisl. i obshch. red. A.M. Rutkevicha. 2-e izd. Moskva: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2000.

18. Platon. Zakony / per. A.N. Egunova // Sobranie sochinenii v 4 t. / Per. s drevnegrech.; Obshch. red. A.F. Loseva, V.F. Asmusa, A.A. Takho-Godi; Avt. st. v primech. A.F. Losev; Primech. A.A. Takho-Godi. Moskva: Mysl', 1994. T. 4.

19. Roshak T. Istoki kontrkul'tury / per. s angl. O.A. Myshakovoi. Moskva: AST, 2014.

20. Russo Zh.-Zh. Emil', ili O vospitanii // Pedagogicheskie sochineniya: v 2-kh t. / Pod red. G.N. Dzhibladze; sost. A.N. Dzhurinskii. Moskva: Pedagogika, 1981. T. 1.

21. Filosofiya Gerberta Spensera v sokrashchennom izlozhenii Govarda Kollinsa / predisl. G. Spensera; per. s angl. P.V. Mokievskogo; izd. F. Pavlenkova. SPb.: Tipografiya I.G. Salova, 1892.

22. Fuko M. Intellektualy i vlast' // Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu / Pod obshchei red. V.P. Vizgina, B.M. Skuratova. Moskva: Praxis, 2002. Ch. 1.

23. Khaidegger M. Samoutverzhdenie nemetskogo universiteta // Istok khudozhestvennogo tvoreniya / Per. s nem. A.V. Mikhailova. Moskva: Akademicheskii Prospekt, 2008.

24. Chirun S.N. Molodezhnaya politika v situatsii postmoderna: gosudarstvo, obshchestvo, politicheskie organizatsii: dis. ... dokt. polit. nauk. Kazan', 2015.

25. Shtern V. Psikhicheskaya struktura podrostka // Pedologiya yunosti: sbornik statei / Per. G. Arkina; pod red. I. Aryamova. M.-L.: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 1931.

26. Engel's F. Revolyutsiya i kontrevolyutsiya v Germanii // Marks K., Engel's F. Sochineniya: v 50 t. 2-e izd. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1957. T. 8.

27. Marcuse H. Five Lectures. Psychoanalysis, Politics, and Utopia / Translations by J.J. Shapiro, S.M. Weber. London: Allen Lane the Penguin Press, 1970.

**О.А. Нестерчук,
А.Г. Арутюнов,
А.М. Тюленёва**

**O. Nesterchuk,
A. Arutyunov,
A. Tyuleneva**

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ
ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ
КАМПАНИИ В КОНТЕКСТЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СТАБИЛЬНОСТИ И
АКТУАЛЬНЫХ ПРАКТИК
СУБЪЕКТОВ РФ**

**REGIONAL ELECTION
CAMPAIGNS IN THE
CONTEXT OF ENSURING
POLITICAL STABILITY
AND CURRENT PRACTICES
OF THE SUBJECTS OF THE
RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация

Ставится проблема традиционности региональных проблем, требующих учет в работе избирательных кампаний в России при реализующихся необходимых нововведениях в контексте политической стабильности. Приводится американский опыт применения цифровых технологий в период избирательных кампаний, который показывает, как изменяется не только политика отношения к избирателям, но и компетенции, деятельность специалистов этих кампаний. Избирательные кампании на современном этапе на региональном уровне характеризуются такими показателями, как неоднородность, разноуровневость и замкнутость социальных групп. Акцентируется внимание на пространственном критерии проведения избирательных кампаний, на электоральных протестных движениях с учётом отличительных особенностей региональной политической культуры. В качестве основного метода использовано экспертное интервьюирование. Все эксперты были разделены на несколько групп (всероссийскую, две группы в Москве и Санкт-Петербурге соответственно и две специализированные группы в Курске и Волгограде, а также на молодёжную группу в Красноярске). Всероссийская группа представляет собой сбор экспертных интервью по одному (или в диапазоне от одного до четырёх-пяти) из каждого субъекта Российской Федерации. В статье изложены основные часто повторяющиеся выводы экспертов об

Abstract

The article raises the problem of the traditionality of regional problems that require consideration in the work of election campaigns in Russia with the necessary innovations being implemented in the context of political stability. The American experience of using digital technologies during election campaigns is given, which shows how not only the policy of attitude towards voters is changing, but also the competencies and activities of the specialists of these campaigns. Election campaigns at the present stage at the regional level are characterized by such indicators as heterogeneity, multilevelness and isolation of social groups. Attention is focused on the spatial criteria for conducting election campaigns, on electoral protest movements, taking into account the distinctive features of regional political culture. Expert interviewing was used as the main method. All experts were divided into several groups (All-Russian, two groups in Moscow and St. Petersburg, respectively, and two specialized groups in Kursk and Volgograd, as well as a youth group in Krasnoyarsk). The All-Russian group is a collection of expert interviews one by one (or in the range from one to four or five) from each subject of the Russian Federation. The article presents the main frequently repeated conclusions of experts about the pe-

особенностях электорального и избирательного процесса в регионах России, выявлен комплекс особенностей характерный для большинства регионов и некоторые особенности, характерные для групп регионов. Рассмотрены некоторые особенности, которые характерны для объединений регионов по географическим, экономическим или культурным признакам общности регионов и актуальные практики проведения избирательных кампаний на местах. Делается вывод об устойчивости и типичности традиций и результатов проведения региональных избирательных кампаний, что в большей степени обеспечивает политическую стабильность в регионах, чем ее подрывает.

cularities of the electoral and electoral process in the regions of Russia, identifies a set of features characteristic of most regions and some features characteristic of groups of regions. Some features that are characteristic of associations of regions based on geographical, economic or cultural characteristics of the commonality of regions and current practices of conducting election campaigns on the ground are considered. The conclusion is made about the stability and typicality of traditions and results of regional election campaigns, which ensures political stability in the regions to a greater extent than it undermines it.

Ключевые слова:

избирательная кампания, политическая стабильность. экспертный опрос, электоральные процессы, выборы.

Key words:

federal districts, expert survey, electoral processes, elections, Russian Federation.

Исследование выполнено при поддержке Российского университета дружбы народов. Код (шифр) темы НИР/НИОКР «Технологии обеспечения политической стабильности в современной России» 100701-0-000.

Современные эпидемиологические условия, безусловно, отразились на обеспечении политической стабильности: органам государственной власти, руководителям субъектов РФ приходится принимать иногда непопулярные решения в социальной, экономической сферах, изменяется и проведение избирательных кампаний с 2020 года. На законодательном уровне вносятся соответствующие дополнения, содержание которых подразумевает изменения в организации выборов. Так в Федеральный Закон №67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» были внесены дополнения в виде статьи 101 «Проведение выборов, референдума при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации», введено понятие «дистанционное электронное голосование» [22]. Отсюда возникает необходимость корректировки в выстраивании проведения избирательных кампаний в условиях ограничения. Таким образом, ограничения, запреты, цифровые технологии задают необходимость поиска новаций в проведении избирательных кампаний, что должно способствовать обеспечению политической стабильности.

Интересным является американский опыт применения цифровых технологий в период избирательных кампаний, который показывает, как

изменяется не только политика отношения к избирателям, но и компетенции, деятельность специалистов этих компаний. Цифровизация предвыборных кампаний - digital-выборы обеспечивается и развивается с 2014 года в США на платформах BallotReady [25], Voatz [33], ePluribus [28], Crowdpac [26], и в тоже время российские выборы 2014 года не показывают аналогичной картины [13, с. 7] и в некоторой степени Европы [14, с. 116].

На платформе BallotReady предполагается сбор в одном месте объективной информации о кандидатах, ее анализ, представление простых и понятных категорий для граждан, сравнение взглядов и позиций для осведомления электората, повышения явки на выборы [31], Voatz создана для предоставления возможности голосования населения с помощью биометрических возможностей смартфонов, а также технологии блокчейн, ePluribus предоставляет возможности распознавания реальных сообщений граждан к органам государственной власти от фейковых сообщений и ботов, Crowdpac создана для пожертвования пользователей и оказания финансовой помощи нетрадиционным кандидатам (медсестрам, учителям и др.) которых хотят поддержать, отслеживается источник финансирования политических кандидатов [27].

По причине диджитализации избирательных кампаний, политических исследований и аналитики на основе BigData, перспектив развития рынка диджитал-лобби специалистам избирательных кампаний необходимо иметь умения, навыки по разработке критериев, формированию, систематизации больших данных и на их основе подготовить решения, работать с пользователями соцсетей и мессенджерами [29].

Цифровизация избирательных кампаний, с одной стороны, дает возможности развиваться им, быть более демократичными, прозрачными, гибкими, клиентоориентированными не только на представителей власти, но и активных граждан, с другой - создает достаточно причин для беспокойства у представителей политической власти [30].

В российской реальности в некоторых субъектах вводится дистанционное электронное голосование для выбора кандидатов в Государственную Думу, что задает новый формат проведения современных избирательных кампаний с использованием цифровых технологий.

Несмотря на нововведения существуют устоявшиеся традиционные региональные проблемы, требующие учет в работе избирательных кампаний в России, которые, на наш взгляд, способствуют поддержанию поли-

тической стабильности, несмотря на недемократичность, а именно авторитарность, «правительственный подход при формировании избирательных комиссий» [1, с. 15], региональный авторитаризм [20, с. 191], формирование клиентелы кандидатов [2, с. 347], снижение участия жителей городов в региональных выборах [11, с. 285], преемственность власти [3, с. 61], регулирование финансирования выборов [23, с. 133].

Конечно, при проведении избирательных кампаний в контексте политической стабильности необходимо также учитывать пространственный критерий, а именно количественный (территория, количество населения и др.) и качественные аспекты (традиции, культура, уровень жизни в регионе), как объективную сторону политической реальности, что задает неоднородность избирательным кампаниям одного периода в стране. Например, количественно и качественно отличаются город федерального значения Москва — это регион с населением, составляющим почти десятую часть населения Российской Федерации, и Чукотский Автономный округ с населением в пятьдесят тысяч человек, численность которого меньше среднестатистического города Российской Федерации. Существуют «среднестатистические регионы» центральной части России, в которых избирательные кампании имеют схожие модели с учетом пространственного критерия.

Важно отметить еще один качественный аспект, от которого зависит организация и проведение избирательной кампании, это удаленность от центра. Так наблюдаются совершенно другие концепты управления, голосования и принципы функционирования политической жизни региона в относительном большинстве регионов Северного Кавказа, а именно тяготение к построению и упрочению (в некоторых случаях трансформации) старых патриархальных институтов (советов старейшин, патриархальных общественных структур), неформальным практикам. Неформальные связи, построенные на альтернативных, характерных региональных особенностях, оказываются по влиянию на ход избирательной кампании сильнее и прочнее формальной политической жизни, очерченной законодательством Российской Федерации.

Стоит отметить, что существуют регионы, где эксплуатируются образы «старейшин», «духовных лидеров» и т.д., однако это является, скорее симуляцией, чем реальной политической практикой. Так, к примеру, республика Татарстан и различные политические силы внутри республи-

ки активно пытаются использовать тематику старых гражданских и политических институтов татарского народа, однако, на практике они не оказывают столь мощного влияния как это транслируется для внешних акторов и не вовлечённых игроков внутри региона. Отметим также, что ряд экспертов отмечают влияние регионов и региональных элит на федеральную элиту с помощью выстраивания специфических форм взаимодействия с ними [18, с. 195].

Так же можно говорить о целом кластере «северных регионов», они очень специфичны с точки зрения функционирования политической жизни субъекта и оказывается трудно подобрать аналогии в международной практике. Фактически, это регионы, почти полностью состоящие из моногородов и поселений-предприятий, а также населённых пунктов особого назначения (военные, научные и т.д.). Заметим, что существуют регионы, находящиеся на территории севера, но не входящие в эту группу, к примеру, Якутия [16, с. 46], которая больше похожа на типичную национальную республику [8, с. 416]. Кроме того, могут существовать так же места компактного проживания коренных народов Севера, отметим, что они, как правило, не принимают активного участия в политической жизни, однако, власти пытаются предоставить им равные права наряду с русскоязычным населением, это, в свою очередь, демонстрирует нам процессы положительной дискриминации. Помимо прочего, стоит сказать, что большую роль в таких регионах играют вахтовики, они составляют большой процент от «коренного населения региона». Но тем не менее данная категория лиц не голосует на региональных выборах (однако участвуют в формировании общественного мнения), следовательно не играет значимо общественно-политической роли в жизни региона.

Значимым является кластер регионов, имеющих крупные городские агломерации. Сюда, кроме городов федерального значения (здесь прежде всего мы говорим о Москве и Санкт-Петербурге и в меньшей степени о Севастополе) можно отнести Свердловскую область (с безусловным центром - Екатеринбург), Башкортостан (Уфа), Татарстан (Казань), Самарская область (Самара и Тольятти) и другие. Стоит особо сказать о Подмоскovie или Московской области, кроме статистического факта наличия городов численностью более 100 000 человек, мы говорим о Московской области как о высоко урбанизированном регионе; регионе, где широко распространён городской образ жизни. Некоторые специалисты отмечают,

что по результатам различных экспертных оценок, кроме традиционных городов-миллионников также появляются города с более чем 750 тысячами населения, как отдельная категория городских агломераций высокого уровня.

Городские агломерации не составляют всю территорию вышеперечисленных субъектов и поэтому даже в этих регионах существуют слабо урбанизированные макрорегионы. Особенностью таких высоко организованных регионов является насыщенная политическая жизнь субъектов, причём на всех уровнях: от выборов федерального значения до муниципальных (различного уровня) [9, с. 22]. Кроме того, для них характерен высокий уровень протестной активности и критическое отношение к власти. Поэтому немаловажным является представление о состоянии политической культуры в регионе [24, с. 141].

Для выявления особенностей региональных избирательных кампаний в современной России нами было проведено исследование в формате заочного интервьюирования экспертов с помощью анкет, содержащих открытые вопросы. Анкеты были составлены из короткого блока данных заполнителя и перечня открытых вопросов, предполагающих развернутый ответ со стороны респондента, что сближает метод именно с интервьюированным, а частично методологически совпадает с методом Дельфи. В качестве экспертов выступили: доктора и кандидаты политических наук, преподаватели политологических дисциплин, председатели общественных организаций и главы региональных отделений общественных организаций, региональные и муниципальные депутаты, председатели региональных и местных отделений политических партий, главы региональных корпусов наблюдателей, главы молодёжных крыльев региональных отделений политических партий, политические журналисты, член региональной избирательной комиссии и члены территориальных избирательных комиссий, сотрудники областных и городских администраций. Эксперты были разделены на пять основных групп для анализа и одну дополнительную группу вне основного массива собранных данных.

Пять основных групп это: общероссийская, московская и санкт-петербургские группы, а также две контрольные группы в Курской и Волгоградской области. Как мы видим, в разделении групп нашли своё отражение два принципа – принцип географического детерминизма и фактор наличия двух сверхкрупных по сравнению с другими регионами исследо-

вательских и экспертных центров в Москве и Санкт-Петербурге. Курская и Волгоградская группы были специально созданы для выявления особенностей проведения региональных избирательных кампаний губернаторского (выборы главы субъекта) и парламентских типов. Отметим, что к участию в избирательной кампании в прошлом региональном избирательном цикле (т.е. в 2019 году прошли выборы Губернатора Курской области и депутатов Волгоградской областной Думы) были привлечены эксперты, поэтому учет их мнений оказывается важным в понимании процессов в отношении предмета исследования. Кроме того, эти области являются примерами классических провинциальных регионов России. Наконец, они расположены в разных федеральных округах, что может дать представление не только об особенностях кампаний в одном федеральном округе, сколько об особенностях избирательных кампаний на территории всей России или быть близкой к этой репрезентации. Говоря же о дополнительной группе, мы подразумевали группу студентов политологов из Красноярска (студенты близких специальностей к политологии из КГПУ), эта группа не входит в массив всех полученных ответов и не включена ни в одну из групп. Она специально была скомбинирована для анализа взгляда молодых политологов, и для сравнения расхождения экспертных оценок с мнениями студенческой молодёжи.

Общероссийская группа - самая большая из пяти массивных групп. В ней было проанализировано 119 анкет из 85 регионов Российской Федерации. Кроме того, были рассмотрены данные не только из столиц субъектов, но и из 21 города, не имеющих этого статуса, всего же в исследовании приняли участие эксперты из 106 городов России, а непосредственно в этой группе представлены респонденты из 102 городов России. Здесь мы имеем репрезентативность из всех федеральных округов России, причём, в каждом федеральном округе получено экспертное мнение из более чем половины субъектов каждого федерального округа, а при завершении исследования из всех субъектов Российской Федерации. Например, из каждого субъекта Уральского федерального округа было получено экспертное мнение, причём дополнительно из 4 нестоличных городов – Асбест, Нижний Тагил, Агаповка, Сургут, что подтверждает высокую степень репрезентативности исследования. Отметим также, что из всех столиц 8 федеральных округов были получены анкеты из следующих городов: Ростов-на-Дону, Пятигорск, Нижний Новгород, Екате-

ринбург, Новосибирск, Владивосток (в общероссийской группе) и Москва, Санкт-Петербург (в рамках своих групп). В общероссийской группе количество экспертов в регионе варьируется от одного до пятерых человек в одном регионе, кроме того, в некоторых регионах респонденты представляют сразу несколько городов. Эта группа дала большой массив данных для анализа и помогла детально проанализировать региональные кампании. Поскольку исследование ставит перед собой комплексную задачу выявления и возможного анализа особенностей региональных избирательных кампаний, перечисленные меры направлены на рассмотрение российских электоральных особенностей на уровне региона в целом, то есть выявления именно общероссийских черт, проявляющихся на уровне региона, в первую очередь.

Говоря же о московской группе, стоит отметить, что в неё вошли преподаватели и эксперты из разных московских вызов (МГУ, РАНХиГС при Президенте РФ, ВШЭ, РЭУ имени Плеханова и другие), а также практикующие политтехнологи и электоральные юристы, специалисты в области политического SMM. Заметим, что в московской группе присутствуют доктора и кандидаты политических наук. Количество анкет в данной группе составляет 12 штук. Отметим, что в массиве данных присутствуют как теоретики науки, так и люди реализующие политические исследования и занимающиеся подготовкой и проведением политических кампаний на практике.

Про петербургскую группу можно отметить, что в неё вошли преподаватели и эксперты из СПбГУ и практикующие политтехнологи, а также муниципальные депутаты Санкт-Петербурга. Так же, необходимо обозначить, что в санкт-петербургской группе присутствуют доктора и кандидаты политических наук. Политические консультанты, задействованные в исследовании в этой группе, являются членами Российской ассоциации политических консультантов (отметим, что частично это справедливо и для московской группы). Количество анкет в ней составляет 10 штук. Отметим также, что эксперты общероссийской, московской и санкт-петербургской группы получали одинаковые анкеты, то есть список открытых вопросов в каждой анкете был идентичен. Дополним, что в этой выборке, так же есть как теоретики политической науки, так и люди, занимающиеся полевыми исследованиями и применяющие политические технологии в региональных избирательных кампаниях.

Курская группа экспертов-респондентов отвечала на вопросы специально разработанной для них анкеты, основной фокус которых был направлен на выявление особенностей протекания выборов глав субъекта или, как иногда упрощённо называют, губернаторские избирательные кампании. В этой группе также присутствуют доктор и кандидаты наук из КГУ и Курской академии государственной и муниципальной службы, а также председатели общественных организаций Курска. В данной группе насчитывается ровно 7 анкет, что соответствует стандартной фокус-группе в представлениях западной политической науки.

Волгоградская группа построена по схожим с курской принципами, с одним только существенным уточнением, что в данном случае экспертная группа должна быть сфокусирована на избирательных кампаниях в региональные парламенты. В этой группе присутствуют кандидаты наук и преподаватели политологии из ВолГУ и ВИУ РАНХиГС, а также политические журналисты, политические консультанты и главы общественных организаций региона. Заметим, что Волгоградской группе ранее были посвящены специфические исследования [6, с. 16].

В целом можно разделить все поступившие анкеты на несколько категорий. Первая – депрессивные анкеты, в которых внимание респондентов было сосредоточено на недостатках существующей электоральной системы, отметим, что количественно это самая большая категория. Вторая категория – оптимистическая, в ней эксперты фокусируют внимание на положительных моментах в проводимых избирательных кампаниях, может быть, даже преувеличивая их сильные стороны. Эти эксперты концентрировались на сильных и положительных сторонах политической системы (однако большая часть из них предполагает возможность внесения изменений в существующую систему).

По результатам анализа ответов на вопросы в анкете были выделены общие особенности избирательных кампаний, которые указывали разные эксперты из всех групп. Так при определении значимости региональных избирательных кампаний в политической жизни современной России подавляющее большинство экспертов указало на крайне низкую значимость региональных избирательных кампаний в политической жизни. В качестве причин такого положения они отмечали, что часто сами кампании являются своеобразной декорацией к политическим процессам в регионе и, как следствие, итог кампании всегда известен заранее. Другой

причиной можно назвать то, что и в политической картине мира обычного россиянина региональные кампании занимают крайне несущественную позицию, поскольку, с одной стороны, некоторые избиратели не понимают значения подобных кампаний, в прямом смысле, с другой стороны, избиратели, осознающие ситуацию, не верят, что их голос будет учтён или что один человек сможет оказать влияние на ситуацию. Заметим, что федеральные кампании в целом воспринимаются лучше, чем их региональные аналоги, кроме того, сохраняется совпадение в более широком отклике на кампании по выбору персонифицированных институтов, чем групповых, то есть как президентские выборы популярнее и значимее в глазах общественности, чем парламентские, так и выборы губернатора (здесь как условный пример) значимее и существеннее выборов в областную думу (опять-таки условный пример). Отметим, что подобные суждения в духи скептического отношения к политическим институтам, можно встретить и в отношении отделений политических партий [10, с. 48].

Следующая особенность, которую отметили эксперты-респонденты из всех групп опроса, это низкая конкурентность выборов, причём опять как губернаторских, так и парламентских. Отметим, что предлагаются два сценария низкоконкурентных выборов. Первый сценарий – нет ярких кандидатов, основная агитация построена на принципе привлечения максимального количества голосующих на участки, причём граждане могут привлекаться посредством применения по отношению к ним административного ресурса. Экспертное мнение, как правило, редко и адресно используется в качестве инструмента агитации граждан (данный сценарий был описан ранее, но несколько в другом ракурсе исследования, проведенного в 2016 году) [20, с. 191]. Второй сценарий похож на предыдущий за одним исключением, что на выборах участвует один сильный кандидат от правящей партии, который представляет из себя сильную харизматическую личность, выборы несколько театрализованы, так как другие кандидаты («технические») заведомо слабее фаворита. Третий сценарий более интересен, с точки зрения, применения политических технологий. Оппонентами в борьбе чаще всего являются член партии власти и представитель «партии парламентской оппозиции». В таких условиях всё равно чаще побеждает представитель «партии власти» (что коррелирует с исследованиями ещё 2015 года) [13, с. 7], однако возможны неожиданные электоральные повороты, где итог выборов может быть не предре-

шён заранее. Возможен и обратный случай, когда в регионе имеется оппозиционный губернатор, которого пытаются сместить в пользу сторонника партии власти. Заметим, что именно в последнем случае возможно возникновение неформальных контактов, когда действующий губернатор в обмен на свёртывание кампании предлагает размен с должностями сенаторов, местами в региональном парламенте, иногда при наличии специфической кампании по довыборам в Государственную Думу, даже место депутата ГД, в редких случаях мэрские должности и места в администрации или правительстве региона.

Другой особенностью характерной для всех без исключения групп и для большинства экспертов является, в первую очередь, использование простых избирательных технологий в региональных кампаниях, опять-таки как на парламентских выборах, так и на выборах главы субъекта. Это можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, скромными бюджетами избирательных штабов кандидатов, которых часто хватает только на обеспечение минимальных потребностей кампании. Во-вторых, недоступностью привлечения специалистов высокого уровня в удалённых регионах, а также в районных центрах (располагаются не в столицах субъектов), это объясняется не только географическими расстояниями, но и низким уровнем финансирования кампаний. Кроме того, иногда политические консультанты не рекомендуют использовать сложные технологии в выборах маленьких по масштабу, поскольку в таких условиях срабатывают старые классические приёмы. Говоря о классических приёмах, стоит сказать о некоторой приверженности региональных политиков именно к ним, так, часто используются раздача листовок, обход по домам и даже концерты, конкурсы, эти технологии просты, иногда достаточно эффективны, но, в целом, устарели. Большинство этих технологий появилось ещё в эпоху становления всеобщих выборов в девятнадцатом веке, и с того времени они не сильно претерпели изменения.

Ещё одной важной чертой, характерной для всех избирательных кампаний, является возможность использования чёрных или незаконных политических технологий, подобные тенденции озвучивались и ранее некоторыми специалистами [4, с. 71]. Чёрный пиар сопровождает любые выборы и не вызывает большого удивления при их проведении, причём эти технологии балансируют на грани серого пиара и прямого нарушения закона. Отметим, что данные технологии применяются как представите-

лями власти, так и представителями оппозиции (парламентской и несистемной), это понимание оппозиционной активности иногда встречается в исследованиях по данной проблематике [19, с. 74]. Дополнительно стоит сказать, что за вбросом компромата (здесь как пример чёрной технологии), чаще всего следует ответный удар и всё перерастает в своеобразную «войну компроматов», поскольку обе стороны начинают активно их использовать. Даже если избирательная кампания проходит относительно спокойно, чёрные технологии всё равно применяются, даже если активная пиар деятельность не осуществляется [5, с. 164]. Конечно, добавим, что мы не можем утверждать о подавляющем применении подобных технологий в абсолютно всех случаях [32]. Пиар может осуществляться и в использовании необычных элементов в программах, к примеру внешне-политической повестки [21, с. 120].

Кроме того, стоит рассмотреть и другие случаи применения незаконных методов воздействия на кампанию (мы не имеем в виду ошибочные и случайные нарушения законодательства, особенно его процессуальных норм, а скорее подразумеваем нарушение закона в результате реализации некоторых политехнологических программ). Здесь можно назвать применение административного ресурса, как пример можно привести привлечение сотрудников муниципальных и частично государственных предприятий (эксперты исследования, однако, отмечают, что такие технологии применяются всё реже). Кроме того, могут реализовываться такие незаконные мероприятия как заключение коррупционных сделок, но, по мнению экспертов, это отходит на второй план. Также поддержка кандидата происходит с помощью кумовства, круговой поруки и некоторых других неформальных связях. Дополнительно может применяться распространение слухов, не соответствующих действительности, или трансляция недостоверных фактов. Вне зависимости от региона эксперты говорили о применении подкупа избирателей или лиц, которые могут оказывать влияние на избирателя. Так, глава наблюдательского корпуса из Ленинградской области вспоминает, что на региональных выборах применялся подкуп как политехнология, причём в новом формате, а именно избирателям выдавались календари со штрих-кодами, с помощью которых якобы можно было отследить как проголосовал человек, что, конечно же, не соответствовало действительности. Отметим, что здесь наблюдаются корреляции с более ранними исследованиями [15, с. 204].

Эксперт из Челябинска отмечает, что старый классический приём, а именно использование спойлеров, остаётся, актуальным. Спойлерами могут быть как целая партия – можно вспомнить пример многочисленных двойников коммунистических партий (заметим, что в спойлерстве обвиняют друг друга КПРФ, Коммунисты России, КПСС (современная партия) и многочисленные незарегистрированные партии). Порой все коммунистические партии обвиняют в спойлерстве по отношению к Коммунистической партии СССР, паразитирующим на её наследии. Но бывают и кандидаты спойлеры классического толка – однофамильцы и полные тезки перспективного кандидата, так эксперты из Москвы вспоминают кампанию в Ханты-Мансийске, где на выборах регионального парламента участвовал полный тезка предыдущего губернатора, пользовавшегося большой популярностью у населения автономного округа.

В продолжении темы неординарных избирательных технологий можно заметить, что именно необычные приёмы могут использоваться в жизни, к примеру эксперт из Севастополя называет такой способ как организация гонки на гироскутерах. Отметим также, что актуальность приобретают необычные перформансы в интернете [17, с. 120], данная тенденция вошла в политическую практику России весьма основательно [7, с. 91].

Кроме того, если говорить в целом о позиции экспертов, касающейся изменений и изменчивости как особенности избирательных региональных кампаний, то, например, эксперт - региональный депутат из Тюменской области отмечает, что изменчивость весьма характерна для избирательных кампаний в России и, более того, он акцентирует внимание на том, что, скорее всего, системные изменения будут происходить в российской избирательно-электоральной системе в ближайшее время, что в принципе дополняет данные из исследования, посвящённого Тюменской области [12, с. 609].

В регионах Российской Федерации можно наблюдать различные позиции по отношению к региональным избирательным кампаниям. Мы смогли вычленить ряд общих черт, характерных для самого процесса протекания избирательных кампаний, применения избирательных технологий и отношения к самим кампаниям, их месту и роли в политической системе современной России.

Во-первых, выделенные особенности региональных избирательных кампаний (отсутствие политического конфликта в кампаниях, ощущение

предопределенности итогов у избирателей, уменьшения роли административного ресурса и другие), характерных как для губернаторских выборов, так и для региональных парламентских. Во-вторых, раскрыт феномен разного протекания электоральных кампаний в регионах с большими городскими агломерациями и регионами, не имеющими их. В-третьих, выявлены особенности избирательных кампаний в столицах субъектов и районов (городских округах) этих субъектов (более динамичное протекание избирательных кампаний в столицах субъектов, использование менее сложных политических технологий в районах субъекта, привлечение ключевого электората кампании в столицах субъекта). На основании вышеизложенного можно сделать вывод об устойчивости и типичности традиций и результатов проведения региональных избирательных кампаний, что в большей степени обеспечивает политическую стабильность в регионах, чем ее подрывает.

Литература

1. Бадретдинов И.Р. Развитие института региональных выборов в субъектах России: 90-е гг. XX в. // Общество: политика, экономика, право. 2018. №11(64).
2. Быстрова А.С. Отставки и выборы 2018 г.: обновление губернаторского корпуса, бассейн рекрутирования и карьеры новых персонажей // Власть и элиты. 2018. №5.
3. Ву Тхи Хыонг. Политические технологии в региональных избирательных кампаниях // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2020 №1.
4. Гринько С.Д. Противодействие коррупции в избирательном процессе // Государственная служба и кадры. 2020. №1.
5. Groшев И.В., Горбенко А.В., Лукин В.В., Антоненко И.В. Социально-психологические особенности выборов со слабым содержанием // Вестник университета. 2019. №2.
6. Ефанова Е.В., Коломейцева Т.П. Институционализация гражданского контроля в российском политическом процессе (на примере Волгоградского региона) // Вестник МГОУ. 2019. №4.
7. Зазнаев О.И., Авзалова Э. И. Проблема взаимосвязи Интернета и политики в современных отечественных исследованиях // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2019. Vol. 15. №2.

8. Захаров А.Н. Эволюция избрания глав субъектов в Российской Федерации на примере республики Саха (Якутия) / Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. №4(32).

9. Кузнецов А.Ю., Корнильцева Е. Г. К итогам губернаторских выборов 2018 Г. в России // Общество: политика, экономика, право. 2019. №8(73).

10. Лыкова А.А. Региональные отделения политических партий республики Алтай в избирательных кампаниях 2014 г.: степень политической конкуренции // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2019. №58.

11. Мерзлякова Е.М. К вопросу о развитии системы электронного голосования в Российской Федерации // Столыпинский вестник. 2020. Vol 2. №2.

12. Мокан К.И. Партийный плюрализм в локальной политике в условиях сохранения и отмены прямых выборов глав муниципалитетов региона (на примере Тюменской области)" // StudNet. 2020. Vol 3. №9.

13. Мухаметов Р.С. Особенности региональных выборов-2014 // Studia Humanitatis. 2015. №1.

14. Негров Е.О. Дискурсивные практики манифестирования идентичности в современной Европе: на примере избирательной кампании по выборам в Европейский парламент в 2019 году // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. №3.

15. Первушова А.С. Использование новых технологий как платформа современного информационного обеспечения выборов: Российский и зарубежный опыт // Вопросы российской юстиции. 2019. №3.

16. Петров Ю.Д., Григорьев Н.А. Региональный электоральный процесс в Республике Саха (Якутия) // Вестник Забайкальского государственного университета. 2019. Vol. 25. №8.

17. Попов П.Л., Черенев А.А., Сараев В.Г. Оценка прогноза электоральной предрасположенности регионов РФ по материалам парламентских президентских выборов 2016 и 2018 гг. // Власть. 2019. №1.

18. Репьева Я.И. Праймериз как новый коммуникационный формат взаимодействия российского избирателя и партийного кандидата // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология. 2019. vol. 21. №2.

19. Савенков Р.В. Электоральный потенциал оппозиционных кандидатов по итогам выборов в региональные парламенты в Центрально-Черноземном регионе (2010–2018) // Политическая наука. 2019. №2.

20. Суоров С.Б. Экспертная информация в региональных избирательных кампаниях: механизмы получения и система оценки // Вестник СГЮА. 2016. №6(113).

21. Уляшкина Е.Г. Вопросы внешней политики России в партийной программатике периода избирательных кампаний 2011 г. и 2016 г. // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2019. №1.

22. Федеральный Закон № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18173/page/3> (дата обращения 12.12.2020).

23. Черных В.Д. Региональные выборы в РФ. Развитие. Актуальные проблемы и преодоления // Скиф. 2019. №1(29).

24. Шапкина Е.В. Опыт избирательного процесса и избирательной кампании в регионе // Вестник КемГУ. 2015. №4-2(64).

25. BallotReady. URL: <https://www.ballotready.org/> (дата обращения 12.12.2020).

26. Crowdpac. URL: <https://www.crowdpac.com/> (дата обращения 12.12.2020).

27. Digital-выборы: как технологии меняют политику. 6 ноя 2018 // vc.ru. URL: <https://vc.ru/future/50257-digital-vybory-kak-tehnologii-menyayut-politiku> (дата обращения 12.12.2020).

28. ePluribus. URL: <https://www.epluribus.io/> (дата обращения 12.12.2020).

29. Eubank N., Grossman G., Platas M., Rodden J. Viral Voting: Social Networks and Political Participation // Quarterly Journal of Political Science. 2019. URL: https://mplatasp.files.wordpress.com/2019/06/socialnetworksandpoliticalparticipation_may2019.pdf (дата обращения 12.12.2020).

30. Ikpegbu E., Ihejirika W. Newspaper coverage of issue-based political statements and campaigns in Nigeria's electoral process (November 2018 - February 2019) // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2020. №2.

31. Libman A. Subnational Political Regimes and Formal Economic Regulation: Evidence from Russian Regions // Regional & Federal Studies. 2017. №27.

32. Reisinger W., Moraski B. The Regional Roots of Russia's Political Regime // Ann Arbor: University of Michigan Press. 2017.

33. Voatz. URL: <https://voatz.com/> (дата обращения 12.12.2020).

References

1. Badretdinov I.R. Razvitie instituta regional'nykh vyborov v sub"ektakh Rossii: 90-e gg. XX v. // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2018. №11(64).
2. Bystrova A.S. Otstavki i vybory 2018 g.: obnovlenie gubernatorskogo korpusa, bassein rekrutirovaniya i kar'ery novykh personazhei // Vlast' i elity. 2018. №5.
3. Vu Tkhi Khyong. Politicheskie tekhnologii v regional'nykh izbiratel'nykh kampaniyakh // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2020 №1.
4. Grin'ko S.D. Protivodeistvie korruptsii v izbiratel'nom protsesse // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2020. №1.
5. Groshev I.V., Gorbenko A.V., Lukin V.V., Antonenko I.V. Sotsial'nopsikhologicheskie osobennosti vyborov so slabym sodержaniem // Vestnik universiteta. 2019. №2.
6. Efanova E.V., Kolomeitseva T.P. Institutsionalizatsiya grazhdanskogo kontrolya v rossiiskom politicheskom protsesse (na primere Volgogradskogo regiona) // Vestnik MGOU. 2019. №4.
7. Zaznaev O.I., Avzalova E.I. Problema vzaimosvyazi Interneta i politiki v sovremennykh otechestvennykh issledovaniyakh // Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS. 2019. Vol. 15. №2.
8. Zakharov A.N. Evolyutsiya izbraniya glav sub"ektov v Rossiiskoi Federatsii na primere respubliky Sakha (Yakutiya) / Skif. Voprosy studenche-skoj nauki. 2019. №4(32).
9. Kuznetsov A.Yu., Kornil'tseva E. G. K itogam gubernatorskikh vyborov 2018 G. v Rossii // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2019. №8(73).
10. Lykova A. A. Regional'nye otdeleniya politicheskikh partii respubliky Altai v izbiratel'nykh kampaniyakh 2014 g.: stepen' politicheskoi konkurentsii // Vestnik Tom. gos. un-ta. Istoriya. 2019. №58.
11. Merzlyakova E.M. K voprosu o razvitii sistemy elektronnoho golosovaniya v Rossiiskoi Federatsii // Stolypinskii vestnik. 2020. Vol 2. №2.
12. Mogan K.I. Partiinyi plyuralizm v lokal'noi politike v usloviyakh sokhraneniya i otmeny pryamykh vyborov glav munitsipalitetov regiona (na primere Tyumenskoi oblasti) // StudNet. 2020. Vol 3. №9.
13. Mukhametov R.S. Osobennosti regional'nykh vyborov-2014 // Studia Humanitatis. 2015. №1.

14. Negrov E.O. Diskursivnye praktiki manifestirovaniya identichnosti v sovremennoi Evrope: na primere izbiratel'noi kampanii po vyboram v Evropeiskii parlament v 2019 godu // Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya. 2019. №3.

15. Pervushova A.S. Ispol'zovanie novykh tekhnologii kak platforma sovremennogo informatsionnogo obespecheniya vyborov: Rossiiskii i zarubezhnyi opyt // Voprosy rossiiskoi yustitsii. 2019. №3.

16. Petrov Yu.D., Grigor'ev N.A. Regional'nyi elektoral'nyi protsess v Respublike Sakha (Yakutiya) // Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. Vol. 25. №8.

17. Popov P.L., Cherenev A.A., Saraev V.G. Otsenka prognoza elektoral'noi predraspolozhennosti regionov RF po materialam parlamentskikh prezidentskikh vyborov 2016 i 2018 gg. // Vlast'. 2019. №1.

18. Rep'eva Ya.I. Praimeriz kak novyi kommunikatsionnyi format vzaimodeistviya rossiiskogo izbiratelya i partiinogo kandidata // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Ser. Politologiya. 2019. vol.21. №2.

19. Savenkov R.V. Elektoral'nyi potentsial oppozitsionnykh kandida-tov po itogam vyborov v regional'nye parlamenti v Tsentral'no-Chernozemnom regione (2010–2018) // Politicheskaya nauka. 2019. №2.

20. Surovov S.B. Ekspertnaya informatsiya v regional'nykh izbiratel'nykh kampaniyakh: mekhanizmy polucheniya i sistema otsenki // Vestnik SGYuA. 2016. №6(113).

21. Ulyashkina E.G. Voprosy vneshnei politiki Rossii v partiinoy programmatike perioda izbiratel'nykh kampanii 2011 g. i 2016 g. // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Istoriya i politicheskie nauki. 2019. №1.

22. Federal'nyi Zakon № 67-FZ «Ob osnovnykh garantiyakh izbiratel'nykh prav i prava na uchastie v referendumе grazhdan Rossiiskoi Federatsii». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18173/page/3> (data obrashcheniya 12.12.2020).

23. Chernykh V.D. Regional'nye vybory v RF. Razvitie. Aktual'nye problemy i preodoleniya // Skif. 2019. №1(29).

24. Shapkina E.V. Opyt izbiratel'nogo protsessа i izbiratel'noi kampanii v regione // Vestnik KemGU. 2015. №4-2(64).

25. BallotReady. URL: <https://www.ballotready.org/> (data obrashcheniya 12.12.2020).

26. Crowdpac. URL: <https://www.crowdpac.com/> (data obrashcheniya 12.12.2020).

27. Digital-vybory: kak tekhnologii menyayut politiku. 6 noya 2018 // vc.ru. URL: <https://vc.ru/future/50257-digital-vybory-kak-tehnologii-menyayut-politiku> (data obrashcheniya 12.12.2020).

28. ePluribus. URL: <https://www.epluribus.io/> (data obrashcheniya 12.12.2020).

29. Eubank N., Grossman G., Platas M., Rodden J. Viral Voting: Social Networks and Political Participation // Quarterly Journal of Political Science. 2019. URL: https://mplatasp.files.wordpress.com/2019/06/socialnetworksandpoliticalparticipation_may2019.pdf (data obrashcheniya 12.12.2020).

30. Ikpegbu E., Ihejirika W. Newspaper coverage of issue-based political statements and campaigns in Nigeria's electoral process (November 2018 - February 2019) // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2020. №2.

31. Libman A. Subnational Political Regimes and Formal Economic Regulation: Evidence from Russian Regions // Regional & Federal Studies. 2017. №27.

32. Reisinger W., Moraski B. The Regional Roots of Russia's Political Regime // Ann Arbor: University of Michigan Press. 2017.

33. Voatz. URL: <https://voatz.com/> (data obrashcheniya 12.12.2020).

**Л. Донай,
М. Щеглов**

**ДИСКУРСИВНЫЙ ИМИДЖ
СОВРЕМЕННОЙ
ГУБЕРНАТОРСКОЙ
ВЛАСТИ САНКТ-
ПЕТЕРБУРГА**

Аннотация

В статье раскрываются основные компоненты и технологии конструирования имиджа губернатора Санкт-Петербурга А.Д. Беглова. В качестве эмпирического материала для анализа была осуществлена механическая выборка обращений А.Д. Беглова по радио, телевидению и в социальных сетях с интервалом 1-2 обращения в месяц. Методологической базой статьи являются социо-семиотический структуралистский подход Д. Чендлера. Анализ материала основан на методе глубоко дискурсивного анализа с выделением как дискурсивных, так и интенциональных, контентных, психологических переменных, основанных на работах Д. Чендлера, Д.Дж. Уинтера, М.Дж. Херманн, У. Уайнтрауба и С.Дж. Уокера. Авторы статьи подчеркивают влияние политико-институциональных изменений на имидж губернатора – увеличивающаяся медийность и публичность из-за возвращения прямых выборов. Вследствие этого отмечено увеличение типов и количества медиа ресурсов в конструировании образа губернатора: радио, телевидение, социальные сети. Выделяются дискурсивные особенности в репрезентации губернатора в период предвыборной кампании и после нее. На основании полученных данных сформирована множественная переменная – стиль достижения целей. Наиболее распространенным стилем является командный технократ. Особое внимание уделяется семантике и темам обращений губернатора в контексте наиболее важных проблем для горожан в период предвыборной кампании: в дискурсе А.Д. Беглова выделены такие ключевые темы как социальное и экономиче-

**L. Donaj,
M. Shcheglov**

**DISCOURSIIVE IMAGE
OF THE MODERN
GOVERNOR'S AUTHORITY
OF ST. PETERURG**

Abstract

The article reveals the main components and technologies for constructing the image of the governor of St. Petersburg A.D. Beglov. As empirical material for the analysis, we carried out a mechanical sampling of A.D. Beglov's speeches on radio, television and social networks with an interval of 1-2 speeches per month. The methodological basis of the article is the socio-semiotic structuralist approach of D. Chandler. The analysis of the material was based on a deep discourse analysis method with the allocation of both discursive and intentional, content, psychological variables, based on the works of D. Chandler, D.J. Winter, M.J. Hermann, W. Weintraub and S.J. Walker. The authors of the article also emphasize the influence of political and institutional changes on the image of the governor - increasing media exposure and publicity due to the return of direct elections. As a result, an increase in the types and amount of media resources in constructing the image of the governor was also noted: radio, television, social networks. The discursive features in the representation of the governor during the election campaign and after it are highlighted. Based on the data obtained, a multiple variable was also formed - the style of achieving goals. The most common style was the command technocrat. Particular attention is paid to the semantics and topics of the governor's addresses in the context of the most important problems for the townspeople during the election campaign: the discourse of A.D. Beglov traced such key topics as the social and economic development of the city, its

ское развитие города, его благоустройство. В исследовании отмечается, что данные имиджевые технологии конструируют образ губернатора-хозяйственника, а также апеллируют к преимущественно пожилой группе населения города.

improvement. The study notes that these image technologies construct the image of the governor-business executive and also appeal to the predominantly elderly group of the city's population.

Ключевые слова:

имидж, образ власти, семиозис, губернатор, региональная власть, предвыборная кампания.

Key words:

image, image of power, semiosis, governor, regional power, election campaign.

Институт главы региональной исполнительной власти постсоветской России является одним из ключевых в отношениях между федеральным центром и регионом. Его статус, роль и влияние нередко менялись в ходе складывания федеративных связей в стране в период 90-х гг. XX века, по итогу которого в стране сложилась ярко выраженный ассиметричный характер федерации. За почти 8 лет назначения глав субъектов федеральному центру удалось сформировать благоприятную среду для последующего контроля над прямыми выборами глав субъектов. Во-первых, для сохранения своего положения главы регионов были вынуждены пойти на сделку лояльности с федеральной властью: в обмен на поддержку федерального центра губернаторы не высказывали публично критику федеральной власти и не шли в открытое противостояние с ней. Помимо этого, более трети новопоставленных глав были из категории «варягов», что также означало высокую лояльность центру [8, с. 538]. Этим людям при покровительстве федеральной власти удалось создать целую инфраструктуру провластного парламента и правительства. Во-вторых, введение муниципального фильтра позволило существенно сократить количество потенциальных оппонентов на выборах. В-третьих, распространение практики назначения ВРИО глав субъектов. Тем не менее, наличие прямых выборов требовало от кандидатов предвыборной агитации, внимания к созданию публичного образа. Однако опыта у кандидатов в данной сфере чаще всего не было: ВРИО чаще всего были из категории назначенцев, а не выбираемых. Приспособлением губернаторов к новой политической реальности прямых выборов глав в регионах, необходимостью формирования публичного образа обуславливается актуальность исследования в данной области. Результаты данного исследования (при условии продолжения мониторингового анализа выступлений) также могут быть приме-

нены для оценки перспектив переизбрания А.Д. Беглова на пост губернатора в 2024 году.

Тема репрезентации образа власти в России является одной из наиболее развитых и проработанных в российской политологии. Изучение губернатора как главы региона, а также особенностей их предвыборных кампаний и полномочий в конце 90-х гг. XX века было представлено в монографии «Институт губернатора в России: традиции и современные реальности» под редакцией Н.С. Слепцова. Особого внимания заслуживают работы Е.Б. Шестопал «Психологический профиль российской политики 1990-х», «Образы российской власти: от Ельцина до Путина», а также монография «Власть и лидеры в восприятии российских граждан», в которых производится количественные и качественные методы анализа российских политиков (в т.ч. и губернаторов): их вербальных и визуальных образов. Также следует выделить исследовательские статьи И.С. Палитай «Региональные руководители нового поколения: результаты политико-психологического анализа» и Е.П. Добрынина «Политический капитал российского губернаторского корпуса» в изучении образов непосредственно губернаторской власти. Из зарубежной литературы такие исследования как «Дистантное изучение личностей Дж. Буша и М.С.Горбачева: процедуры, портреты, политика» Д.Дж. Уинтера, М.Дж. Херманн, У. Уайнтрауба и С.Дж. Уокера, «Анализ мотивов политика: основные определения и правила подсчета» Д.Дж. Уинтера и «Создание образа лидерства: на примерах Клинтона и Уотергейта» представляют значимый вклад в развитие дискурсивных методов в изучении образов политиков. Целью данной статьи является описание семиозиса имиджа губернатора Санкт-Петербурга. Для этого авторы ставят решение следующих задач: (1) определение нормативного развития института губернатора Санкт-Петербурга в современной России, (2) выделение специфики образов институтов власти, (3) изучение особенностей политического дискурса губернатора А.Д. Беглова на его странице в социальных сетях, телепрограммах и радиоэфирах во время и после избирательной кампании по ключевым темам, (4) сопоставление имиджа губернатора Санкт-Петербурга с электоральными предпочтениями граждан. Необходимость анализа системы знаков имиджа обуславливается применением социосемиотической методологии структурализма в исследовании. С точки зрения семиотики исследование имиджа предполагает анализ знаков и объ-

ектов (семантику), отношений знаков (синтактику) и прагматику системы имиджа [10, с. 50]. Это потребует изучение конструирования публичного дискурса и визуального образа губернатора: тематических, лингвистических, стилистических, перформативных и пр. знаков. Для этого будет применен семиотический анализ с акцентом на декодировании образа губернатора. Так, согласно классификации Д. Чендлера для анализа будут выделены социальные, текстуальные и интерпретивные коды [27, с. 149-150]. Например, к социальным кодам будут относиться преимущественно переменные психологического блока вербального стиля; текстуальным кодам – формального и структурно-коммуникативного блоков переменных; а интерпретивным кодам – переменные интенционально-модального блока. Особенно важным является анализ чрезвычайных выступлений губернатора, например по тематике коронавируса. Авторы исходят из гипотезы о принципиальном изменении не только интенционально-эмоционального характера выступлений, но и символической реконструкции речей с уклоном в «борьбу с коронавирусной инфекцией».

Концептуальные аспекты образов губернаторской власти

Институт губернатора в Санкт-Петербурге. В процессе складывания нормативно-правового статуса губернатора в г. Санкт-Петербурге выделяют три основных этапа. На первом этапе 1991-93 гг. происходит институционализация должности губернатора как главы администрации региона в Российской Федерации. В 1990 гг. был обозначен распад прежней унифицированной советской системы административного управления. Так, в Санкт-Петербурге (Ленинграде) был введен пост избираемого мэра [8, с. 36]. На федеральном уровне особенно остро в этот период стоял вопрос статуса и полномочий глав исполнительной власти (президента) республик в стране как причина усилившейся децентрализации и еще бóльшей асимметрии полномочий и статусов субъектов в результате утраты КПСС монополии на власть и политической борьбы института президента РСФСР и парламента. Также на этом этапе был подписан Федеративный договор, который разграничил предметы ведения и полномочия между федеральным центром и городом, а также обозначил статус Санкт-Петербурга как субъекта Федерации – города федерального значения. В качестве основных первых мер по регулированию полномочий и статуса глав региональной исполнительной власти можно считать Указ президен-

та «О некоторых вопросах деятельности органов исполнительной власти в РСФСР». В нем за главами администраций областей, краев и автономных областей и автономных округов закреплялись исполнительно-распорядительные функции государственного управления; сами главы администраций назначались президентом по согласованию с Советами народных депутатов. Параллельно с этим в Верховном Совете разрабатывался проект закона «О выборах главы администрации», в котором должны были быть закреплены даты выборов глав субъектов, однако после на V и VII Съездах народных депутатов проведение всероссийских выборов глав администраций объявлялось нецелесообразным [8, с. 39]. Так, выборы прямые выборы глав регионов проводились в исключительных случаях до 1995 г.

Второй этап (1994-99 гг.) связан с принятием новой Конституции РФ 1993 года, которая знаменовала формальное складывание унифицированной системы управления, а также попыткой включения всех субъектов в федеративную систему. В частности, было закреплено право административно-территориального образования формировать собственное законодательство, установлен статус субъектов и основные принципы их нормотворчества. Так, в 1998 году городским Законодательным Собранием был принят Устав Санкт-Петербурга, в 16 статье которого был прописан статус губернатора как главы исполнительного органа власти – Администрации Санкт-Петербурга [22]. Как отмечает А.В. Кынев, несмотря на крайне противоречивый на тот момент характер права субъектов формировать собственные законодательства, а также крайне уступчивый Федеративный договор с отдельными субъектами, которые приводили к формированию региональных автократий, в Санкт-Петербурге имелись предпосылки для складывания демократического регионального режима [8, с. 45].

Третий этап (1999-2011 гг.) происходит окончательная систематизация деятельности высшего должностного лица, построение «вертикали власти». В 1999 году был принят закон об общих принципах организации региональной власти, который регулирует организацию региональной власти. В целом это повысило унификацию региональных систем [23]. Как отмечает Р.Ф. Туровский, дальнейшие поправки в этот закон «свели к минимуму поле для региональных экспериментов с формально-правовой организацией государственной власти» [20, с. 83]. Данный закон предполагал создание института полномочных представителей Президента и фе-

деральных округов, а также возможность Президента РФ отрешать от должности глав регионов. Наличие полпредов Президентов ослабляло статус губернатора. В Санкт-Петербурге, где находилось полпредство Северо-Западного ФО, губернатор фактически столкнулся с новым политическим актором, которого часть элиты воспринимала как минимум в качестве «антитезы» главы региона [8, с. 421]. Наряду с подчинением региональной власти федеральному центру происходило и подчинение местной власти региональной. Этот процесс начался с 2003 года, когда муниципальная власть становилась все более и более финансово зависимой от региональной администрации, что подтверждает Р.Ф. Туровский, отмечая, что «наиболее высокий контроль над местной властью обеспечивается в Москве и Санкт-Петербурге, где полномочия местной власти урезаны» [21, с. 88]. Именно для этого этапа также было характерно распространение «варягов» – лояльных федеральному центру назначенцев из других регионов – в результате отмены прямых выборов глав регионов и распространением системы «наделения полномочий» с 2004 года. Очевидными итогами трех этапов складывания института губернатора в России стали достижение практически полной обособленности главы субъекта от населения региона и установление вертикальной жесткой субординации губернатора с Президентом РФ.

Однако подобная иерархичная и несвязанная с региональным электоратом система существенно повлияла на рейтинги «Единой России» и лидеров В.В. Путина и Д.А. Медведева. А.В. Кынев считает, что на отмену системы «наделения полномочий» в 2011-12 гг. повлияли неудовлетворительные для «Единой России» результаты выборов в Государственную Думу, доверие к которым со стороны электората было крайне низким из-за существенного разброса между итоговыми результатами и данными опросов (напр. «Левада-центра» [16]). Помимо этого, доверие к выборам было подорвано фальсификациями, количество которых разными экспертами оценивается в 15-20% в пользу «Единой России» [8, с. 757]. В результате это спровоцировало ряд массовых митингов и шествий более чем в 100 городах России.

Вследствие данного кризиса федеральный центр был вынужден отреагировать на его причины и внести политико-институциональные изменения, одним из которых было возвращение прямых выборов губернаторов по системе «муниципального фильтра», которая, однако, существен-

но фильтровала список потенциальных оппозиционных кандидатов на региональные губернаторские выборы. Также в 2013 году Законодательное Собрание Санкт-Петербурга приняло закон «О Губернаторе Санкт-Петербурга», в котором был четко прописан статус губернатора как высшего должностного лица Санкт-Петербурга, определены его полномочия в соответствии с федеральным и региональным законами, а также трудовые положения должности [6]. Еще одним важным изменением является закон от 20 декабря 2018 года, согласно которому кандидат в губернаторы Санкт-Петербурга может быть беспартийным [12]. Таким образом, была окончательно сформирована нынешняя нормативная региональная политическая система и институт губернатора в Санкт-Петербурге.

Структура образа политиков и институтов власти. Символические ресурсы институтов направлены преимущественно на конструирование их образов (имиджа), а также мобилизацию населения. На формы и применение этих ресурсов существенную роль оказывают ценности граждан, их предпочтения и культурный контекст (в особенности историческая память населения). Под «образом» следует понимать «впечатление, складывающееся на чисто информационной основе, в отличие от репутации, которая формируется на основе практического взаимодействия с товаром, фирмой или человеком» [9, с. 20]. Структурно образ представляет систему знаков, объединенных в единую символическую конструкцию. Результатом целенаправленного конструирования образа считают имидж. Зачастую ввиду отсутствия репутации именно образ (или имидж) становится тем критерием, той основой, которая служит для оценки детальности людей и институтов.

В той же статье Д.А. Леонтьев выделяет три уровня образа [8, с. 21]:

1. Уровень общего эмоционального отношения – формирование устойчивого положительного или отрицательного образа в целом;
2. Уровень значимых качеств – выделение характерного специфического (иногда уникального) качества;
3. Индивидуальное своеобразие – уникальность, узнаваемость образа среди других, обеспечение устойчивой реакции на объект.

Вместе с имиджем конкретного кандидата, образами отдельных политических деятелей, по мнению Е.Б. Шестопал, «существует в массовом сознании и образ власти в целом» [24, с. 30]. Это подтверждает наличие образа института современной губернаторской власти, который формиру-

ется в массовом сознании и в том числе проецируется на имиджевую политику. Имидж власти позволяет организовать связь между самой властью и гражданами и является «отражением как интересов аудитории, так и интересов субъекта власти и пытается совместить эти интересы» [8, с. 18]. Созданием и продвижением имиджа можно назвать коррекцию образа в соответствии с тем, что ждет от него аудитория.

В политической психологии выделяют четыре основные функции образа власти:

1. Удовлетворение инструментальных потребностей;
2. Образ как мера оценивания;
3. Ценностно-познавательная функция;
4. Экстернализация внутренних конфликтов (уменьшение тревожности индивидов, посредством переноса конфликтов во внешнее поле).

Обычно структуру политического образа разделяют на рациональный и бессознательный компонент. Для рационального компонента характерно восприятие образа через когнитивные механизмы, то есть человек может оценить политика или институт исходя из их конкретных действий, которые он поддерживает или не одобряет. Бессознательный компонент связан с эмоциями, личным неприятием или положительной оценкой действий, внешности, поступков. Зачастую индивиды даже не осознают этот эмоциональный компонент или не способны его объяснить.

На образ существенно влияют не только политические ожидания людей, но и стереотипы. Под «стереотипом» следует понимать упрощенный или обобщенный несбалансированный образ, зачастую эмоционально окрашенный [19, с. 52]. Образ власти, будучи сильно зависимым от стереотипов, часто формируется именно на опосредованном уровне, поскольку СМИ, и телевидение, в частности, воздействуют на когнитивные структуры человеческой психики. Будучи ответственными за процесс стереотипизации образа СМИ способны формировать его на бессознательном уровне.

Помимо этого, важно выделить еще два основных фактора, влияющих на восприятие и образ власти – личность и политический контекст. Концепция Ч. Осгуда предполагает изучение образа политического лидера по трем измерениям: привлекательность, сила, активность. В факторе личности крайне важна визуальная составляющая: по оценке Е.Б. Шестопал, 55% впечатления зависят от того, как политик выгладит, далее идет

тембр его голоса – 35% [11, с. 240]. Вследствие этого при личностной оценке привлекательности образа выделяют внешность, психологические и морально-этические особенности, а также деловые и профессиональные качества политика. Личностная сила связана как с внешними компонентами (возраст, здоровье, физическое состояние и пр.), так и с внутренними (интеллектуальные ресурсы, психологическая устойчивость и пр.). Параметр активности связан с исполнением властных полномочий политика. Когда говорят о факторе политического контекста, то особое внимание уделяют политической ситуации (например, кризис), политическим процессам, политической системе и политической окружающей среде в стране в целом.

Процесс формирования образа власти может проходить непосредственно (вербально) – непосредственное отражение наблюдаемой деятельности государственного деятеля – и опосредованно (визуально) – складывание представлений через информацию в СМИ, политическую рекламу, то есть через виртуальное пространство.

Конструируемый образ в средствах массовой коммуникации связан не только с визуальным, но и вербальным компонентом, чаще всего выражающийся в непосредственных действиях и речи – какие темы, стиль принятия решений, метафоры, особенности лексики ассоциируются с институтом или политиком. Здесь происходит формирование образа посредством содержания (текста) выступлений и сообщений, дискурса политика или института в целом. На вербальном дискурсивном уровне особое внимание уделяется структуре речи, коммуникативным особенностям, озвучиваемым и неозвучиваемым темам, лексическим приемам (метафоры, сравнение и пр.), поскольку с помощью них можно определить самопозиционирование, отношение и ценности, поддерживаемые институтом или отдельным политиком.

Таким образом, при анализе образа современной губернаторской власти важно учитывать как личность губернатора, так и политический контекст (правовое положение губернатора и политические предпочтения населения); а также проводить исследование не только на визуальном, но и когнитивном уровне.

Дискурсивные особенности репрезентации губернатора А.Д. Беглова с момента назначения А.Д. Беглова ВРИО губернатора Санкт-Петербурга 3 октября 2018 года можно наблюдать существенные изменения в репрезентации образа института губернатора в городе. Во-первых, увеличилась частота появления губернатора в традиционных СМИ. Особенно это стало заметно с весны 2019 года, когда появились еженедельный «Губернаторский эфир» на «Радио России – Санкт-Петербург» с 5 марта, а также ежемесячные выпуски программы «Петербург. Новый взгляд. Разговор с Александром Бегловым» на телеканале «78». Помимо, этого с этого же периода петербургские каналы «Национальной Медиа Группы» начали называть ВРИО губернатора А.Д. Беглова «действующим губернатором» [18]. Во-вторых, в конструировании образа были использованы и современные СМИ. Так, той же весной 11 марта была зарегистрирована страница А.Д. Беглова в социальной сети ВКонтакте, на которой публиковались еженедельные информационные отчеты о проделанной ВРИО губернатора работой, а также проверки, поездки по районам города, поздравления и пр. Так, уже к апрелю 2019 года, согласно «Медиалогии» в медиарейтинге губернаторов Беглов занял первое место и уверенно держал лидирующие позиции на протяжении всей избирательной кампании и даже после [5].

Помимо количественных изменений в образе губернатора произошли и качественные. Для выявления характерных особенностей дискурса губернатора были выбраны 19 эфиров Беглова на «Радио России – Санкт-Петербург» (основанием для отбора служила механическая выборка – по 2 эфира в месяц), 2 эфира с участием Беглова в теледебатах на каналах «Россия 1» и «Санкт-Петербург», 2 выступления с ежегодным отчетом о результатах деятельности Правительства и Губернатора Санкт-Петербурга (за 2018 и 2019 года), а также 14 видео-обращений на странице ВКонтакте. Данные обращения и выступления охватывают 4 периода: предвыборная кампания, постизбирательные выступления, выступления по праздникам и обращения во время чрезвычайной ситуации коронавируса. Для анализа текста были сформулированы 4 блока переменных. Первый – «Формальный блок» – включает тип сообщения, формат сообщения, упомянутые темы в сообщении, период обращения. Второй – «Структурно-коммуникативный блок» – направлен на выявление особенностей структуры обращений и включает коммуникативное (денотатив-

ное) намерение в сообщении, структурирующую концепт-идею сообщения, структуру сообщения (клишированная/оригинальная), упоминание связей с федеральным центром. Третий – «Интенционально-модальный блок» – был сформулирован, исходя из сочетания методов интен-анализа и методики когнитивного моделирования [17, с. 64], предназначен для определения модальности и эмоциональной направленности обращений, поэтому включает в себя преобладающую группу интенций в сообщении, преобладающую направленность интенций, доминирующую модальность повествования, доминирующую агентивную позицию (позиционирование агентов). Четвертый – «Психологический блок стиля достижения целей» – частично основан на дискурсивном психологическом подходе Д.Дж. Уинтера, М.Дж. Херманн, У. Уайнтрауба и С.Дж. Уокера [15, с. 61] и выражает личностные предпочтения и качества Беглова, влияющие на образ и стиль принятия решений. Отдельно проанализировано обращение «ленинградцы-петербуржцы», поскольку оно является характерной лингвистической особенностью обращений и выступлений А.Д. Беглова.

Семиозис обращения «ленинградцы-петербуржцы». С точки зрения семантики ставшее характерным для почти всех выступлений А.Д. Беглова обращение «ленинградцы-петербуржцы» как средство обозначения на денотативном уровне представляет конструкцию двух морфологически связанных существительных, которые образуют сложное дефисное обращение. Стабильно на постоянной основе данное обращение появилось с 19 августа 2019 года в радиоэфире, за 3 недели до выборов [1]. Полисемантическое поле обращения не настолько широко: его коннотативное значение так или иначе связано с культурной традицией и историей города, а именно с советским периодом, в особенности периодом блокады Ленинграда.

Также данное обращение является попыткой консолидации двух поколений: горожан, идентифицирующих себя как ленинградцев (преимущественно пожилая группа населения), и горожан, большую часть жизни проживших в Петербурге, а не Ленинграде. Помимо этого, в обращении очень важным является восприятие Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда. Для их анализа были специально выделены индикаторы, которые направлены на выявление мифогероической формы репрезентации данных событий: упоминание памятников блокаде, раскрытие и

описание «уроков блокады», почитание и героизация ветеранов, борьба за историческую память, культивация подвигов Великой Отечественной войны, а также личные связи с событиями (личные истории).

Синтаксически в обращении делается упор на первое слово «ленинградцы», что в контексте системы мифогероической интерпретацией исторического периода блокады Ленинграда отражает стремление губернатора заручиться поддержкой пожилой (заставших период блокады или семейно с ней связанной) и консервативно настроенной электоральной групп граждан.

Результаты анализа «Формального» блока переменных. Анализ формальных переменных в 37 речах А.Д. Беглова показал самые распространенные темы его выступлений: социальная сфера (упомянута в 67% обращениях), экономика (в 37%), благоустройство города (в 29%) и развитие транспортной системы (в 27%). Это в целом отражает запрос горожан, которые в опросе «Открытое мнение» выделили именно эти три сферы как наиболее проблемные в городе, которые должен решить будущий губернатор. При этом чаще всего темы «социальная сфера» и «экономика» были взаимосвязаны и звучали попарно в обращениях (см., табл. 1). Наиболее часто социальные проблемы звучали в период коронавируса, что обуславливается необходимостью развития здравоохранения в этот период, а также социально-экономической защиты наиболее уязвимых слоев населения.

Таблица 1. Таблица корреляции тем «социальная сфера» и «экономика»

		Тема социальной сферы	Тема экономики
Тема социальной сферы	Корреляция Пирсона	1	,421**
	Знч. (2-сторон)		,009
	N	37	37
Тема экономики	Корреляция Пирсона	,421**	1
	Знч. (2-сторон)	,009	
	N	37	37

** Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторон)

В свою очередь тема «экономика» обуславливала упоминание развития транспортной системы города (см. табл. 2), а также отчасти и благоустройства города, которая связана с блоком темы ЖКХ (см., табл. 3).

Таблица 2. Таблица корреляции тем «экономика» и «транспорт»

		Тема экономики	Тема транспорта
Тема экономики	Корреляция Пирсона	1	,404*
	Знч. (2-сторон)		,013
	N	37	37
Тема транспорта	Корреляция Пирсона	,404*	1
	Знч. (2-сторон)	,013	
	N	37	37

* Корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторон)

Таблица 3. Таблица корреляции тем «транспорт» и «ЖКХ»

		Тема транспорта	Тема ЖКХ
Тема транспорта	Корреляция Пирсона	1	,472**
	Знч. (2-сторон)		,003
	N	37	37
Тема ЖКХ	Корреляция Пирсона	,472**	1
	Знч. (2-сторон)	,003	
	N	37	37

** Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторон)

Таким образом, чаще всего обсуждение социальной проблематики и благоустройства города подталкивали к экономике, что выражалось в речах связкой необходимости финансирования соответствующих программ города. Связь проблем ЖКХ и благоустройства города выражалась в общей логике решения проблем «хозяйства» города.

Результаты анализа «Структурно-коммуникативного» блока переменных. В данном блоке наиболее значимые результаты связаны с переменной «упоминание федерального центра». О необходимости выстраивания связей и «включения города в федеральную повестку» А.Д. Беглов говорил почти в каждом втором своем вступлении. Как было ранее указано, очень важным в обращениях А.Д. Беглова была связка финансирова-

ния программ. Один из ключевых источников финансирования и развития города губернатор видит в помощи из федерального бюджета: как прямой (напр. прямые дотации), так и косвенной (напр. введение электронных виз для развития туризма в городе).

Помимо этого, стоит здесь отметить, что А.Д. Беглов не был в Санкт-Петербурге почти 15 лет [4]. Тем не менее, губернатор неоднократно подчеркивает идентификацию петербуржца. Например, А.Д. Беглов упоминал, что его предки защищали Ленинград во время блокады. С точки зрения прагматики, данная посылка нацелена на отражение в образе предпочтений граждан, которые, согласно опросу «Открытого мнения», желают видеть в губернаторе коренного петербуржца (см., табл. 4).

Таблица 4. Результаты опроса «Открытого мнения» по вопросу «Человек, много лет проживший и проработавший в городе / Новый человек в городе»

		Частота	Процент	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	1-й вариант	791	78,2	78,2	78,2
	2-й вариант	88	8,7	8,7	86,9
	Затрудняюсь ответить	133	13,1	13,1	100,0
	Итого	1012	100,0	100,0	

В целом анализ речей по данному блоку переменных установил, что преимущественными коммуникативными намерениями в выступлениях губернатора были информирование (40%), решение проблемы горожан (27%) и выстраивание коммуникации с гражданами (21%). Это указывает, что основную ставку в своем дискурсивном образе губернатор и его команда сделали на освещение деятельности губернатора, решении проблем граждан, что помогло завоевать медийное пространство, особенно в период выборов. Ключевой концепт-идеей в период коронавируса была «безопасность», позднее появилась концепт-идея «восстановление» (преимущественно в сфере экономики) (см., табл.5).

Таблица 5. Таблица корреляции переменных «Федеральный центр» и «экономика»

		Тема экономики	Федеральный центр
Тема экономики	Корреляция Пирсона	1	,496**
	Знч. (2-сторон)		,002
	N	37	37
Федеральный центр	Корреляция Пирсона	,496**	1
	Знч. (2-сторон)	,002	
	N	37	37

** Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторон)

Переменная «структура сообщения», связанная с клишированностью, предполагала, что «клишированным» сообщением считалось, если его тема уже ранее озвучивалась в другом сообщении. Так, в 54% выступлений А.Д. Беглов повторно озвучивал, ранее им выделенные в других выступлениях темы. Данное обстоятельство также подтверждает стремление команды губернатора к медийности образа, несмотря даже на отсутствие значимых новых событий и результатов в городе.

Результаты анализа «Интенционально-модального» блока переменных. В переменной «преобладающая группа интенций» были выделены две группы. Первая – «Функциональные интенции» – выражают формальные действия губернатора (напр. интенции «информирование», «приказ» и пр.). Вторая – «Ценностно-ориентировочные» – отражают ценности, эмоции и мнения губернатора (напр. интенции «выражение мнения», «обращение», «успокоение аудитории», «откровение», «убеждение» и пр.). Так, в большинстве речей преобладала именно первая группа интенций (59%), а ценностно-ориентировочные интенции наиболее часто встречались в период праздников. Это обуславливается, во-первых, большим количеством обращений и пожеланий в них, а также выражением собственного мнения губернатора.

Отдельного внимания заслуживают обращения губернатора по празднованию Дня снятия блокады Ленинграда и Дня Победы. Преимущественно в них можно отметить ценностные установки образа губернатора, отражающие предпочтения пожилой когорты населения.

В обращении 27.01.2020 на «Радио-России» губернатор отмечал весомый вклад ветеранов в победу, призывал брать пример с них, а также отмечал важность распространения знания о подвиге Ленинграда по всему миру. Также ключевым моментом сообщений, связанных с темой Великой Отечественной войны, является борьба за историческую память: отстаивание итогов победы, презрение к странам Европы, которые недооценивают вклад СССР в победу. Помимо этого, в обращении 27.01.2020 на синтаксическом уровне происходит конструирование четкой дихотомии «друга» и «врага», построенной вокруг синтагматики «света» как выражения добра, честности, дружелюбности и «тьмы» как олицетворения зла, обмана и враждебности. Данные синтагматические отношения выражаются в пассажах: «Пусть стыдятся те страны Европы, где сегодня продолжают сносить и вывозить на окраины памятники советским войнам-освободителям!» и «как напоминание о том, кто в последней большой войне был на стороне света, а кто на стороне тьмы». Как справедливо отмечал Карл Шмитт, данное разделение носит ярко выраженный политический характер и определяет суть политического [25, с. 301], поэтому это одно из немногих обращений, в которых фигурирует тема политики, причем внешней политики на уровне символической борьбы за историческую память (см., табл. 6). В целом данные сообщения характеризуются концептуальной простотой и преобладанием рассудочного мышления, основанного на бинарных оппозициях.

Таблица 6. Таблица частоты темы «политика» в речах А.Д. Беглова

		Частота	Процент	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	Упомянута	5	13,5	13,5	13,5
	Не упомянута	32	86,5	86,5	100,0
	Итого	37	100,0	100,0	

Сама тема политики в дискурсе А.Д. Беглова часто сопровождается ее пренебрежением (особенно в период предвыборной кампании). На дебатах 20.08.2019 на телеканале «Россия 1» Беглов косвенно призывал не участвовать в митингах, поскольку не видел в них смысла. Также синтагматически

выстраивалась дихотомия: участие в митингах противопоставлялось реальному решению проблем и работе. Фраза «мы не митингуем, а работаем» также указывает на негативное отношение губернатора к подобным акциям. Помимо этого, на дебатах 20.08.2019 телеканала «Санкт-Петербург» ВРИО губернатора тоже критиковал политичность выборного процесса, заявляя, что инвесторы с партиями работать не будут, а сами партии на протяжении 20 лет только «ключут друг друга». В противоположность этому тезису А.Д. Беглов стремился показать себя как командного игрока, чаще всего действующего от и для горожан вместе со своей губернаторской командой, что отражается в преимущественно групповой агентивной позиции в выступлениях (см., табл. 7).

Таблица 7. Доминирующая агентивная позиция в обращениях

		Частота	Процент	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	персонифицированная (личная)	11	29,7	29,7	29,7
	групповая	23	62,2	62,2	91,9
	безагентная (безличная)	3	8,1	8,1	100,0
	Итого	37	100,0	100,0	

Так, в своих выступлениях А.Д. Беглов старался минимизировать тему политики, деполитизировать выборы, выводя их исключительно на тему благоустройства и социо-экономического развития города, которые сопровождались, преимущественно, положительно направленными интенциями и групповой агентивной позицией (см. Приложение 11).

В период коронавируса появляются сообщения с преимущественно отрицательно или нейтрально направленными интенциями. Это обуславливается, во-первых, объективно деструктивными последствиями пандемии как для экономики, так и для социальной сферы города; во-вторых, спецификой самих обращений А.Д. Беглова. Также в этом дискурсе появляется образ врага в лице коронавируса: в обращениях прямо указывается на «невидимого врага», с которым борются медики-герои, а город несет потери. Данные сообщения носят характер наставлений, призывов с доминирующим блоком негативных интенций, указанием на негативные

последствия несоблюдения ограничительных мер, введенных в городе, апелляцией к гражданской сознательности и гуманизму.

Результаты анализа «Психологического стиля достижения целей». В данном блоке посредством комбинации переменных типов групп интенций, доминирующей модальности повествования и доминирующей агентивной позицией была сконструирована множественная переменная «Инструментальный/Социоэмоциональный» стиль достижения целей. Так, были выделены следующие варианты достижения целей:

1. Авторитарный технократ – стиль единоличного, персонифицированного достижения целей и решения проблем с наличием определенного «плана действий»;

2. Командный технократ – стиль командного достижения целей согласно «плану действий» и проработанной командой программы;

3. Волонтерист – стиль единоличного решения проблем, ориентируясь на сильные эмоциональные высказывания, личное мнение и авторитет;

4. Популист (как психосоциальное поведение) – стиль командного достижения целей с ориентацией на общепринятое мнение горожан, попытка объединения себя с остальными гаражами в «мы».

Самой распространенной стратегией позиционирования решения проблем и достижения целей является стиль «командного технократа» (почти в 46% выступлениях), а второй по распространенности – стиль «популизма» (24%). Во время всей предвыборной кампании образ конструировался именно вокруг этих двух стилей, причем во время дебатов значительно увеличивались шансы решения проблем «популистским» стилем. Очевидным является и сильное преобладание данного стиля в период праздников (55%), поскольку в дискурсе звучат обращения, поздравления и пожелания гражданам, упоминание связующих исторических ценностей и событий.

Преимущественно А.Д. Беглов старался решать проблемы мягкими методами: обещаниями, выстраиванием диалога и т.д. Однако в кризисные ситуации (напр. во время проблем с уборкой снега зимой 2019 года и коронавируса) появлялись и жесткие методы – ответственность за правонарушения, разбирательства, отмена контрактов со строительными компаниями и пр. Также мы можем наблюдать связь между жесткими методами достижения целей и ценностно-ориентировочной группой интенций. Это объясняется

эмоциональностью, выражением собственного мнения и долженствующими обещаниями в жестком методе решения проблем у А.Д. Беглова.

Изучение образа политика предполагает учитывать политический контекст (состояние политической системы, институциональные изменения и т.д.) и личные особенности (карьера, связи и т.д.). Также структура образа имеет бессознательный и рациональный компонент. Результатом целенаправленного конструирования образа считают имидж. Зачастую ввиду отсутствия репутации именно образ (или имидж) становится тем критерием, той основой, которая служит для оценки детальности людей и институтов. Для полноценного конструирования образа (имиджа) необходимо уделять внимание как визуальным, так и вербальным компонентам; рациональным и бессознательным. Описание семиозиса образа требует не только визуальный семиотический, но и структурный дискурсивный анализ речей политика.

В дискурсе А.Д. Беглова прослеживались стремления решения проблем по таким темам как: социальное и экономическое развитие города, его благоустройство. Учитывая возрастающую роль СМИ в предвыборном процессе, образ губернатора транслировался почти по всем основным СМИ в период предвыборной кампании: социальные сети, телевидение, радио. Ставка в этих речах преимущественно сделана на информирование населения о деятельности губернатора в положительно окрашенных интенциях. Во время кризисных ситуаций губернатор может показательно, например, устраивать проверки строящихся объектов или объездов по городу с главами районов, где на камеру жестко критикует их [4]. В целом эти технологии конструируют образ губернатора-хозяйственника. Использование исторического символа блокады Ленинграда и героизация подвигов ленинградцев, обращение «ленинградцы петербуржцы», частое упоминание ветеранов, дополнительные социальные гарантии им позволяют губернатору получить поддержку важной, одной из наиболее активных, электоральных групп населения в городе – преимущественно пожилой группы населения. Личностные характеристики А.Д. Беглова – отсутствие опыта публичного политика – оказали влияние на то, что в дискурсе губернатор избегает темы политики, деполитизирует выборы и окрашивают политическую сферу негативными интенциями (напр. противопоставлением протестов решениям проблем; грязными технологиями в политике и пр.). Также по этой причине А.Д. Беглов является командным

игроком, но специфика образа хозяйственника также влияет на то, что он вместе со своей командой держит ситуацию под личным контролем: буквально ручное управление даже в самых незначительных ситуациях (напр. открытие детской площадки). Это выражается и в стиле решения проблем преимущественно «командным технократизмом» или «популизмом». Помимо этого, личные связи А.Д. Беглова использованы как положительный фактор в его образе: А.Д. Беглов может выстроить полезный для экономики города диалог с федеральной властью, с президентом В.В. Путиным.

Анализа дискурса А.Д. Беглова в период предвыборной кампании показал совпадение ключевых тем выступлений губернатора с наиболее острыми для горожан проблем: социальные (строительство школ, поликлиник, социальные выплаты и т.п.), экономические (цены, ипотека, доступность жилья, недофинансирование из центра), благоустройство города (детские площадки, парки, уборка снега, озеленение, экология) и ЖКХ (аварийное жилье, коммунальные тарифы, проблемы с водоснабжением и т.п.). Помимо этого, нарочито подчеркивается, что губернатор является местным, петербуржцем, как и все горожане, несмотря на то, что в Санкт-Петербурге А.Д. Беглова не было почти 15 лет и, согласно аналитическому докладу к рейтингу политической устойчивости губернаторов «Госсовет 2.0.» принадлежит скорее к категории «варягов-возвращенцев» [2].

Состояние современной губернаторской власти в городе Санкт-Петербурге изменилось под влиянием политико-исторического контекста: институционализации должности губернатора, возвращения прямых выборов губернатора, подчиненности федеральной власти, широкими полномочиями в регионе, возрастанием роли СМИ в политической системе. В результате политико-институциональных изменений губернатор вынужден уделять больше внимания публичной сфере для предания легитимности победы на выборах и получения кредита доверия со стороны горожан.

Литература

1. Аудиоархив эфира «Радио-России – Санкт-Петербурге» от 19 августа 2019 года // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга. URL: <https://www.gov.spb.ru/press/audio/36/> (дата обращения 22.02.2021).
2. Аналитический доклад к рейтингу политической устойчивости губернаторов «Госсовет 2.0.» // Сайт Minchenko consulting. URL: https://minchenko.ru/netcat_files/userfiles/Reyting-politicheskoy-ustoychivosti-13.07-final.pdf (дата обращения 22.02.2021).
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Москва: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994.
4. Вести в субботу. Один день с Александром Бегловым // Сайт ВГТРК Россия. URL: https://russia.tv/video/show/brand_id/5217/episode_id/2164404/video_id/2176849/ (дата обращения 22.02.2021).
5. Губернаторы: апрель 2019 // Медиалогия. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/vlast/governors/6649/> (дата обращения: 22.06.2021).
6. Закон Санкт-Петербурга от 08.02.2013 №55–9 «О Губернаторе Санкт-Петербурга». Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/537930591> (дата обращения 22.02.2021).
7. Зуева Т.М. Механизмы формирования образов власти // Теория и практика общественного развития. 2013. №3.
8. Кынев А.В. Губернаторы в России: между выборами и назначениями. Москва: Фонд «Либеральная миссия», 2020.
9. Леонтьев Д.А. От образа к имиджу: психосемантический брендинг // Реклама и жизнь. 2000. №1.
10. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. Сб. переводов. Под ред. Ю.С. Степанова. Москва: Радуга, 1982.
11. Образы российской власти: от Ельцина до Путина / под ред. Е.Б. Шестопал. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.
12. Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга. URL: <https://www.gov.spb.ru/press/governor/154293/> (дата обращения 22.02.2021).
13. Панов П.В. Институты. Идентичности. Практики: теоретическая модель политического порядка. Москва: РОССПЭН, 2011.
14. Патрушев С.В. Институционализм в политической науке: этапы, течения, идеи, проблемы // Политическая наука. 2001. №2.
15. Политическая психология / пер. с англ. под ред. Е.Б. Шестопал. Москва: ИНФРА-М, 2002.

16. Послевыборный опрос в Москве // Левада-центр. 2011. 19 дек. URL: <http://www.levada.ru/19-12-2011/poslevybornyi-opros-v-moskve> (дата обращения 22.02.2021).

17. Практическая дискурсология: школы, методы, методики, современного дискурс-анализа / под ред. Н.К. Кравченко. Луцьк: Волиньполіграф, 2012.

18. Прокуратура разрешила называть врио Беглова «действующим губернатором», сославшись на словарь Ожегова // Фонтанка.ру. URL: <https://www.fontanka.ru/2019/03/14/064/> (дата обращения 22.02.2021).

19. Психология восприятия власти / под ред. Е.Б. Шестопаля. Москва: Издательство «Социально-политическая мысль», 2002.

20. Туровский Р.Ф. Региональные политические режимы в России: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. 2009. №2.

21. Туровский Р.Ф. Институциональный дизайн российской региональной власти: кажущаяся простота? // Общественные науки и современность. 2011. №5.

22. Устав Санкт-Петербурга. URL: <https://www.assembly.spb.ru/ndoc/doc/0/8308279> (дата обращения 22.02.2021).

23. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1999. №42. Ст.5005.

24. Шестопаля Е.Б. Образы власти в постсоветской России / под ред. Е.Б. Шестопаля. Москва: Алетейя, 2004.

25. Шмитт К. Понятие политического / пер. с нем. под ред. А.Ф. Филиппова. СПб.: Наука, 2016.

26. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования / пер. с польск. Н.В. Морозовой. Москва: Логос, 2007.

27. Chandler D. Semiotics: The Basics. London, UK. Routledge, 2002.

References

1. Audioarkhiv efira «Radio-Rossii – Sankt-Peterburge» ot 19 avgusta 2019 goda // Ofitsial'nyi sait Administratsii Sankt-Peterburga. URL: <https://www.gov.spb.ru/press/audio/36/> (data obrashcheniya 22.02.2021).
2. Analiticheskii doklad k reitingu politicheskoi ustoichivosti gubernatorov «Gossovet 2.0.» // Sait Minchenko consulting. URL: https://minchenko.ru/netcat_files/userfiles/Reyting-politicheskoy-ustoychivosti-13.07-final.pdf (data obrashcheniya 22.02.2021).
3. Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika. Moskva: Izdatel'skaya gruppa «Progress», «Univers», 1994.
4. Vesti v subbotu. Odin den' s Aleksandrom Beglovym // Sait VGTRK Rossiya. URL: https://russia.tv/video/show/brand_id/5217/episode_id/2164404/video_id/2176849/ (data obrashcheniya 22.02.2021).
5. Gubernatory: aprel' 2019 // Medialogiya. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/vlast/governors/6649/> (data obrashcheniya: 22.06.2021).
6. Zakon Sankt-Peterburga ot 08.02.2013 №55–9 «O Gubernatore Sankt-Peterburga». Rezhim dostupa: <http://docs.cntd.ru/document/537930591> (data obrashcheniya 22.02.2021).
7. Zueva T.M. Mekhanizmy formirovaniya obrazov vlasti // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2013. №3.
8. Kynev A.V. Gubernatory v Rossii: mezhdru vyborami i naznacheniymi. Moskva: Fond «Liberal'naya missiya», 2020.
9. Leont'ev D.A. Ot obraza k imidzhu: psikhosemanticheskii brending // Reklama i zhizn'. 2000. №1.
10. Morris Ch.U. Osnovaniya teorii znakov // Semiotika. Sb. perevodov. Pod red. Yu.S. Stepanova. Moskva: Raduga, 1982.
11. Obrazy rossiiskoi vlasti: ot El'tsina do Putina / pod red. E.B. Shestopal. Moskva: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2009.
12. Ofitsial'nyi sait Administratsii Sankt-Peterburga. URL: <https://www.gov.spb.ru/press/governor/154293/> (data obrashcheniya 22.02.2021).
13. Panov P.V. Instituty. Identichnosti. Praktiki: teoreticheskaya model' politicheskogo poryadka. Moskva: ROSSPEN, 2011.

14. Patrushev S.V. Institutsionalizm v politicheskoi nauke: etapy, techeniya, idei, problemy // Politicheskaya nauka. 2001. №2.

15. Politicheskaya psikhologiya / per. s angl. pod red. E.B. Shestopal. Moskva: INFRA-M, 2002.

16. Poslevybornyi opros v Moskve // Levada-tsentr. 2011. 19 dek. URL: <http://www.levada.ru/19-12-2011/poslevybornyi-opros-v-moskve> (data obrashcheniya 22.02.2021).

17. Prakticheskaya diskursologiya: shkoly, metody, metodiki, sovremennogo diskurs-analiza / pod red. N.K. Kravchenko. Luts'k: Volin'poligraf, 2012.

18. Prokuratura razreshila nazyvat' vrio Beglova «deistvuyushchim gubernatorom», soslavshis' na slovar' Ozhegova // Fontanka.ru. URL: <https://www.fontanka.ru/2019/03/14/064/> (data obrashcheniya 22.02.2021).

19. Psikhologiya vospriyatiya vlasti / pod red. E.B. Shestopal. Moskva: Izdatel'stvo «Sotsial'no-politicheskaya mysl'», 2002.

20. Turovskii R.F. Regional'nye politicheskie rezhimy v Rossii: k metodologii analiza // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2009. №2.

21. Turovskii R.F. Institutsional'nyi dizain rossiiskoi regional'noi vlasti: kazhushchayasya prostota? // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2011. №5.

22. Ustav Sankt-Peterburga. URL: <https://www.assembly.spb.ru/ndoc/doc/0/8308279> (data obrashcheniya 22.02.2021).

23. Federal'nyi zakon ot 06.10.1999 № 184-FZ (red. ot 27.12.2019) «Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoi vlasti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1999. №42. St.5005.

24. Shestopal E.B. Obrazy vlasti v postsovetskoj Rossii / pod red. E.B. Shestopal. Moskva: Aleteiya, 2004.

25. Shmitt K. Ponyatie politicheskogo / per. s nem. pod red. A.F. Filippova. SPb.: Nauka, 2016.

26. Shtompka P. Vizual'naya sotsiologiya. Fotografiiya kak metod issledovaniya / per. s pol'sk. N.V. Morozovoi, avt. vstup. st. N.E. Pokrovskii. Moskva: Logos, 2007.

27. Chandler D. Semiotics: The Basics. London, UK. Routledge, 2002.

**А.Х.О. Отман,
О.Е. Гришин**

**A. Othman,
O. Grishin**

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
РЕФОРМА
В КОРОЛЕВСТВЕ
САУДОВСКАЯ АРАВИЯ:
ОБЗОР НАИБОЛЕЕ
ВАЖНЫХ ВНУТРЕННИХ
ВЫЗОВОВ ***

**POLITICAL REFORM IN
THE KINGDOM OF SAUDI
ARABIA: AN OVERVIEW
OF THE MOST IMPORTANT
DOMESTIC CHALLENGES**

Аннотация

Королевство Саудовская Аравия страдает от многочисленных проблем и вызовов в отсутствие четкой национальной стратегии и решения ситуации в Саудовской Аравии, которая сталкивается с рядом проблем, связанных с внутренней и внешней обстановкой, учитывая нынешние международные события, которые позволили политическому процессу пойти на спад, особенно после арабских восстаний 2010 года, и ухудшения экономических условий. Среди них такие, как распространение безработицы и другие последствия обвала цен на нефть на рынках, а также открытость сообщества в Интернете. Это добавило правовую и политическую осведомленность о проблемах Королевства, социальные сети стали ареной для распространения мнений и разногласий по социальным вопросам и повседневным событиям. Все эти вызовы представляют угрозу стабильности политической системы через народные требования, призывающие к большему количеству реформ и их ускорению в качестве шагов, аналогичных тем, которые произошли в некоторых арабских странах, и в форме поправок, связанных с политической реформой, что привело к настоятельной необходимости для внутренней политики Саудовской Аравии провести ряд политических и экономических преобразований, чтобы устранить риски, которые угрожают стабильности политической системы.

Abstract

The Kingdom of Saudi Arabia suffers from numerous problems and challenges in the absence of a clear national strategy and to address the Saudi situation, which is faced by a series of challenges arising from the internal and external situation, given the current international developments that have enabled the political process to decline, particularly after the Arab uprisings of 2010, and the deterioration of economic conditions, Such as the spread of unemployment and other consequences of the collapse of oil prices in the oil markets, as well as the openness of the community on the internet, which added legal and political awareness to its issues and social media sites have become an arena for the circulation of opinions and differences on societal issues and everyday events. All these challenges pose a threat to the stability of the political system through popular demands calling for more reforms and speeding them up as steps similar to what happened in some Arab countries and in the form of amendments related to political reform, which led to an urgent reality for Saudi domestic politics to conduct a series of political and economic reforms to keep pace with the risks that threaten the stability of the Saudi political system.

Ключевые слова:

Kingdom of Saudi Arabia, reform, political system, challenges, Stability.

Key words:

Королевство Саудовская Аравия, реформа, политическая система, политическая стабильность.

* The work was supported by RUDN university program "5-100".

The Arab Gulf region has witnessed a series of transformations in terms of real political participation and its freedoms, these transformations have occurred due to internal and external pressures, and therefore the ruling elites began to face several forces trying to impose modern ideologies, As these transformations are based on the priorities of localizing democracy and human rights and opening the way to party pluralism, and that change and reform have become inevitable, and this is what we find in the Kingdom of Saudi Arabia, where it occupies an important place in Arab and international political studies due to many geostrategic, political, religious and economic considerations, These have been reflected on the importance of future studies that address the internal and external Saudi affairs, foremost of which is the issue of reform, with the increase in elite and popular demands for reform and its necessities day by day, expressing structural etiology.

These include the long period of rule of the royal family from the Saud family from the middle of the eighteenth century to the present, the huge inflation of financial wealth with the need for transparency in monitoring government institutions, and the absence of the real content of democracy and public freedoms after the country was imposed on a formula of alliance between the political and religious institutions, in order to control thinking and practice in society and the state in the Kingdom of Saudi Arabia.

From here, this research deals with a major problem, namely the political challenges of reform in the Saudi political system after the 2011 Arab uprisings and the collapse of oil prices in 2014, and if the Kingdom was able to achieve an economic renaissance, political and societal stability in light of these challenges, so we will address in this research stages of development and emergence of the state of Saudi Arabia and the most important political reforms in addition to the most important obstacles that prevent the implementation of these reforms, regional and international variables and their implications for the behavior of decision-makers and the impact of political reform in the Kingdom of Saudi Arabia on political stability.

1. Stages of development and emergence of the political system in the Kingdom of Saudi Arabia

The State of Saudi Arabia was established in three pivotal stages before the establishment of the so-called Kingdom of Saudi Arabia. Each stage went through political conditions and circumstances that differed from each other, as explained in the following three stages:

1.1. The first Saudi state

The first Saudi state was established in 1744 in the Arabian Peninsula and took the city of Diriyah in the heart of Najd as its capital. Its enthusiasm for supporting the Salafi call led by Sheikh Mohammed bin Abdul Wahhab was one of the greatest reasons for its success in the historic period; the Najd region experienced a state of disruption, strife, and rivalry between tribes and small emirates. The religious faith among people was weak, security was lost, chaos prevailed, myths and ignorance spread everywhere [1].

When it was agreed between Sheikh Muhammad bin Abdul Al-Wahhab and Prince of the city (Diriyah), Imam Muhammad ibn Saud, the founder of the first Saudi state, to spread the message of Islam and call on people to reject myths and heresies, Saudi Arabia carried the banner of this message and strived for it.

The first Saudi state continued until 1818, and it fell at the hands of the commander of the Ottoman forces Muhammad Ali Pasha, and the conditions in Najd and the conditions of its people were disturbed, The country's notables were forced to leave and head to some neighboring countries to survive the Ottoman forces [2]. Between 1818 and 1840, the Al Saud continued to struggle to regain their rule until, in 1840, they were able to expel Ottoman forces and establish a second Saudi state [3].

1.2. The second Saudi state

It was established in the period between (1840-1891) when one of the most important factors that led to the emergence of the second Saudi state over a limited area was the Ottoman Sublime Porte's reluctance to reinforce their positions on the coast of the Arabian Gulf.

After overthrowing the first Saudi state in 1818, the Ottomans assassinated the ruler of mount (Shamar) and an ally of AL Saud, Prince Muhammad bin Abdul Mohsen AL Ali, and he sat on the throne of the region (Hail), the sister of Prince Saleh bin Abdul Mohsen AL Ali in 1818, but when the Saudis re-established their second state, they contacted Prince Saleh, who renewed

with them the covenants, charters, and customs of the (Hail) region, an ally of the House of Saud. But it had happened in the Shammari House that there was a ruling dispute between the Ali family and their cousins, the Rasheed family, concerning money and weapons, because of the assistance provided by the Rasheed family in restoring the authority of the Saud family [4].

Although the second Saudi state had rebuilt Saudi rule and eliminated foreign influence in most parts of the Arabian Peninsula, it did not reach the level of the first Saudi state, however, the country has reached great distances that, in many historians' estimates, exceeded the limits reached by the contemporary Saudi state.

Its borders extended from the east to include the western coast of the Persian Gulf and the coast of Oman, and from the west, it reached the (Harb tribe) areas between Medina and Riyadh, and from the north, it reached the desert of influence, and mount (Shamar) was subject to the political subordination to the government of Imam Faisal, and from the south, it reached the Empty Quarter desert And Northeast Asir. And when Imam Abdul Rahman Al-Faisal (the last ruler of the second Saudi state) felt the weakness of his position and the deterioration of his capabilities, he left Riyadh with his family members heading to Qatar and Bahrain and from there to Kuwait, where he remained there for nearly ten years and during this period began preparing his son Abdul-Aziz to restore the king of his fathers and grandfathers [5].

1.3. The third Saudi state

The modern Saudi state arose at the beginning in an area around the Riyadh region in 1902, and in the same year, King Abdul Aziz was able to enter Riyadh and overcome his opponents, the Rashid family, and Abdul Aziz was able to include (Al-Ahsa, Qatif) and the rest of the countries of Najd and Hijaz at the hands of the Brotherhood or the Brotherhood movement who obeyed God from The Bedouins who abandoned the life of the desert under the leadership of Sultan bin Bijad between 1913-1926, in the year 1926 Abdul-Aziz became king of Hijaz, and the kingdom was then known as the kingdom of Hijaz, Najd, and its accessories [6].

In 1932, the royal decree was issued to unify the provinces of the state, which were transformed according to this decree to the Kingdom of Saudi Arabia, and in 1934 a war broke out with Yemen that ended with the annexation of the Asir region and part of the Empty Quarter desert, the fea-

tures of Abdul-Aziz's military power and political superiority in economic terms were not clear until the discovery of oil in the country in 1938, and the development and modernization programs were delayed due to World War II, and officially started in 1946, and oil contributed to the prosperity of the Saudi economy and the conclusion of trade deals with the international community [7].

Globally, Abdul-Aziz adopted a policy of neutrality, as he refused the Kingdom of Saudi Arabia to join the League of Nations, and from 1916 until he died in 1953 he did not leave the kingdom except for three official occasions, the most important of which was his meeting with US President Roosevelt, and at the end of his reign, Abdul-Aziz realized the importance and realism The political community, and in 1945, the Kingdom of Saudi Arabia was one of the founding members of the Arab League and joined the United Nations [8].

Before the death of King Abdul-Aziz in 1953, he realized the difficulties that the kingdom could face after him, so he qualified the eldest son Saud to become king after him in cooperation with his brother Faisal, who is distinguished by his economic and diplomat.

Saud assumed the throne after the death of his father Abdul-Aziz in 1953, and in 1960 the Kingdom of Saudi Arabia was exposed to economic risks; Because of Saud's unbalanced economic policy, as a result, the sons of Abdul-Aziz and some scholars met and decided to peacefully remove power from Saud and hand it over to Faisal, and Saud left the kingdom to Greece and died there, and King Faisal was known for his support for the issues of the Islamic world in general and the question of Palestine in particular. Called Faisal bin Musaed, Faisal followed his brother King Khalid in power, and his reign, which spanned seven years, followed expansions, achievements, and improvement of relations and the Kingdom developed in the economy and the use of petroleum increased during his reign. His reign was the shortest of the kingdom's reigns so far; he died in 1982, followed by his brother King Fahd. During his reign, the country entered into an urban renaissance under his culture and distinguished relationship with the United States, his reign was the longest in the history of the Saud family and the most recent since the reign of his brother Faisal, and his reign included interest in the Two Holy Mosques and their expansion [9].

Then the death of King Abdullah bin Abdul-Aziz, King Salman bin Abdul-Aziz Al Saud was sworn in as king of Saudi Arabia on January 23, 2015 [10].

2. The problem of political reform in the Kingdom of Saudi Arabia

2.1. Political reform

Political reform means that it is the sum of the processes that take place at the level of the political system to gradually amend laws, regulations, legislation, and institutions to keep pace with changes and developments in the internal and external environment, with an emphasis on protecting public freedoms and basic human rights, and the system's delay in responding to the needs and requirements of reform. This leads to an exacerbation of the political situation towards the crisis, and that political reform is a process with specific goals and ends, not subject to the same forms and patterns [11].

The conviction of the leadership in the Kingdom of Saudi Arabia with the necessities of real political, economic, educational, and societal reform does not only benefit the forces demanding reform but will also spare the Kingdom from risks threatening its values and creating a state of instability. The spark of the Arab Spring revolts for social reasons then turned into political demands that exceeded the permissible ceiling into demands that prolonged the political system of the state, so it is in the interest of the Saudi leadership to move away from the specter of what the systems and societies of other Arab countries have reached [12].

Political reform, like other political tracks, its outputs and ends depend on the goals and objectives of the forces that direct it or supervise its embodiment, and then on the ability of those forces to impose their reform logic to its end, and in each of its stages, the reform project is subjected to pressure from supporters and opponents hence, it is vulnerable to the risks of diverting from its course, authoritarian political regimes have acquired a long experience in employing democratic slogans other than their real contexts, they also possess great capabilities in the field of circumventing public demands from their actual aims and objectives, as long as those regimes taking the initiative and controlling the pace of reform, there are increasing concerns about the loss of new opportunities to materialize real political reform. However, the Saudi political reality, especially after the events of the Arab Spring revolutions in 2011, has

presented the Saudi decision-maker with many options and visions, foremost among which are the following options [13]:

1. Continuing the dialogue as a strategic choice towards a real will to strive towards achieving democracy;
2. Political participation and involvement in the dynamics of reform, construction, and change while affirming citizenship and loyalty to authority;
3. Transcending sectarianism, tribe, and factionalism, and enhancing women's opportunities and participation in society, and realizing their legitimate rights.

2.2. Challenges facing political reform in Saudi Arabia

To begin any process of democratic reform aimed at a change that satisfies all political, economic, and social actors, including the ruling families, political reform and strengthening of the democratic system, especially in Saudi Arabia, therefore, political reform does not threaten the status of the ruling families and does not weaken their interests, but helps them to stay in power. The most important reform challenges facing the Saudi political system can be summarized as follows:

1. Absence of national dialogue: Any political reform must have an open national dialogue between all parties within Saudi Arabia, including civil society institutions, cultural, intellectual, and economic elites, and political activists, as dialogue does not necessarily require that the process of transition to democracy, but begin by discussing issues related to public freedoms, human rights issues, and freedoms of change;

2. Absence of succession or transfer of power: as the transfer of power, is the main part of the system of democratic practice, so considered a political challenge in the Kingdom of Saudi Arabia. Therefore, a mechanism must be found for the peaceful transfer of power, whether through change or government reshuffle or the government amendment, that is, the establishment of constitutional monarchies in which the constitutional symbol of legitimate government and the representative of supreme sovereignty remains represented by the person of the ruler, or the king according to the mechanism of democratic constitutional governance [14];

3. The absence of political consensus, under a regime that does not believe in the opposition and does not accept criticism, is a translation of the concept of political consensus, so the ruling Saudi families must feel the ma-

majority opinion and invoke it about fundamental and fateful issues, in the manner of political consensus;

4. Not to regard democracy as a means of gaining power. Lack of faith in democracy as a means of gaining power creates a state of non-obligation for all parties in power and opposition. Therefore, the civil, cultural, and political forces in Saudi Arabia must work within the framework of the democratic system, so there must be a foundation for democracy starting from the early years of education; Democracy is established only by reforming education systems, which in turn promotes the values of citizenship and civic responsibility [15] ;

5. Customs and traditions: where customs and traditions are considered an obstacle to political reform in the kingdom of Saudi Arabia. Often constitute the slow process of political reform, customs and traditions have turned reform projects into an accumulated heritage that cannot be discarded or moved as the habit of preventing women from doing certain jobs and engaging in certain professions [16];

6. Hardline and Rejectionist Ideas:

Some advocacy voices are considered an obstacle to reform, for their use of platforms to promote ideas rejecting every reform step, using the pretense of blocking pretexts at one time, and by Westernization at other times.

Perhaps the decision to women's participation in the municipal elections and the Shura Council is clear and flagrant evidence of these votes. As well as the first electoral event that Saudi Arabia practiced in the first municipal elections in 2005, which revealed the weakness of those intellectual voices and their concealment with things unrelated to reality taken from the rules of rejection and the conspiracy theory as a shield to confront any progressive step. Therefore, the wheel of reform cannot rotate in the presence of cultures and approaches that reject reform. Customs, traditions, and religious voices are obstacles that cannot be ignored, regardless of how some feel and no matter how much they try to justify. Therefore, to implement political and democratic reform in the Kingdom of Saudi Arabia, it must get rid of some aspects that are incompatible with the possibility of political reform. Therefore, it must get rid of the renter economy culture and its value and political secretions and activate civil society institutions in political work by increasing the participation rate. Political, and get rid of entrenched tribal

and clan loyalties. All these appearances are indications of the inability of the Saudi regime to achieve political reform [17].

3. Regional and international variables and their reflection on decision-maker behaviors

Since 2011, a state of controversy, suspicion, questions, and questions have continued to arise about whether there is a real harvest of the Arab Spring revolutions, and who will compensate for all those millions that lost their lives and were displaced from their homes and cities, and what about the devastation caused to those countries, some of whose cities have become mere rubble [18]?

The kingdom of Saudi Arabia has not been far away from the regional and international changes that have exceeded the limits and restrictions caused by communications technology, the information revolution and social networks; therefore, the kingdom of Saudi Arabia today finds itself faced with two options: the first is to continue its new role, which is fraught with a lot of risks that may damage its regional and international image and reputation in an Arab environment that has rejected its political, religious and social theses, and the second is to take a downward path to return as a Gulf regional state with limited influence only in its Gulf environment [19].

Regional and international changes, especially the Arab Spring revolutions, have had an impact on the behavior of the political decision maker in the Kingdom of Saudi Arabia, represented by the following actions:

1. High ceiling on popular claims: A group of detainees' families demanded the release of detainees held by the Saudi authorities for many years without trial or after the end of their sentences. However, the new arrests did not prevent the detainees' families from gathering and holding sit-ins in front of the Board of Grievances and the central prison. As these protests, in all their forms and direct motives, represent a blow to the Saudi media's discourse and echo in the Arab region, who insisted on portraying the manifestations of the popular movement in Saudi Arabia as part of the plots behind Iran, after it became clear that the protests were not limited to Shiite areas in eastern Saudi Arabia and its south [20];

It seems that the content of the collective statements and documents calling for reform in Saudi Arabia coincided with its demands for dialogue and confronting societal issues in popular language, but translating ideas and visions is a major challenge that can be difficult to reach.

2. Establishment of the Anti-Corruption Commission: Some events have shown corruption in some sectors of the Government. This has led to the accountability of negligent people. Although some activists have appealed to the Government and asserted that there is a neglect of areas in the periphery, such as the northern and southern regions, and the concentration of action and efforts in vital and pivotal areas. Therefore, there were many calls for the establishment of oversight bodies until efforts culminated in the establishment of the National Anti-Corruption Commission in Saudi Arabia in 2012, which is an important step towards the process of institutional and administrative reform in Saudi Arabia [21].

The Commission aims to promote the principle of transparency, combat financial and administrative corruption in all its forms, manifestations, and methods and follow up on irregularities and abuses related to financial and administrative corruption [22];

3. Demand for Democracy: several concerns have reinforced the Saudi position is significant, the first of which is the fear of spreading the winds of change resulting from the Arab Spring revolutions, which has seen an upward trend of political Islam in the region, it has increased fears that the contagion of the Arab Spring could spread to the currents of political Islam in Saudi Arabia, prompting calls for the establishment of the concept of democracy [23];

To escape the trap of democracy, the Kingdom of Saudi Arabia responded by taking special measures after the events of the Arab Spring revolutions, where the late Saudi monarch spent nearly \$ 130 billion, including increasing wages in the public sector and disbursing two months' salaries for all workers in the state, including civilians and soldiers, in addition to two months for all male and female students. Governmental education and allocations were approved for the unemployed, and then 70,000 new jobs were created in the Ministry of the Interior, half a million housing units were created, and the maximum housing loans raised to \$ 133,000.

4. The participation of Saudi women in the elections: After the events of the Arab Spring revolutions, the Saudi feminist role and a state of democratic détente began looming on the horizon, as Saudi women were allowed to participate in politics after 2011. Political participation is due to social and cultural norms that contradict their ability to become leaders and drivers of transformation in a way. It is evident throughout the history of the Arab

world, and from the point of view of development, the participation of women is necessary to build strong and sustainable economic and political systems, and it is important to include the perspective of women in the Saudi political decision-making process [24].

Political reform in Saudi Arabia and its impact on political stability

It seems that the impact of regional and international changes has led to some reforms in the Kingdom of Saudi Arabia and that the Kingdom's conviction with a real, firm belief in the necessities of real political, economic, educational, societal, media, and institutional reform in the structure of the state and society does not only benefit the forces calling for reform. Rather, it will spare the Kingdom of Saudi Arabia the expected instability. With the escalation of internal and external security threats, and the openness of the electronic community, which added human and political awareness of its issues, social networking sites became an arena for the exchange of opinions and differences on societal issues and daily events, especially after the Arab Spring that began in 2011.

All these challenges imposed a stormy and accelerating reality in front of domestic politics in the Kingdom of Saudi Arabia [25].

The political movement and interaction between the Saudi government and society have begun through reform initiatives and speeches, which usually carry clear and repeated demands for change that revolve around popular participation, the fight against corruption, and the exploitation of wealth. The various currents within the Kingdom have also shared behind these speeches, at a time when government intentions for change and the positive direction of the demands of the elite and intellectuals have emerged [26].

Due to these circumstances and developments, Saudi Arabia needed to take some reform measures to cope with the political pressures, and as part of responding to these demands, it undertook some reforms, the most important of which are:

1. Reform in the development of the system of government

The system of government is the main pillar in the Saudi political system, as political reform began through its callers, statements, and the circumstances it went through. Therefore, voices began to grow louder since 2004, when the idea of a constitutional monarchy was launched, calling for the re-

formulation of the contract or relationship between the ruling family and the people, from an absolute monarchy to a new constitutional monarchy.

Although the Kingdom has established a basic system for governing it, those who demand constitutional monarchy and the rule of law do not see in it a constitution to lead a modern state with three authorities, institutions, ministries, and citizens that guarantees their money and their political and civil rights, and pursues corruption, as the constitution is a legal document that defines the nature of the state and governs it [27].

On June 21, 2017, the Royal Decree was issued, which stipulates that Paragraph (B) of Article 5 of the Basic Law of Governance be amended to read the following:

A ruling is in the sons of the founding King Abdul-Aziz bin Abdul Rahman Al-Faisal Al Saud and the sons of the sons, and he pledges allegiance to the fittest of them to rule in the Book of God Almighty and the Sunnah of His Messenger, as the king and the Crown Prince are chosen from within the royal family and from the sons of the founding King Abdul-Aziz Al Saud [28].

2. Activating municipal councils

Where the Saudi government seemed to contribute to evaluating government action and rationalizing the decision, the municipal elections that were approved in 2005 constituted a new political situation in the Kingdom of Saudi Arabia, and the selection of municipal council members and the election of members was a form of democracy, as municipal councils pay attention to projects after two cycles of approving the municipal council's system in Saudi Arabia for the years 2005, 2010, 2015, the need to develop this apparatus has become urgent by establishing a culture of election and community representation within state institutions.

3. Reforms related to civil and political rights

Civil and political rights are considered one of the basics enjoyed by the Saudi citizen. and according to what was approved by the Basic Law of Governance in the Kingdom, and what is included in the articles on rights and duties of protecting the state and those calling for reform, officials in the Kingdom of Saudi Arabia have confirmed that the doors of political institutions in Saudi Arabia The human freedom index, issued by three foreign institutes in 2015. Confirmed that Saudi Arabia ranks 141 in terms of allowing freedoms and not practicing violations of human rights [29].

4. Reforms related to corruption and abuse of power

Corruption has become a phenomenon that is fractured in most political systems, as a result of the abuse of power, as Saudi Arabia has a huge wealth of oil reserves, and a large stock of oil revenues, amounting to hundreds of billions. As the Kingdom's budget grew year after year, many projects stalled in the public eye. This called for the need to establish oversight bodies. This was already reflected in the establishment of the National Anti-Corruption Commission in Saudi Arabia in 2012, which is an important step towards institutional and administrative reform in the Kingdom.

5. The Basic Law stipulates the function of the Council of Ministers

As an executive and legislative body as well, and the Shura Council as a legislative institution, while the Royal Court appears to be the most powerful political and legislative institution in the Kingdom, without stipulating the nature of its work, as it is linked to all the king's orders that remove and appoint officials, and cancel Institutions and ministries are established in the state, as the institution entrusted with legislation, the Shura Council, does not perform the function of legislation in an institutional form [30].

In addition, the direct election of the people to the Shura Council or regional councils, which is in his home, is a strong support and an urgent need to rationalize the political decision that ultimately seeks to serve the citizen, and to activate the accountability tool that reduces corruption rates [31].

6. Future reforms related to development programs and projects

In reality, Saudi Arabia is going through a different historical stage. Due to the difficulty of the expected role for it regionally, and in order to enhance national security and preserve the gains of geography, influence and religious status, the future of political reform in Saudi Arabia remains locked into reactions in the past towards domestic issues. And what can be monitored of the desire to solve community issues by the leadership, and its determination to change in the concept of the relationship between the ruler and the people.

7. Saudi Vision 2030: It is a vision with an orientalist view towards a promising economic and political future, prepared by the Saudi leadership as part of a reform strategy that includes economic, political and military reforms, which was announced on April 5, 2016, under the auspices of the Saudi Crown Prince Mohammed bin Salman.

Through this study, it can be said that the term political reform has become a subject that imposes itself in all internal, regional and international approaches, as the current global events and developments have contributed to making it a subject that must be dealt with, especially in light of political changes and economic developments, which allowed convincing the ruling political system in the Kingdom of Saudi Arabia. Saudi Arabia is adopting changes, and the necessity to transform the concept of reform as part of the political culture, and to formulate modern concepts in what is known as creating a spirit of political participation and acceptance of popular pluralism, which found itself obliged to adapt to the developments of the political movement, and to adhere to the requirements of the global arena, which began clearly through the approach of political reform.

The researcher believes that the regional and international variables have greatly affected the political stability in the Kingdom of Saudi Arabia. These changes had a clear impact on Saudi decision-makers by undertaking many political and economic reforms in line with the rapid developments and events surrounding the region.

The new Saudi leadership has realized the danger of these transformations to stability, which prompted this to change the course of the old strategy and adopt a policy aimed at achieving its regional and international interests.

Finally, Saudi Arabia has witnessed new political developments, represented by changes in the regime through constitutional amendments, as well as a remarkable development in the improvement of Saudi international relations, especially with the United States of America and Russia through mutual visits, as well as the return of relations and reconciliation between Saudi Arabia and the State of Qatar after years of boycott.

References

1. Badran W. The story of the emergence of Saudi Arabia from the Emirate of Diriyah to the Kingdom. Raseef 22 site, 10/2/2017. URL: <https://raseef22.net/article/90157-> (access 17.02.2021).
2. Al-Mukhtar S. al-Din. Kingdom of Saudi Arabia, Hayyan Library House, Beirut, Lebanon.
3. Al-Qabaa A.M. Saudi-Yemeni Relations, Al Farazdaq Commercial Printing Press, Riyadh, Saudi Arabia, 1992.
4. Moselle A. Al Saud: A Study in the History of the Saudi State, The Arab House for Envelopes, Beirut, Lebanon.
5. Abu A.A.F/ History of the Second Saudi State, Dar Al Merrekh, Riyadh, 1985.
6. Shaheen S. Al-Din H. The Unification of the Kingdom of Saudi Arabia: A Historical Overview, Institute for Diplomatic Studies, Riyadh. 1993.
7. Moselle A. Al Saud: A Study in the History of the Saudi State, The Arab House for Envelopes, Beirut, Lebanon.
8. Al-Mukhtar S. al-Din. Kingdom of Saudi Arabia, Hayyan Library House, Beirut, Lebanon.
9. Teori E. The Evolution of Saudi Foreign Policy from State Establishment to the Beginning of Reform, Institute of Diplomatic Studies, Riyadh, Saudi Arabia, 2005.
10. The Saudi Press Agency. 2015. URL: <https://www.spa.gov.sa/> (access 17.02.2021).
11. Al-Sheikh I.S.A. Corruption and Reform, Arab Writers Union Publications, Damascus, 2003.
12. Al Hatlani I. Reform in Saudi Arabia: Crisis Options, Carnegie Endowment for International Peace, Beirut, Lebanon. 2013. January 22.
13. Al-Aklouk F. Saudi policy towards the Arab Spring revolutions, Al-Jazeera Center for Studies, Qatar. 2011. August 24.
14. Faour M. Education and Democracy in the Arab World. The Carnegie Middle East Center, Beirut, 2011.
15. Al-Kuwari Ali K. Constant and Transforming, Gulf Center for Development Policy. Saudi Arabia, 2013.
16. Al-Zahrani R.A. Reform Obstacles in Saudi Arabia, Elaph Blogs.
17. Janahi A. The Big Sister Saudi Arabia and the Obstacles to Political Reform, Civilized Dialogue, Cairo. 2013. March 27.

18. Al-Omani F. The Arab Spring ... Rebounds and Money, Al-Riyadh Newspaper. 2014. Issue 16946. Nov. 16.
19. Al-Alcouk F. Saudi Arabia's Policy toward the Arab Spring Revolutions. Al Jazeera Center for Studies, Qatar. 2011. Aug. 24.
20. Khalaf A.H. Echoes of the Arab Spring in the Kingdom of Saudi Arabia, Al-Safir Al-Arabi newspaper. 2013. May 27.
21. Al-Haidari M. The powers of the Anti-Corruption Commission depend on follow-up, Al-Riyadh Saudi Newspaper. 2012. Issue 16226. 26 Nov.
22. Yamani O. No need for the National Anti-Corruption Commission, Okaz Newspaper, Saudi Arabia. 2017. May 14.
23. Al-Triki F. Has Saudi Arabia Fought the War against the Arab Spring? "Al-Khaleej Al-Jadeed Magazine, Kuwait. 2016. Feb. 8.
24. The elections are a major turning point for Saudi women. Human Rights Watch. 2015. URL: <https://www.hrw.org/ar/news/2015/12/11/284395> (access 17.02.2021).
25. Omani F. The Arab Spring: Resonances and Fatalities. Al-Riyadh Newspaper. Issue 16946. Nov. 16.
26. Hilal M.M.J., The Arab Regional System, A Study in Arab Political Relations, 5th Edition, Center for Arab Unity Studies. Beirut, 1986.
27. Al Hatlani I. Reform in Saudi Arabia: Crisis Options. Carnegie for International Peace, Beirut, Lebanon. 2013. January 22.
28. Zuaiter H. How to read Mohammed bin Salman assuming the position of crown prince and what awaits Saudi Arabia? Raseef website, June 22-21, Cairo. 2017.
29. Saudi Arabia: Rights Outside Reform Programs, Gulf Watch. 2016. URL: <https://www.gulfobserver.org/essay.php?id=16612&cid=537> (access 17.02.2021).
30. Al-Shayji A. Challenges of Saudi Foreign Policy, Al-Watan Qatari Newspaper, Qatar. 2015. Issue 7318. Sep. 16.
31. Al-Dakhil A. The Kingdom of Saudi Arabia Vision 2030, Gulf Center for Development Policy, Kuwait, 2016. May 17.

СТАТЬИ

**Г.И. Авцинова,
Е.В. Бучнев**

**G. Avtsinova,
E. Buchnev**

ОСОБЕННОСТИ ПАРТИЙНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

SOME FEATURES OF POLITICAL PARTY DIGITALIZATION IN SOCIAL NETWORKS: REGIONAL ASPECT (ON THE EXAMPLE OF THE TAMBOV REGION)

Аннотация

Изменение некоторых аспектов ведения партийной деятельности в онлайн-пространстве влечет существенное изменение политической борьбы как на региональном, так и на федеральном уровнях. Проникновение сетевых ресурсов в повседневную жизнь совершается ежедневно, что обуславливается не только уровнем развития современных информационных технологий, но и возможностью повышения искусственного интереса у некоторых групп населения, с последующим изучением данных явлений для будущих политических процессов. Социальные сети занимают определенную нишу в процессе коммуникации современного человека, вытесняя некоторые привычные СМИ и способы персонального контакта. Использование социальных сетей в контексте деятельности политических партий является особенно актуальным направлением в условиях возможных ограничений передвижения или оффлайн-контакта. Постоянное взаимодействие с определенной группой лиц через социальные сети может проецировать увеличение политической вовлеченности и поддержки населением как конкретных политических акторов, так и политические партии в целом. Можно заметить, что нежелание партий оперативно и адекватно отвечать на требования времени неизбежно приведет в ближайшем будущем к неспособности добиться поддержки и одобрения населения. Процесс циф-

Abstract

The changes in some aspects of the conduct of party activities in the online space entail a significant change in the political struggle at both the regional and federal levels. The penetration of network resources into everyday life occurs hourly, which is determined not only by the level of development of modern information technologies, but also by the possibility of increasing artificial interest among certain groups of the population, with the subsequent study of these phenomena for future political processes. Social networks occupy a certain niche in the process of communication of a modern person, displacing some of the usual media and methods of personal contact. The use of social networks in the context of the activities of political parties is especially relevant in the context of possible restrictions on movement or offline contact. Constant interaction with a certain group of people through social networks can project an increase in political engagement and support by the population for both specific political actors and political parties in general. It can be noted that the unwillingness of the parties to respond promptly and adequately to the demands of the time will inevitably lead in the near future to the inability to achieve the support and approval of the population. The process of digitalization, including party digitalization, is impossible without an appropriate level of devel-

ровизации, в том числе партийной, невозможен без соответствующего уровня развития материальной базы и образования.

opment of the material base and education.

Ключевые слова:

«цифровизация, социальные сети, сетевая аудитория, партия, интернет.

Key words:

digitalization, social networks, network audience, party, Internet.

Сегодня развитие информационных технологий идет более интенсивно и на качественно ином уровне, что позволяет констатировать существенные линии расхождения в мировосприятии, ценностных ориентациях, способах взаимодействия, во всех направлениях жизнедеятельности представителей не только поколения 1-3 (дед - внук), но представителей поколения 1-2 (отец-сын). Цифровые возможности и риски стали атрибутом повседневности. Постоянно совершенствующиеся портативные компьютеры и мобильные устройства позволяют человеку перманентно коммуницировать в цифровом пространстве, в том числе через формат социальных сетей [1; 5; 10; 20].

Развитие цифровых платформ есть процесс постоянный. В современных условиях потребность общества и государства в цифровизации резко возрастает. Современная интернет-коммуникативная среда изменяет сложившийся экономический уклад, социально-политическую систему, образ жизни людей, конструируя новую реальность, открывая новые возможности координации деятельности, гражданского участия и контроля. Российские власти стремятся придать новый импульс цифровой трансформации, что нашло адекватное отражение в государственной политике поддержки IT-отрасли [7; 8; 11]. К 2024 году в России должны появиться не меньше десяти национальных компаний-лидеров, способных конкурировать на мировых рынках, и не меньше 500 малых и средних бизнесов в сфере создания цифровых технологий и оказания цифровых услуг. Цифровые платформы активно внедряются в образование [19; 21], здравоохранение [18], применяются для создания «умного города» [12]. Количество студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям, связанным с информационными технологиями, через 8 лет будет составлять 120 тыс. в год. Во всех федеральных органах исполнительной власти назначены руководители по цифровой трансформации (Chief Digital Transformation Officer), аналогичные назначения происходят и в регионах [17]. Вместе с тем реализация федерального проекта «Цифро-

вой регион», стоимость которого оценивалась в 137 млрд руб. до 2024 года, включая бюджетные и внебюджетные источники, сталкивается с трудностями. Признавая необходимость единых подходов и стандартов, эксперты считают, что создать единый проект цифровизации для всех регионов проблематично из-за разности в потенциале развития, степени оснащенности и проникновения информационно-коммуникативных технологий и другой специфики. Сейчас проект «Цифровой регион» дорабатывается в аспекте ориентации на стратегии цифровизации экономики и социальной сферы конкретных регионов, с учетом их специфики [9; 14]. Основными задачами проекта, которые воспроизводятся и в партийных документах, являются подготовка нормативной базы для внедрения цифровых технологий в регионах, обеспечение цифровизации ЖКХ и энергетики, а также развитие в регионах IT-платформ и вовлечение граждан в процессы управления регионами через эти платформы. При этом необходимо подчеркнуть важность внедрения единых стандартов, которые позволят интегрировать региональные IT-системы, аккумулировать и анализировать общую статистику, использовать ее для управления регионом, принятия политических и иных решений.

В 2021-2025 гг. эксперты прогнозируют существенный рост уровня цифровизации государственных органов, активный перевод всех государственных услуг в электронный вид.

Цифровое пространство становится неотъемлемым компонентом функционирования и политической сферы. Политические партии используют потенциал цифровых платформ для взаимодействия с властью, гражданами и между собой, расширения вертикального и горизонтального взаимодействия пользователей [3; 6]. Цифровизация активно внедряется в избирательный процесс. С 2017 года реализуется проект «Мобильный избиратель», позволяющий гражданам голосовать вне зависимости от места нахождения, что делает процедуру голосования более доступной. В рамках данного проекта апробируется механизм функционирования цифровых участков, успешно зарекомендовавших себя в ходе нескольких избирательных кампаний, в том числе на выборах президента России в 2018 году. Еще в 2018 году Э. Панфилова сообщила, что избирательная система России «стоит на пороге «цифрового скачка», когда будет создана система онлайн-голосования без явки на избирательный участок, «аналогов которой в мире не будет» [16].

В 2019 году ЦИК России стал участником национальной программы «Цифровая экономика». На ее базе создается новая цифровая платформа, которая призвана стать современной версией хорошо себя зарекомендовавшей системы ГАС «Выборы» и обеспечить предоставление цифровых сервисов для всех участников избирательного процесса - наблюдателей, представителей СМИ, государственных органов, органов местного самоуправления и учреждений, взаимодействующих с избирательной системой и др. В ближайшее время также планируется внедрение целого ряда сервисов, а именно: сервисов выдвижения кандидатов в состав территориальных избирательных комиссий, сдачи финансовой отчетности кандидатов, политических партий и избирательных объединений, подачи и проверки документов и др. На сервисах информирования для избирателей граждане могут проверить и актуализировать данные о себе в регистре избирателей, проверить свое включение в списки избирателей, получить информацию о кандидатах, избирательных объединениях, избирательном участке и комиссии, а также подать заявление о голосовании вне помещения для голосования. Цифровизация избирательного процесса делает избирательные процедуры более доступными и прозрачными, тем самым повышая роль, социальный статус, гражданскую ответственность человека, мотивируя его на активное и осознанное участие в политической жизни страны [2]. Активным потребителем цифровых сервисов и актором избирательного процесса являются СМИ. Наряду с оперативным получением актуальной информации, через цифровые сервисы СМИ смогут подавать заявления на аккредитацию для присутствия на избирательных участках.

Один из информационных проектов ЦИК России — это проект «Политические партии в Российской Федерации». Данный проект позволяет в автоматическом режиме получать полномасштабные сведения о направлениях деятельности политических партий страны на основе данных партийной отчетности, поступающие из ГАС «Выборы», аналитических работ экспертов, специалистов ЦИК и др. Важно, что информация о партиях будет в публичном доступе. Новый Youtube-канал #ПРОСТООВЫБОРАХ представит обучающие видеоматериалы, включающие мини-лекции, информационные ролики, репортажи с мероприятий, что станет особенно востребованным молодежью.

Проанализируем далее партийную цифровизацию в социальных сетях. Доступность использования данного ресурса приводит к увеличению круга его пользователей. В недавнем прошлом социальные сети играли роль некоего виртуального элитарного клуба, своеобразной закрытой площадки для определенного круга избранных лиц. Например, изначально Фейсбук объединял представителей научных и учебных сообществ, которые обменивались опытом, мнениями по актуальным проблемам современности, высказывались по резонансным событиям государственной внутренней и внешней политики, информировали о своих научных, общественных и личных достижениях и т.д. Сегодня достаточно портативного устройства и постоянно действующего интернет-соединения, чтобы открытое сетевое пространство стало доступно для человека с практически любым уровнем интеллекта, профессиональных и витальных потребностей, политических интересов и пристрастий, жизненных планов и т.д.

Политическая практика свидетельствует о том, проблемы интенсификации процесса партийной цифровизации актуализируются не только на уровне парламентских партий, но и на уровне региональных партий. При этом в регионах активность граждан в социальных сетях значительно ниже по сравнению со столичными регионами. Сегодня возросли не только масштабность и глубина проникновения социальных сетей в повседневную жизнь и политику, но трансформировалось и их назначение. Несколько лет назад социальные сети использовались скорее, как информационный ресурс для озвучивания тех или иных достижений политических акторов. Сегодня, помимо информационной функции, актуализировались функции общения и социально-политического взаимоотношения в онлайн-пространстве, а также формирования виртуальных групп по политическим интересам и предпочтениям, а также групп поддержки того или иного политического лидера или партии. Нередко социальные сети не только реагируют на резонансные политические события и решения, но и формируют политическую повестку. Через социальные сети гражданин непосредственно контактирует с партией, оперативно осуществляется обратная связь, анализируется реакция граждан на решения и деятельность партии, есть возможность быстро и напрямую озвучить насущные социально-политические проблемы, требующие первостепенного решения.

Динамика и устойчивость территориально-политических систем во многом зависит от баланса сил и интересов акторов регионального поли-

тического процесса, эффективности коммуникации партий со своими конституентами, сторонниками и активистами, поэтому политическая конкуренция наиболее заметна и результативна именно на региональном уровне. И если об изменении политической конъюнктуры партий на федеральном уровне можем смело судить по их политическим программам, то взаимоотношения партии и населения на региональном уровне в определенной степени можно проанализировать по степени заинтересованности и поддержки населением социальных платформ партий или их региональных отделений.

Коронавирусные ограничения вынудили политические партии задействовать интернет-пространство. Цифровизация стала одним из основополагающих направлений деятельности таких партий, как «Единая Россия», ЛДПР, «ПАРНАС», «Гражданская платформа», однако существенных сдвигов на данном направлении удалось добиться только партии «Единая Россия».

Особенность социальных сетей как платформы для политического взаимодействия обусловлена теми возможностями, которые данная социальная сеть предоставляет. Она объединяет индивидов в сообщество граждан, которые могут заявлять о своей политической позиции не только через выборы и референдумы, но и в перманентном режиме взаимодействуя между собой и властью. Помимо этого, социальная сеть предоставляет возможность коллективного потребления информации, ее анализа, оценки деятельности и полученных результатов. Как справедливо отмечают М.С. Васильев и Я.И. Игнатовский, социальные сети сегодня «представляют из себя некоторую вариацию центра публичной политики, с той лишь существенной разницей, что не все представители данного сообщества являются экспертами в политической деятельности» [4].

Социальная активность меняет сущность потребления социально-политической информации третьими лицами. Комплексные возможности интерфейса социальных сетей позволяют любым пользователям, в том числе не являющимися экспертами и специалистами происходящих политических событий, явлений, процессов, тем не менее давать им оценку, опираясь на комментарийную активность членов данной группы, солидаризируясь с высказанными суждениями и мнениями. Оценка многих партийных проектов и действий происходит не только благодаря зафиксированным в отчетах или озвученным достижениям, но и комментариям в со-

циальных сетях, общественной реакции на деятельность партий в целом. В этом контексте социальные сети могут позиционироваться как своеобразный институт опосредованного влияния на представителей партийно-политической элиты.

На протяжении первых месяцев 2021 года было проведено аналитическое исследование социальных сетей политических партий, имеющих хотя бы одно представительское место в Государственной Думе Российской Федерации. На данный момент в нижней палате Федерального собрания из 450 мест 335 мест занимают представители политической партии «Единая Россия», 43 места за КПРФ, 40 за ЛДПР, 23 места занимают представители партии «Справедливая Россия», по 1 месту принадлежит партиям «Родина» и «Гражданская платформа» и 8 мест на данный момент являются вакантными.

Соответственно, нами были проанализированы социальные сети данных политических партий. В рамках проводимого исследования были использованы данные с официальных страниц партий или региональных представительств этих партий в Тамбовской области (Полученные результаты приведены в табл. 1.)

Табл. 1. Количество подписчиков в социальных сетях некоторых политических партий в Тамбовской области

Партия	Социальная сеть		
	ВКонтакте	Одноклассники	Фейсбук
Единая Россия	940	246	6600
ЛДПР	281	730	177
КПРФ	1724	-	-
Справедливая Россия	37	706	183
Родина	2087	1782	569
Гражданская платформа	-	-	-

Полученные результаты позволяют сделать вывод о слабой вовлеченности некоторых политических партий в диалог с гражданским обществом на региональном уровне через социальные сети. По сравнению с другими политическими партиями более активным участием отметилось тамбовское региональное представительство политической партии «Родина» в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники». У партии «Единая Россия» максимальное количество подписчиков в социальной сети «Фейсбук».

Наибольших успехов в реализации государственной политики партийной цифровизации, как отмечалось ранее, добилась партия «Единая Россия», в которой развивается самостоятельная платформа «Цифровая партия». Реализация этой платформы позволит партии стать более открытой, мобильной, устойчивой к воздействию внутренних и внешних негативных факторов, что в дальнейшем поможет, как считают некоторые эксперты, расширить возможности и мотивации для мобилизации пропартийных сторонников во время электоральных процессов [13]. Цифровизация партийных проектов позволит оперативно реагировать на возможные ошибки, выявлять приоритетные направления в реализации принятых решений и программ, что приведет к большей прозрачности и ответственности партии.

ЛДПР неоднократно поднимала проблему цифровизации в стране. По мнению лидера партии В.В. Жириновского, государственное электронное управление страной «поможет справиться с коррупцией по всей стране». В.В. Жириновский считает, что в условиях цифровизации «ворам трудно ... оторвать кусок от бюджета», ибо «вся страна видит эти данные», а чиновнику граждане могут задать вопросы - куда ушли 10 миллионов, куда ушел миллиард из казны? [15]. Более конкретных результатов деятельности ЛДПР по цифровизации найти не удалось, хотя работа с гражданами посредством цифрового пространства ведется. Партия быстро реагирует на обращения от граждан, ведет прием через социальные сети, старается поддерживать социальную активность на некоторых социальных платформах, хотя последнее, как мы видим из табл. 1, пока не удается назвать результативным в Тамбовской области. Количество подписчиков у ЛДПР в Одноклассниках даже больше (730), чем у Единой России (246), но гораздо меньше, чем у партии Родина (1782).

Цифровизация партийной деятельности есть неотъемлемый процесс и некоторых малых партий и непарламентских объединений. В существующих политических условиях в некоторых случаях интернет является исключительным местом для озвучивания партийной позиции, проведения журналистского расследования или оценки политических событий, процессов, решений и действий. На данный момент можно говорить лишь о том, что такие партии используют цифровое пространство скорее как платформу для дебатов, что, возможно, и привлекает к данным партиям сторонников, но не меняет существующую расстановку политических сил и не делает их значимыми игроками политического ландшафта.

Анализируя полученные данные по Тамбовской области, можно констатировать: не все политические партии или региональные представительства области адекватно реагируют на требования времени и заинтересованы в поддержке социальных сетей для информирования о своей деятельности на региональном уровне. Некоторые партии не имеют социальных ресурсов для взаимодействия с населением, кроме собственно сайта. К таким партиям в Тамбовской области относятся «Гражданская платформа» и отчасти КПРФ. Последняя имеет только социальную страницу в сети «ВКонтакте» (1724 подписчиков). В Тамбовской области повышенную активность в интернет-пространстве демонстрирует партия Родина. По количеству подписчиков «ВКонтакте», «Одноклассники», «Фейсбук» Родина значительно превышает показатели партий ЛДПР, КПРФ, Справедливая Россия. Большинство партий поддерживает слабую социальную активность в интернет-пространстве, что выражается в малом количестве подписчиков или их отсутствии вовсе, как у партии «Гражданская платформа». На данный момент социальные сети в Тамбовской области не задействованы партиями в полной мере, что негативно сказывается на эффективности коммуникации с населением региона, привлечением его к избирательному процессу и конвенциональному участию в политике в целом.

Опыт многих государств доказывает, что при грамотном использовании цифровые технологии могут стать триггером инноваций и эффективности во всех сферах жизнедеятельности социума. На современном этапе цифровые технологии трансформируют отношения в системе «человек-власть», оказывают существенное влияние на характер и интенсивность информационных потоков, в том числе партийных. В современном обще-

стве появились значимые каналы взаимодействия общества и власти. Социальные сети институционализировались в качестве таких каналов, а также структур, оценивающих деятельность партий, привлекающих в партию новых сторонников, членов и сочувствующих. Однако, несмотря на достаточно сильное проникновение социальных сетей в жизнь человека, политические партии не используют в полной мере данный информационный ресурс для политической деятельности или увеличения числа сторонников своей политической программы, как, например, это происходит в странах Запада или США.

В существующих политических реалиях лишь у некоторых политических партий достаточно ресурсов для продвижения процессов цифровизации своей деятельности, особенно на уровне регионов, в частности, Тамбовской области. Примером может служить достаточно трудная судьба проекта «Цифровой регион», который начал разрабатываться несколько лет назад, но остался лишь амбициозной идеей, поскольку его воплощение в жизнь пока так и не началось. Газета «Коммерсант» сообщила, что Министерство цифры обратилось в департамент информационных технологий правительства с предложением вообще отказаться от этого проекта. При этом в «Ростелекоме», который выступает центром компетенций по проекту, отказались от комментариев [9].

Нежелание партий оперативно и адекватно отвечать на требования времени неизбежно приведет в ближайшем будущем к неспособности добиться поддержки и одобрения населения. Процесс цифровизации, в том числе партийной, невозможен без соответствующего уровня развития материальной базы и образования. Цифровизация требует существенных вложений в разработку программного обеспечения, обеспечение функционирования известных и новых цифровых платформ, но также инвестирования в доступность и защищенность интернет-пространства с тем, чтобы голос и мнение избирателя были учтены на региональном и федеральном уровнях.

Литература

1. Баранов Н.А. Открытость vs безопасность: приоритеты для государства и гражданского общества в условиях цифровизации // Управленческое консультирование. 2019. №10(130).
2. Белоконев С.Ю., Васильев М.С., Титов В.В. Цифровые технологии в современных избирательных кампаниях: особенности применения // Власть. 2019. Т. 27. №4.
3. Бродовская Е.В., Карзубов Д.Н., Лукушин В.А. Оценка управления коммуникациями в цифровых сообществах новых политических партий (2020 г.) // Власть. 2021. №2.
4. Васильев М.С., Игнатовский Я.И., Цифровизация современной публичной политики: специфика и социальные риски // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2021. №1.
5. Володенков С.В. Влияние технологий интернет-коммуникаций на современные общественно-политические процессы: сценарии, вызовы и акторы // Мониторинг. 2019. №5(153).
6. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Цифровые стигматы как инструмент манипуляции массовым сознанием в условиях современного государства и общества // Социологические исследования. 2018. №11.
7. Каплуненко А.М. Проблема анализа структуры политических возможностей цифровизации публичного управления в России: региональный аспект // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. №4(30).
8. Коньков А.Е. Цифровизация политики vs политика цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2020. №1.
9. Королев Н. «Цифровой регион» доработают на местах. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4792049> (дата обращения: 05.05.2021).
10. Михеева Т.Н., Бояринцева И.А. О некоторых понятийных и правовых аспектах цифровизации // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2019. №3(19).
11. Николайчик Ю.А. Курс на цифровизацию // Наука и инновации. 2020. №11(213).
12. Современный город: власть, управление, экономика. Между «цифрой» и традицией // Сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции. Пермский национальный исследовательский политехнический

университет, кафедра Государственного управления и истории. Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (Пермь, 16-17 апреля 2020 г.). URL: <http://history.pstu.ru/category/konferentsii/> (дата обращения 24.02.2021).

13. Страница проектов политической партии «Единая Россия». URL: <https://proekty.er.ru/#content> (дата обращения 06.02.2021).

14. Страница проектов фонда президентских проектов «Цифровой регион». URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item> (дата обращения 06.02.2021).

15. У госуправления России должно быть цифровое будущее. URL: <https://ldpr.ru/event/86716> (дата обращения 10.02.2021).

16. ЦИК предложила новые цифровые методы в выборном процессе. URL: <https://d-russia.ru/tsik-predlozhila-novye-tsifrovye-metody-v-vybornom-protssesse.html> (дата обращения 28.02.2021).

17. Цифровая трансформация в России: итоги 2020 года и перспективы развития. URL: <https://ac.gov.ru/news/page/cifrova-a-transformacia-v-rossii-itogi-2020-goda-i-perspektivy-razvitiya-26801> (дата обращения 06.02.2021).

18. Шапиро С.Р., Коновалова М.Е. Об эффективности цифровизации в здравоохранении // Столыпинский вестник. 2021. Т.3. №2.

19. Glebov V.A., Distance learning in the humanitarian field amid the coronavirus pandemic: risks of creating barriers and innovative benefits / S.I. Popov, Yu.M. Lagusev, A.L. Krivova, S.R. Sadekova // Propositos y representaciones. 2021. Т.9. №S3.

20. Manski S. Building the blockchain world: Technological commonwealth or just more of the same? // Strategic Change. 2017. Vol. 26. №5.

21. Nesterchuk O.A., Grishin O.E., Chepurnaya A.M. Digitalization as the “new normal” of higher education // Journal of Physics: Conference Series. Krasnoyarsk Science and Technology City Hall. Krasnoyarsk, Russian Federation, 2020.

References

1. Baranov N.A. Otkrytost' vs bezopasnost': priorityety dlya gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva v usloviyakh tsifrovizatsii // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2019. №10(130).
2. Belokonev S.Yu., Vasil'ev M.S., Titov V.V. Tsifrovye tekhnologii v sovremennykh izbiratel'nykh kampaniyakh: osobennosti primeneniya // Vlast'. 2019. T. 27. №4.
3. Brodovskaya E.V., Karzubov D.N., Lukushin V.A. Otsenka upravleniya kommunikatsiyami v tsifrovyykh soobshchestvakh novykh politicheskikh partii (2020 g.) // Vlast'. 2021. №2.
4. Vasil'ev M.S., Ignatovskii Ya.I., Tsifrovizatsiya sovremennoi pub-lichnoi politiki: spetsifika i sotsial'nye riski // Izvestiya TulGU. Guma-nitarnye nauki. 2021. №1.
5. Volodenkov S.V. Vliyanie tekhnologii internet-kommunikatsii na sovremennye obshchestvenno-politicheskie protsessy: stsenarii, vyzovy i aktory // Monitoring. 2019. №5(153).
6. Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. Tsifrovye stigmaty kak instrument manipulatsii massovym soznaniem v usloviyakh sovremennogo gosudarstva i obshchestva // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2018. №11.
7. Kaplunenko A.M. Problema analiza struktury politicheskikh vozmozhnostei tsifrovizatsii publicnogo upravleniya v Rossii: regional'nyi aspekt // Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika. 2019. №4(30).
8. Kon'kov A.E. Tsifrovizatsiya politiki vs politika tsifrovizatsii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2020. №1.
9. Korolev N. «Tsifrovoi region» dorabotayut na mestakh. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4792049> (data obrashcheniya: 05.05.2021).
10. Mikheeva T.N., Boyarintseva I.A. O nekotorykh ponyatiinykh i pravovykh aspektakh tsifrovizatsii // Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki. 2019. №3(19).
11. Nikolaichik Yu.A. Kurs na tsifrovizatsiyu // Nauka i innovatsii. 2020. №11(213).
12. Sovremenniy gorod: vlast', upravlenie, ekonomika. Mezhdunarodnyy sbornik trudov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Permskii natsional'nyi issledovatel'skii politekhnicheskii universitet, kafedra Gosudarstvennogo upravleniya i istorii. Permskii federal'nyi issledovatel'skii

tseotr UrO RAN (Perm', 16-17 aprelya 2020 g.). URL: <http://history.pstu.ru/category/konferentsii/> (data obrashcheniya 24.02.2021).

13. Stranitsa proektov politicheskoi partii «Edinaya Rossiya». URL: <https://proekty.er.ru/#content> (data obrashcheniya 06.02.2021).

14. Stranitsa proektov fonda prezidentskikh proektov «Tsifrovoy region». URL: <https://prezidentskiegranty.rf/public/application/item> (data obrashcheniya 06.02.2021).

15. U gosupravleniya Rossii dolzhno byt' tsifrovoe budushchee. URL: <https://ldpr.ru/event/86716> (data obrashcheniya 10.02.2021).

16. TsIK predlozhila novye tsifrovye metody v vybornom protsesse. URL: <https://d-russia.ru/tsik-predlozhila-novye-tsifrovye-metody-v-vybornom-protsesse.html> (data obrashcheniya 28.02.2021).

17. Tsifrovaya transformatsiya v Rossii: itogi 2020 goda i perspektivy razvitiya. URL: <https://ac.gov.ru/news/page/cifrovaa-transformacia-v-rossii-itogi-2020-goda-i-perspektivy-razvitiya-26801> (data obrashcheniya 06.02.2021).

18. Shapiro S.R., Konovalova M.E. Ob effektivnosti tsifrovizatsii v zdravookhraneni // Stolypinskii vestnik. 2021. T.3. №2.

19. Glebov V.A., Distance learning in the humanitarian field amid the coronavirus pandemic: risks of creating barriers and innovative benefits / S.I. Popov, Yu.M. Lagusev, A.L. Krivova, S.R. Sadekova // Propositos y representaciones. 2021. T.9. №S3.

20. Manski S. Building the blockchain world: Technological commonwealth or just more of the same? // Strategic Change. 2017. Vol. 26. №5.

21. Nesterchuk O.A., Grishin O.E., Chepurnaya A.M. Digitalization as the "new normal" of higher education // Journal of Physics: Conference Series. Krasnoyarsk Science and Technology City Hall. Krasnoyarsk, Russian Federation, 2020.

**О.Н. Дроботенко,
Н.Н. Соколов**

**O. Drobotenko,
N. Sokolov**

**К ВОПРОСУ О
ПРИМЕНЕНИИ
ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ
МЕТОДОЛОГИИ
К ПРОЦЕССУ
РАЗРАБОТКИ
И ПРИНЯТИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
РЕШЕНИЙ
В ИНФОРМАЦИОННОМ
ОБЩЕСТВЕ**

**TO THE QUESTION
OF APPLICATION
OF POSTNONCLASSICAL
METHODOLOGY TO
THE POLITICAL
DECISION-MAKING
PROCESS IN THE
INFORMATION SOCIETY**

Аннотация

Статья посвящена исследованию процессов принятия политических решений в России, протекающих в условиях перехода к информационному обществу. Показано, что в настоящее время культурная, социальная, экономическая и политическая модернизация теснейшим образом связана с использованием знаний, информации и новых технологий, оказывающих трансформирующее влияние на структуру и содержание социальных взаимодействий, что требует адекватного управленческого воздействия. Логика нового техноуклада диктует необходимость координации социальной активности, которая становится решающим фактором трансформации общественно-политической структуры и повышения эффективности политического управления.

Можно отметить, что исследование процесса принятия политических решений показало, что важнейшими дестабилизирующим факторами, оказывающими влияние на указанный процесс, становятся односторонняя управляемость формирующегося информационного общества. Следовательно управленческий сигнал, фактически, исходит из одного источника - центра мирового развития, зачастую игнорируя иные траектории формирования информаци-

Abstract

The article is devoted to the research of the political decision-making process in Russia occurring in the conditions of the transition to the information society. At present cultural, social, economic and political modernization is closely linked to the using knowledge, information and the new technologies, having a transformation influence on the structure and content of the social interactions that needed an adequate managing impact is shown. The logic of a new technological stage calls for coordination of social activities, which is becoming the essential factor of positive socio-political transformation and increasing the effectiveness of political management.

It can be noted that the study of the political decision-making process has shown that the most important destabilizing factors influencing this process are the unilateral controllability of the emerging information society. Consequently, the management signal, in fact, comes from one source - the center of world development, often ignoring other trajectories of the formation of the information society. Which are able to take into account national specifics, mentality, culture and other factors, thereby directly affecting national security is-

онного общества. Которые способны учитывать национальную специфику, менталитет, культуру и другие факторы, тем самым, напрямую затрагивать вопросы национальной безопасности. Вместе с тем логика нового техноуклада диктует необходимость координации социальной активности (в глобальном масштабе). Она становится решающим фактором трансформации общественно-политической структуры и повышения эффективности принятия политических решений.

sues. At the same time, the logic of the new technological order dictates the need to coordinate social activity (on a global scale). It becomes a decisive factor in the transformation of the socio-political structure and increasing the effectiveness of political decision-making.

Ключевые слова:

информационно-коммуникационные технологии; политическое управление; процесс принятия политических решений; суверенитет; безопасность.

Key words:

information and communication technologies; political management; political decision-making process, sovereignty; security.

Информационная сфера является системообразующим фактором функционирования современного общества и одним из важнейших объектов политического управления. Ее особое значение определяется тем, что знания и информация становятся в настоящее время стратегическим ресурсом, равным по значению с ресурсами природными, интеллектуальными и финансовыми, а информационные процессы, – составной частью как экономических, так и политических процессов, оказывая непосредственное влияние на процесс принятия управленческих решений.

Государство, претерпевающее значительные трансформации в новых условиях, становится координатором развития отраслей информационной индустрии, участвует в построении информационного общества, деятельности его субъектов, безопасной и разумной интеграции человека в инновационное технологическое пространство. Указанные обстоятельства предъявляют особые требования к процессу принятия политических решений.

В условиях перехода к информационному обществу перспективы социально-экономического развития страны связаны с использованием научных знаний, информации и новых технологий. Индустрия знаний приобретает ключевое значение в качестве инновационной основы модернизации существующей социотехнической системы, а оценка уровня ее развития входит в прямую зависимость от степени освоения информационно-коммуникационных технологий и потоков. Поиск, обработка, анализ и

эффективное использование информации значительно актуализируются в контексте разработки стратегических государственных решений практически во всех сферах: от экономики и социальной сферы, до обороны и безопасности. Следовательно, в условиях перехода к информационному обществу, отставание в области знаний и обработки информации влечет за собой утрату конкурентоспособности в мировой экономике, снижению статуса и авторитета в мировой политике.

Теоретико-методологической основой исследования послужили системно-информационный, сетевой и синергетический подходы к политическому управлению, а также классические и современные теоретические положения теории управления.

Системно-информационный подход к принятию политических решений предусматривает применение информационно-аналитических методик обеспечения процесса принятия политических решений, позволяющих объективно оценивать социально-политические процессы, что, в свою очередь, создает необходимые условия для повышения уровня профессиональной компетентности лиц, принимающих решения.

Сетевой подход к политическому управлению позволяет выделить и проанализировать новые формы коммуникации в неиерархических сетевых структурах формирующегося информационного общества, определить их влияние на механизм принятия политических решений.

Применение структурно-функционального метода исследования помогает определить специфику воздействия процессов политико-экономической конвергенции на комплементарную структуру и функциональные связи элементов зарождающегося информационного общества, что, в свою очередь, влияет на процесс принятия политических решений.

Применение постнеклассической методологии научного исследования в сочетании с синергетическим подходом для анализа системы политического управления, воплощенной в форме глобальных сетей публичной политики, позволяет рассмотреть и проанализировать указанную систему, учитывая сложный, динамичный, изменчивый и нелинейный характер современных политико-экономических процессов.

В настоящее время на фоне усложнения и хаотизации мирополитических процессов в научной среде возникают новые, постнеклассические подходы к исследованию общества и государства, характеризующиеся соотнесенностью знаний не только с материальными объектами, но и с

целевыми установками деятельности субъектов политических и социальных процессов.

Согласно синергетическому подходу, сформировавшемуся в контексте постнеклассической научной картины мира, современный мир сложных динамических социально-политических систем выявил такие условия их функционирования как турбулентность, динамический хаос и рост социальной энтропии [5].

Методология постнеклассической научной рациональности фундирована исследованием закономерностей взаимодействия как объективных, так и субъективных факторов самоорганизации сложных систем, каковыми являются социальные системы. Причем достигается это посредством выдвижения тех целей, которые осознаются и адекватно воспринимаются основной массой граждан, проживающей на данной территории. Указанное обстоятельство подразумевает, что не только цели субъекта политики, но и средства их реализации должны отвечать интересам большинства граждан. Представляется, что методология постнеклассической рациональности может стать основой устойчивого социально-экономического развития и эффективности действий субъектов публичной политики в условиях нарастания энтропии в социально-экономической системе.

По утверждению академика В.С. Степина «применение постнеклассической методологии к исследованию социально-политических систем даст новые коммуникативные стратегии познающему субъекту определять то существенное обстоятельство, что целостность в постнеклассической парадигме представляется как открытое, системное и динамическое единство в многообразии выражающих его сторон» [7, с. 9-10]. Такими сторонами, в контексте синергетического научного подхода к исследованию социальных процессов, являются различного рода общественно-политические субъекты (акторы) и «узлы» сети: политики, журналисты, бизнесмены, лидеры общественного мнения, неправительственные и некоммерческие организации и т.д.), результатом деятельности которых становится изменение траекторий общественно-политического развития.

Синергетический подход к анализу общества акцентирует внимание на тех сторонах политической реальности, которые в классической политической науке рассматриваются как явления второго порядка, вносящие искажения в планомерный процесс развития социума. Однако в экстре-

мальных и кризисных ситуациях данные аспекты и явления выходят на первый план и начинают играть определяющую роль в трансформации социальной системы. В данной связи, решающим фактором управления такими комплементарными процессами становится не сила и принуждение, а умение сформировать правильную конфигурацию и «архитектуру» политического управления, гибко реагирующую на возникающие флуктуации. При этом можно обойтись точечными, но хорошо скоординированными воздействиями на систему для обеспечения стабильности.

Вследствие вышеуказанных причин, важнейшим условием эффективности политико-управленческих решений является информационно-аналитическая деятельность, позволяющая прогнозировать сложные, нелинейные и динамичные политические процессы, гибко и своевременно реагировать на возникающие изменения в политической системе.

Необходимо отметить, что данный вид деятельности должен быть основан, прежде всего, на научных методах сбора, обработки и анализа информации, поскольку неверно принятое решение, вследствие ошибки в прогнозе или расчетах может кардинальным образом повлиять на расклад политических сил, дестабилизировать социально-экономическую ситуацию и привести к катастрофическим последствиям.

Кроме того, важнейшим требованием к современной публичной политике становится открытость и прозрачность. Указанное требование напрямую касается механизма принятия решений, поскольку граждане должны четко понимать какие последствия повлечет за собой то или иное политическое решение. Следовательно, вовлечение граждан в публичность в процессе принятия политических решений становится важнейшим аспектом социально-экономического развития в условиях формирования информационного общества.

Вместе с тем, следует отметить, что реализация указанного требования возможна при условии высокого уровня образования, гражданской ответственности и культуры, что, в свою очередь, диктует необходимость совершенствования существующих подходов в культурной и образовательной политике.

Процесс развития информационных технологий позволяет с достаточной научной полнотой выявить степень влияния научных открытий на политическую сферу, и, как следствие, – процесс принятия политических решений. С момента своего появления информационные технологии име-

ли узкое техническое применение, однако, по мере их повсеместного внедрения практически во все сферы жизнедеятельности и, наконец, появления глобального киберпространства, указанное влияние многократно возросло.

Вместе с тем, как показывает мировой опыт, информационные технологии могут использоваться не только в конструктивных, но и деструктивных целях. Отсутствие разумного и эффективного регулирования информационных потоков влечет за собой серьезные угрозы и риски, препятствующие развитию гражданского общества, создает барьеры для политической социализации, способно вызывать радикализацию общественных настроений, создает благоприятную среду для пропаганды агрессии и насилия, манипулирования общественным мнением с целью достижения сиюминутных преимуществ различными субъектами политического процесса.

С целью предотвращения или минимизации негативных информационных воздействий на российское общество важнейшей задачей государственной политики в информационной сфере представляется совершенствование существующей правовой, организационной и экономической основы информационного общества на основе идей социальной справедливости и человеческого достоинства. Кроме того, возникает необходимость подготовки специалистов-консультантов в сфере потребления информации, которые в условиях открытости информационного пространства смогут обеспечить защиту граждан от вредоносной информации, оказывающей деструктивное влияние на их сознание и поведение.

По мнению многих отечественных экспертов, ставки в игре по ослаблению России за счет попыток раскатать общественно-политическую ситуацию или даже спровоцировать ее распад по модели СССР в настоящее время предельно высоки. В данной связи эксперт РИСИ И.А. Николайчук справедливо полагает, что «парирование подобного рода угроз невозможно без реализации комплекса мероприятий по увеличению потенциала информационно-аналитической разведки за счет развертывания систем мониторинга и накопления материалов, относящихся к России, равно как и за счет создания специального контура оперативного анализа соответствующих количественных и качественных данных» [6, с.228]. Представляется, что указанный комплекс сможет стать одним из инструментов повышения эффективности политико-управленческих решений.

Вместе с тем, анализ глобальных инновационных процессов убеждает в том, что само по себе повсеместное внедрение информационных технологий не может обеспечить успешного и стабильного развития социальной системы информационного общества, что, во многом, обусловлено неполнотой изученности влияния новых ИКТ на сознание человека, его физическое и психическое здоровье, и, что не менее важно, социальные условия реализации данных программ и готовность человека к тем глубоким социальным изменениям, которые сопутствуют стремительному развитию технологий. Указанное обстоятельство обуславливает необходимость глубокого и всестороннего научного анализа и оценки последствий повсеместного внедрения технологий. А поскольку ведущая роль в разработке информационной политики и обеспечении безопасности принадлежит государству, то основная ответственность за принятие стратегических решений в данной сфере возлагается именно на него.

В данной связи представляется, что государственное стимулирование развития отечественной ИКТ отрасли в сочетании с внимательным наблюдением за содержательным наполнением информационных ресурсов и продуктов интеллектуальным, познавательным, высоконравственным и созидательным контентом, смогут обеспечить рост инновационного потенциала страны, развитие экономики, способствовать позитивным социокультурным и политическим трансформациям, позволят предотвращать социальные конфликты, а также обеспечить разумную интеграцию в глобальную инновационную систему на правах равноправного партнерства и взаимного уважения.

Следует отметить, что указанная проблематика частично отражена в Государственной программе «Информационное общество», согласно которой запланировано увеличение в национальном информационном пространстве доли информации, ориентированной на здоровый образ жизни, социально ответственное поведение, заинтересованность в образовании и профессиональном росте, традиционные культурные, нравственные и семейные ценности, отвечающие приоритетам развития социальной политики государства [2].

Очевидным является и то, что государство должно играть ключевую роль в обеспечении высокой степени достоверности и надежности содержания информации как внутренних, так и внешних информационных каналов, что позволило бы существенно повысить эффективность управ-

ленческих решений. Представляется, что решению данной задачи должна способствовать последовательная реализация национально-государственных интересов в информационной сфере, а также обеспечение разумного баланса между свободным доступом к информации и укреплением информационного суверенитета и безопасности.

Соответственно, приоритетным направлением развития национальной цифровой экономики и инфраструктуры является скорейшее импортозамещение в сфере телекоммуникаций, что отражено в Доктрине информационной безопасности и других основополагающих документах. В то же время нельзя не видеть того очевидного факта, что Россия значительно уступает по уровню инновационной активности ведущим странам мира, находясь на 46-е месте в глобальном инновационном индексе [11]. Кроме того, доля зарубежных технологий на внутреннем рынке в настоящее время превышает долю отечественных. То же самое касается содержания информационных продуктов и программного обеспечения.

В данном контексте, приоритетной задачей государственной политики в рамках развития информационного общества является повышение эффективности государственного управления, взаимодействия органов государственной власти с гражданами и бизнесом на основе использования информационно-телекоммуникационных технологий [2].

В контексте реализации вышеупомянутой Госпрограммы, к 2024 году планируется создание на всей территории Российской Федерации современной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, обеспечивающей доступность качественных услуг связи и широкополосного доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» не менее чем для 95 процентов граждан страны, равно как и обеспечение высокой степени интеграции Российской Федерации в мировое информационное пространство [2]. Следовательно появляется необходимость государственной поддержки отечественных производителей микроэлектроники и комплектующих, в том числе посредством прямого субсидирования и льготного кредитования предприятий высокотехнологичной отрасли, что позволит обеспечить спрос на внутреннем рынке продукции отечественного инновационного производства.

Процессы инновационного развития сопровождаются переходом в шестой научно-технологический уклад, характеризующийся, помимо прочего, появлением вычислительных машин, способных сверхбыстро обра-

батывать огромные массивы данных, что позволяет в разы увеличивать производительность труда, повышать уровень благосостояния технологически развитых стран, что, не только составляет основу их инновационного потенциала, но значительно повышает эффективность процесса принятия политических решений.

Указанный переход сопровождается глубинными трансформационными процессами, оказывающими влияние на политическую систему современной России: постепенно оформляется и структурируется гражданское общество, создаются различные интерактивные форматы взаимодействия граждан на базе интернет-платформ и сетевых сообществ и т.д. В данных условиях реализация механизма принятия решений вполне может опираться на постепенно формирующиеся гражданские сетевые структуры и сообщества, позволяющие координировать свою деятельность с целью реализации созидательного, творческого потенциала и общественной пользы, в том числе экономической. Представляется, что опора на данные структуры и активное взаимодействие с организаторами и активистами сможет значительно повысить эффективность принимаемых политических решений и выработке публичной политики.

Исследователи политических сетей Р. Родс и М. Бевир предлагают использовать интерпретативный подход к современной публичной политике и управлению, утверждая, что он является наиболее адекватным в контексте принятия политических решений. Указанный подход предусматривает стирание граней между формальной и неформальной коммуникацией, что позволяет изменить взгляд на природу взаимодействия органов государственной власти и общества. Действительно, в условиях большого числа участников реализации той или иной политики согласование интересов может способствовать формированию взаимного доверия и стать важнейшим условием принятия наиболее объективного решения. Кроме того, данный формат коммуникации способствует уходу от механистичности, характерной для классических иерархических структур и механизмов (например, бюрократических) и созданию гибкой, сложной и многоуровневой системы связей и взаимодействий граждан, чиновников и представителей бизнеса, превращая процесс коммуникации и управления в созидательное творчество.

В контексте усложнения и хаотизации мирополитических процессов глобальные интеграционные процессы, формирующие в ядре капиталисти-

ческой системы новые центры экономической и политической власти, расширение сферы влияния транснациональных корпораций и сетевых коммуникативных медиа-платформ приводят к глубокой трансформации подходов к государственному управлению, способствуя возникновению новых моделей сетевого политического управления. В данной связи, еще в начале XX в. испанский социолог-постмарксист М. Кастельс указывал, что «устаревшее и неповоротливое национальное государство (nation state) должно заменить новое государство информационной эпохи, представляющее собой новый тип сетевого государства, основанного на сети политических институтов и органов принятия решений национального, регионального и местного уровней, взаимодействие которых трансформирует принятие решений в бесконечные переговоры между ними» [3, с. 29].

Действительно, большинство западных стран пошли именно по указанному пути децентрализации власти и делегировании своего суверенитета в «общий котел» различных международных организаций. Вместе с тем, нарастающий многомерный кризис западного общества, банкротство неolibеральной идеологии и общества потребления поставило перед мировым научным сообществом целый ряд вопросов, касающихся проблематики устойчивого мирового развития, а также поставило под сомнение концепт глобализации и связанной с ней политики толерантности и мультикультурализма.

Фундаментальным изменением современной мировой политики становится децентрализация, размывание классических форм реализации власти – государства, утрачивающего свою иерархическую стройность, тогда как реальная власть в сетевом обществе формируется из временных, нестабильных и зачастую бесформенных и скрытых альянсов и лоббистских структур. При этом большинство как зарубежных, так и отечественных ученых сходятся во мнении о том, что данную власть достаточно сложно локализовать и идентифицировать, что, зачастую порождает возникновение непроверенных политологических гипотез, умозаключений и уводит исследователя в область политической конспирологии.

Противоречивое взаимодействие и переплетение интересов ведущих акторов мировой политики в контексте противоречивых социально-экономических последствий либеральной глобализации диктует необходимость конкретизации некоторых направлений исследований современ-

ной политических исследований в контексте новых методологических подходов современной науки:

- поиск и формулирование ключевых направлений укрепления основ государственной власти, суверенитета, безопасности и защиты национальных интересов в условиях перманентного информационно-сетевого противоборства, применение технологий «постправды», использования стратегии «soft power», манипулятивных политических технологий, эверсионных технологий «управляемого хаоса» и др.;

- применение постнеклассической методологии к анализу динамики социально-политических систем, выявление ключевых аттракторов (сотрудников общественных организаций, лиц, принимающих решения в стратегических отраслях – топ-менеджеров крупных компаний и их помощников, публичных политиков и медийных персон и т.д.);

- глубокая и всесторонняя оценка влияния различных лоббистских структур и групп на реализацию государственной политики;

- определение каналов влияния неправительственных и некоммерческих организаций и иных институтов гражданского общества на политическую сферу;

- выявление траекторий воздействия акторов международной политики на внутривнутриполитические процессы в контексте идеологического противоборства;

- поиск альтернативных траекторий развития в условиях многомерного гибридного геополитического противостояния в эпоху постмодерна;

- разработка инструментария сценарного анализа и моделирования социально-политических процессов с учетом нелинейного характера их протекания.

Резюмируя вышесказанное, глобальные сети публичной политики можно охарактеризовать как многоуровневые контактные группы и формы партнерства, состоящие из представителей государственных структур, различных международных организаций, корпораций, медиа и гражданского общества, создающие особую структуру управления, сочетающую как вертикальное, так и горизонтальное измерение и способных фокусироваться в нужных проблемных точках для решения сложных и многоаспектных проблем. Следовательно, в подобного рода сетях создаются своего рода мосты или коннекторы, позволяющие разнородным акторам взаимодействовать

друг с другом, реализуя синергетический эффект сочетанного и фокусированного воздействия субъекта управления на объект.

Кроме того, сети публичной политики обладают высокой адаптивностью и гибкостью при принятии стратегических решений посредством постоянного изменения структуры сети и состава ее участников-узлов. И, наконец, открытая и прозрачная платформенная инфраструктура, которая активно формируется в настоящее время, ведет к повышению уровня легитимности принимаемых стратегических политических решений.

Глобальные процессы инновационного развития способствовали демократизации и увеличению числа участников политических процессов, повышению активности и эффективности участия в них [10, с. 97-103]. В то же время, возрастание инвестиционной привлекательности ИКТ отрасли способствовало притоку крупного капитала, который стал оказывать не меньшее, а зачастую даже большее влияние на политическую и информационную повестку дня, по сути, «свертывая» демократические процессы, или умело направляя их в деструктивное русло, например, на организацию цветных революций или свержение «недемократических», «авторитарных» режимов, что приводит к росту конфликтности в политике и социальной сфере.

Следствием указанных тенденций, по справедливому утверждению А.А. Ковалева, стала «передача права формирования стратегии развития глобального информационного пространства и определения приоритетов в общемировой информационной политике Всемирной торговой организации (ВТО), первостепенной задачей которой всегда было обеспечение интересов промышленно-развитых стран» [4, с. 497]. Кроме того, указанное обстоятельство не только способствовало увеличению «электронно-цифрового разрыва» между развитыми и развивающимися странами, но и привело к возникновению так называемого информационного неокOLONиализма. Можно утверждать, что в основе «приобщения» так называемых «нецивилизованных» стран (к которым, по мнению стран Запада, относится и Россия) к глобализирующемуся миру, в конечном счете, лежит отказ от национальной идентичности, исторической и геополитической субъектности. По мнению отечественных экспертов, «указанные страны должны быть интегрированы в так называемое «открытое общество» в роли источника ресурсов (природных и интеллектуальных) для обеспечения существования и функционирования «золотого миллиарда»» [8, с. 5].

Следует отметить, что реализация указанного сценария, не так уж невозможна, в условиях ухудшения социально-экономической ситуации в стране, сокращения численности населения, утечки капиталов и умов за рубеж, что указано в качестве прямых угроз безопасности в основополагающих стратегических документах Российской Федерации.

В данной связи необходимо отметить, что в качестве основы устойчивого развития социума, как в мировых, так и во внутривнутриполитических процессах, безусловно, важное значение приобретает активность гражданского общества в информационной сфере [1, с. 6]. В то же время следует иметь в виду, что под видом гражданской активности, в настоящее время могут реализовываться антигосударственная и антисоциальная деятельность, предприниматься попытки дестабилизации социально-политической ситуации, что в условиях современного открытого, демократического общества происходит довольно часто.

По мнению Е.П. Тавокина, «процессу развития гражданского общества в России сопутствуют коренная ломка социальной структуры, обнищание и маргинализация населения страны, размытость и неоформленность интересов различных социальных групп, усиление партикуляристских норм, ценностей и практик» [9, с. 5]. К перечисленному, на наш взгляд, следует добавить постепенно нарастающий кризис неолиберальной идеологии, ее неадекватность логике и тенденциям развития России, стремящейся к отстаиванию своей суверенности во всех сферах, в том числе в информационной, что зафиксировано в основополагающих документах.

Исследование процесса принятия политических решений показало, что важнейшими дестабилизирующим факторами, оказывающими влияние на указанный процесс, становятся односторонняя управляемость формирующегося информационного общества, когда управленческий сигнал, фактически, исходит из одного источника - центра мирового развития, зачастую игнорируя иные траектории формирования информационного общества, учитывающие национальную специфику, менталитет, культуру и другие факторы, тем самым, напрямую затрагивая вопросы национальной безопасности. Вместе с тем логика нового техноуклада диктует необходимость координации социальной активности, (причем в глобальном масштабе), которая становится решающим фактором трансформации общественно-политической структуры и повышения эффективности принятия политических решений. Важнейшим условием эффективности полити-

ко-управленческих решений является информационно-аналитическая деятельность, позволяющая прогнозировать сложные, нелинейные и динамичные политические процессы, гибко и своевременно реагировать на возникающие изменения в политической системе. В данной связи, внутренняя культурная, социальная, экономическая модернизация государства, учитывающая вышеуказанные составляющие оказывается важнейшим фактором конкурентоспособности и условием «рывка» в инновационном развитии. Представляется, что решению данной задачи должна способствовать последовательная реализация национально-государственных интересов в информационной сфере, а также обеспечение разумного баланса между свободным доступом к информации и укреплением информационного суверенитета и безопасности.

Литература

1. Акопов Г.Л. Интернет и политика. Модернизация политической системы на основе инновационных интернет-технологий. Москва: Кнорус, 2013.
2. Государственная программа «Информационное общество». URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/programs/1/> (дата обращения 07.01.2021).
3. Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое сообщество: аналитическое исследование // Мир России, 2000. №1.
4. Ковалев А.А. Теоретический анализ информационной политики // Молодой ученый. 2016. №14.
5. Малинецкий Г.Г., Потапов А.Б., Подлазов А.В. Нелинейная динамика: подходы, результаты, надежды. Москва: УРСС, 2016.
6. Николайчук И.А. Политическая медиаметрия. Зарубежные СМИ и безопасность России; Рос. ин-т стратег. исслед. Москва: РИСИ, 2015.
7. Постнеклассика: философия, наука, культура / Отв. ред. Л.П. Киященко, В.С. Степин. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009.
8. Тавокин Е.П. Массовая коммуникация: сущность и состояние в современной России. Москва: URSS. 2012.
9. Тавокин Е.П. Массовые информационные процессы в современной России: Очерки / Отв. ред. А.В. Шевченко. Москва: Изд-во РАГС, 2002.
10. Шерстобитов А.С. Трансформация механизмов взаимодействия государства и негосударственных акторов в процессе перехода к координационному государству // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6: Фи-

лософия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2011. Вып. 4.

11. Global Innovation Index 2019. Creating Healthy Lives – The Future of Medical Innovation. URL: <https://www.wipo.int/publications/en/details.jsp?id=4434> (дата обращения 07.01.2021).

References

1. Акопов Г.Л. Интернет и политика. Модернизация политической системы на основе инновационных интернет-технологий. Москва: Кнорус, 2013.

2. Государственная программа «Информационное общество». URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/programs/1/> (дата обращения 07.01.2021).

3. Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое сообщество: аналитическое исследование // Мир России, 2000. №1.

4. Ковалев А.А. Теоретический анализ информационной политики // Молодой ученый. 2016. №14.

5. Малинецкий Г.Г., Потапов А.Б., Подлазов А.В. Нелинейная динамика: подходы, результаты, надежды. Москва: УРСС, 2016.

6. Николайчук И.А. Политическая медиаметрия. Зарубежные СМИ и безопасность России; Рос. ин-т стратег. исслед. Москва: РИСИ, 2015.

7. Постнеклассика: философия, наука, культура / Отв. ред. Л.П. Киященко, В.С. Степин. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009.

8. Тавокин Е.П. Массовая коммуникация: сущность и состояние в современной России. Москва: URSS. 2012.

9. Тавокин Е.П. Массовые информационные процессы в современной России: Очерки / Отв. ред. А.В. Шевченко. Москва: Изд-во РАГС, 2002.

10. Шерстобитов А.С. Трансформация механизмов взаимодействия государства и негосударственных акторов в процессе перехода к координационному государству // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2011. Вып. 4.

11. Global Innovation Index 2019. Creating Healthy Lives – The Future of Medical Innovation. URL: <https://www.wipo.int/publications/en/details.jsp?id=4434> (дата обращения 07.01.2021).

**О.Е. Комаров,
А.В. Соколов**

**O. Komarov,
A. Sokolov**

**ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ
КРАУДСОРСИНГА
КАК ФОРМЫ ДИАЛОГА
ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ
И ОБЩЕСТВА ***

**PROSPECTS FOR
THE DEVELOPMENT
OF CROWDSOURCING
AS A FORM OF DIALOGUE
OF GOVERNANCE
AND SOCIETY**

Аннотация

Ведущей тенденцией демократизации является усиление политического дискурса посредством его виртуализации и использования новых информационно-коммуникационных технологий. Общественность выражает и формулирует свои настроения, применяя при этом существующие возможности современных инструментов коммуникации, а власть, в лице муниципальных и региональных органов власти, стремится корректировать свои действия в зависимости от информации, полученной от населения. Происходит коммуникативная коллаборация власти и общественности, что, в конечном счёте, позволяет снизить социальное напряжение и содействует демобилизации, приводит к снижению вовлечённости граждан в протесты. Особое значение в рамках данных процессов играет применение современных информационных технологий, активная реализация проектов в рамках сети Интернет, поэтому возрастает роль такой технологии, как краудсорсинг. Реализация краудсорсинга в процессе функционирования органов управления и власти обосновано и целесообразно, имеет колоссальный потенциал дальнейшего развития. Включение данной технологии в политический процесс органов управления необходимо, так как они основаны на общих принципах и задачах, что имеет высокий потенциал для дальнейшего увеличения взаимной результативности. Практика применения краудсорсинга показывает, что органы управления сумели при-

Abstract

The leading trend in democratization is the strengthening of political discourse through its virtualization and the use of new information and communication technologies. The public expresses and formulates its sentiments, using the existing capabilities of modern communication tools, and the authorities, represented by municipal and regional authorities, seek to adjust their actions depending on the information received from the population. There is a communicative collaboration between the authorities and the public, which ultimately reduces social tension and promotes demobilization, and leads to a decrease in the involvement of citizens in protests. Of particular importance within the framework of these processes is the use of modern information technologies, the active implementation of projects within the Internet, therefore, the role of such technology as crowdsourcing is increasing. The implementation of crowdsourcing in the process of functioning of government and government bodies is justified and expedient, it has a tremendous potential for further development. The inclusion of this technology in the political process of governing bodies is necessary, since they are based on common principles and objectives, which has a high potential for further increasing mutual effectiveness. The practice of using crowdsourcing shows that the authorities were able to adapt this technology in their process to achieve certain goals. With progressive development, other things being equal, crowdsourcing is able to transform into

способить данную технологию в свой процесс для достижения определённых целей. Реализация краудсорсинговых проектов станет обязательным требованием для органов управления с ресурсной, в том числе и финансовой, поддержкой. Также возможна трансформация структуры управления органов власти, будут созданы специализированные отделы по краудсорсингу. Помимо этого, в ближайшем будущем возможна организация работы краудсорсинга в мессенджерах.

an expert community, with a multilateral control system and additional measures to motivate participants. The implementation of crowdsourcing projects will become a mandatory requirement for management bodies with resource, including financial, support. It is also possible to transform the management structure of government bodies; specialized crowdsourcing departments will be created. In addition, in the near future, it is possible to organize crowdsourcing in messengers.

Ключевые слова:

краудсорсинг, власть, органы управления, гражданское общество, интернет, краудсорсинговые платформы.

Key words:

crowdsourcing, government, governing bodies, civil society, internet, crowdsourcing platforms.

* Статья подготовлена в рамках исследования, финансируемого за счет гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МД-855.2020.6 «Мобилизация и демобилизация в современных практиках протестной активности».

Политическая и социально-экономическая модернизация в РФ будет напрямую связана с параллельным развитием информационных технологий. Интернет стал одним из важнейших элементов жизни общества, ключевым каналом передачи информации, пространством и средой для свободной коммуникации. В эпоху WEB 3.0 каждый пользователь имеет возможность не только пассивного получения информации, но и её создания, комментирования, обработки и критики [25, с. 21]. Роль информационных технологий значительно возрастает, Интернет оказывает значительное влияние на современное государственное строительство, формирование условий для развития гражданского общества в спектре электронной демократии.

Развитие ИКТ существенным образом стимулировало развитие сетевых принципов организации гражданской активности, вовлечения граждан в процесс принятия решений, и в результате, трансформации системы управления. Как отмечают исследователи, сетевое взаимодействие значительно облегчает генерацию идей, информации и их распространение [2, с. 35].

В связи с эти важно отметить те позитивные эффекты, которые позволяют достигать цифровые инструменты (в том числе, социальные сети и социальные медиа):

- облегчение мобилизации и вовлечения граждан [13, с. 340];

- стимулирование формирования коллективной идентичности [6, с. 52];
- формирование множественности каналов коммуникации [14];
- формирование условий для множественности источников информации [9, с. 321];
- стимулируют формирование доверия между участниками коллективного действия [10, с. 213];
- развивают интерес к общественным проблемам [3, с. 780].

Поэтому важно отметить выявленную значительную связь между возможностью граждан влиять на принятие решений и использованием ими ИКТ, а также и активностью участия [4, с. 281]. В результате достигается повышение демократичности функционирования властной системы, повышение ее открытости, обеспечивается более легкая процедура учета мнения различных групп населения [14].

Новые реалии в условиях распространения COVID-19 определили ускоренное внедрение цифровых технологий в различные области деятельности человека и увеличение ценности невербальной коммуникации. Возрастающая роль мобильной связи и сети Интернет обеспечила переход к цифровому творчеству, генерации большого количества контента в режиме «онлайн».

Электронная демократия представляет собой такую форму демократии, в рамках которой органично сочетаются административные процессы на всех уровнях и эффективное использование возможностей информационно-коммуникационных технологий. Эффективное совершенствование и развитие системы управления требует внедрения качественно новых инструментов и технологий. В частности, В.Н. Якимец и Л.Н. Никовская отмечают, что функции государства усложняются в связи с появлением новых геополитических, экологических и демографических рисков [31, с. 50]. Государство нуждается в поиске механизмов более тонкого отражения потребностей и интересов общества. При этом права граждан на свободный доступ к информации послужили дополнительным стимулом для актуализации вопроса о необходимости расширения степени участия населения в процессах управления и руководства государством, расширении возможностей и оптимизации направления предоставления государственных услуг. В связи с этим, на сегодняшний день различные уровни власти всё чаще начинают в рамках своей деятельности использовать актуальную технологию сотрудничества и взаимодействия с гражданами – краудсорсинг.

Теоретические основы изучения краудсорсинга

Краудсорсинг является безвозмездным или за сравнительно небольшую плату привлечением неограниченного круга лиц для решения существующих задач [26, с. 83]. На сегодняшний день краудсорсинг реализуется в качестве технологии решения любого вида существующих проблем и задач, которые относятся не только к государству, но и к обществу в целом. Краудсорсинг позволяет снизить сумму затрат и сократить время достижения результата, что обусловлено фактором передачи решения существующей проблемы неограниченному кругу лиц [19, с. 43]. В рамках стимулирования гражданской активности в России продуктивная реализация краудсорсинговых кампаний позволяет снижать социальное напряжение в обществе и содействовать снижению вовлеченности граждан в протесты, демобилизации протестной активности.

Ключевая идея технологии краудсорсинга заключается в выполнении необходимых действий не профессионалами, а любителями. Главная характерная черта – применение потенциала неограниченного числа граждан для решения существующих проблем. Соответственно, краудсорсинг представляет собой новый метод решения комплексных задач при помощи современных информационных технологий и Интернета с применением интеллектуального потенциала неограниченного круга лиц.

Изучение применения данной технологии вызывает интерес, как у зарубежных, так и российских учёных. О.В. Быхтин изучал краудсорсинг через призму мотивационных факторов, которые определяют участие граждан в его реализации [16, с. 47]. В результате проведенного в Белгородской области исследования им было выявлено, что определяющими мотивами интеграции граждан в краудсорсинг являются участие в чём-то важном не только для себя, но и для общества, материальная выгода, возможность самореализации. С.В. Лобова и Р.А. Долженко через изучение типологий и функций регионального краудсорсинга разработали показатели результативности его применения [27, с. 140]. И.В. Мирошников рассматривает краудсорсинг как форму взаимодействия сетевого гражданского общества и органов власти, которая способствует модернизации государства. Также в качестве одного из определяющих факторов участия граждан в реализации в краудсорсинговом проекте она определяет интерес граждан увидеть реализацию предложенных идей в публич-

ной практике [29, с. 37]. В.А. Сапрыка изучал краудсорсинг через описание его функций. Он выделил 7 наиболее важных функций краудсорсинга: информационную, контрольную, исследовательскую, обучающую, коммуникативную, функцию легитимации и инновационную [35, с. 2]. Г.Н. Гайдукова через анализ барьеров участия в краудсорсинге приходит к выводам, что в системе государственного управления широкая реализация краудсорсингового потенциала не возможна [18, с. 86].

В.В. Бурувым, Е.Д. Патаракиным и Б.Б. Ярмахиным был изучен краудсорсинг в качестве технологии доработки нормативно-правовых актов [32, с. 520]. Ими была предложена ранее апробированная функциональная схема сообщества, в рамках которого организована деятельность по улучшению отдельных статей и глав законодательного текста. Действия заинтересованных участников краудсорсинга основываются на базе общего смыслового объекта. Т.А. Нестик рассмотрел краудсорсинг через призму его психологических особенностей. Краудсорсинг он определил как технологию разработки решений и прогнозирования будущего [30, с. 170].

В настоящее время многие учёные и исследователи занимались изучением феномена краудсорсинга, его практик, возможностей и барьеров. В частности, Д. Гайгер и другие исследователи в статье под названием «Управление толпой: к систематике краудсорсинговых процессов» представили попытку систематизации структуры краудсорсинговых проектов, обозначив 4 этапа процесс краудсорсинга [7, с. 108]:

- предварительный выбор участников;
- получение доступа к совместному участию;
- генерация идей и решений, сбор предложений;
- вознаграждение участников.

Данная система сосредоточена исключительно на механизмах и организационной структуре.

Краудсорсинг может рассматриваться как коллективные действия, в рамках которых участники приспособляются и меняют собственное поведение, подстраивают собственное поведение под других людей. Для достижения стратегических целей действия всех акторов должны быть взаимозависимы, используя возможности и ресурсы друг друга [5, с.272]. В данном случае участники краудсорсинга смотрят на своё поведение через призму отношения окружающих, на первый план выходят ожидания других участников. В краудсорсинге определённую роль играют социаль-

ные ожидания, они имеют возможность влияния на действия всех его участников. Граждане в повседневной жизни ведут себя таким образом, как требуют того установленные нормы, регламентированные правила. Обращение к краудсорсингу является реакцией на социальные вызовы, которые заключаются в необходимости объединения граждан для достижения общих целей. Н.А. Рябченко отмечает, что именно социальное действие является результатом функционирования краудсорсинговых площадок, оно рассматривается как «преднамеренное мотивированное действие» политических участников [34].

Рассматривая феномен краудсорсинга, нельзя не отметить работу российского исследователя Е.Б. Когана, который изучает краудсорсинг через фактор репутации [24, с. 132]. По его мнению, репутационный менеджмент заключается в необходимости создания открытой информационной среды для решения проблем, существующих у социальных субъектов. Краудсорсинг может выступать в данном случае как технология взаимодействия с аудиторией, фактора поднятия собственного имиджа. Данный подход наиболее актуален для органов управления и власти, для которых задача создания и поддержания собственного имиджа является одной из ключевых. Традиционные механизмы в данном случае значительно уступают и являются менее эффективными по отношению к представленным возможностям краудсорсинга. Коган также учитывает тот факт, что краудсорсинг выступает не только как фактор мотивации краудсорсинга, но и как инструмент формирования имиджа субъекта.

В настоящее время наиболее продуктивное применение краудсорсинга наблюдается в Интернете, так как данная сеть обеспечивает оперативную коммуникацию между неограниченным кругом лиц. Интернет оказал огромное влияние на формат и процесс данной коммуникации, который упростил доступ к субъектам управления и увеличил их количество [12, с. 340]. Интернет выступает в качестве катализатора развития краудсорсинга, позволяя гражданам донести свои взгляды и идеи большому кругу лиц абсолютно бесплатно или получить необходимую помощь в любое время в любом месте [11, с. 65].

Как считает А.В. Соколова, краудсорсинг является одной из форм реализации кооперации, которая представляет собой объединение сил различных групп общества для достижения конкретной цели. Также он считает, что краудсорсинг представляет собой «способ решения задач,

выполнения заданий посредством обращения за помощью к большому числу людей или организаций, чаще всего с использованием интернета» [38, с. 263]. Дешёвая и простая координация граждан для последующего взаимодействия в целях достижения конкретного результата стала возможной именно благодаря интернету.

Краудсорсинг – это большое сообщество потенциальных работников, которые имеют широкий спектр навыков и опыта, которые способны и готовы в кратчайшие сроки и по значительной стоимости решить задачу [15, с. 18]. Это, прежде всего, возможность воспитания преданных единомышленников. Краудсорсинг способствует не только привлечению талантливых граждан, но и поддержанию патриотического духа людей.

Учитывая широкую практику краудсорсинга в области политического процесса целесообразно выделить политологический подход к изучению краудсорсинга. Политологический подход базируется на изучении краудсорсинга в качестве технологии передачи части функций и задач от органов власти к активной части населения с высокой гражданской активностью в рамках гражданского общества. Гражданское общество, по мнению Э. Геллнера, следует понимать такое общественное устройство, в рамках которого созданы условия для благоприятного развития личности граждан и общественных ассоциаций [8, с. 225]. Это может быть реализовано в форматах бирж политических идей, участия населения в принятии управленческих решений, поиске и сборе информации, общественном контроле и прочее. Ключевым фактором остаётся то, что население самостоятельно решает задачи, которыми ранее занимались органы власти. Краудсорсинг выступает в качестве инструмента взаимодействия отдельных граждан и органов власти по вопросам участия в решении определённых вопросов, в рамках которого без каких-либо ограничений любой участник имеет возможность представить собственные идеи и решения.

Независимо от существующих различий в понимании феномена краудсорсинга в трактовках разных подходов, расхождениях взглядов их сторонников, всё же просматривается единое понимание идеи данной технологии. Краудсорсинг предстаёт как технология, которая обеспечивает взаимодействие субъектов при помощи социальных сетей и информационно-коммуникационных технологий.

Практика краудсорсинга в органах власти

Развитие информационных технологий не могло обойти стороной сферу государственное управление. Краудсорсинг в сфере государственного управления позволяет осуществить переход от вертикальных отношений между государством и обществом к горизонтальным (субъект-субъектным) и обеспечить комфортную среду для обратной связи. Внедрение данной технологии в систему управления имеет политический, социокультурный и технологический контекст. Степень влияния краудсорсинга на политический процесс и функционирование органов управления может быть определена через идентификацию функций краудсорсинга. Российские исследователи Т.В. Счастливленко и В.Н. Сапрыка выделили ряд направлений применения краудсорсинга в системе органов управления, а именно [36, с.725]:

- Инициирование социальных проектов;
- Участие в реальном самоуправлении;
- Контроль над качеством выполнения принятых ранее решений;
- Кадровый отбор претендентов в органы управления и другие.

В настоящее время наиболее популярны проекты, в рамках которых осуществляется сбор обращений граждан, фиксация существующих проблем, которые требуют непосредственного решения со стороны органов власти. Для данных платформ характерно выявление проблем при помощи активной части населения во всех сферах жизнедеятельности (ЖКХ, дорожное хозяйство, благоустройство общественных территорий, экологии, социальные вопросы и прочее). Это наиболее популярные в настоящее время по показателям активности и массовости краудсорсинговые платформы в региональном управлении на территории РФ. В общем виде, краудсорсинг данного типа представляет собой открытую площадку взаимодействия с органами власти, на которой активные граждане получают возможность напрямую высказаться о волнующих их проблемах. Население в данном случае выступает в качестве стороны, фиксирующей проблему, а органы управления как исполнитель, который на первом этапе осуществляет массовый сбор информации от населения, далее распределяет полученные проблемы по компетентным органам и уже потом занимается их исполнением. Проблемы, которые обозначены в обращениях граждан, находятся в компетенции органов управления. Нельзя не отметить, что в рамках данных проектов может осуществляться сбор исполни-

телями не только «жалоб», но и предложений и идей по улучшению качества жизни и благоустройства городской среды. Зачастую данный сбор осуществляется посредством проведения конкурса инноваций. Отличительной чертой данного типа проектов следует отметить отсутствие прямого участия граждан в политическом процессе. Данный тип краудсорсинга можно обозначить как краудсорсинг сбора идей.

Наиболее массовым проектом подобного типа является «Добродел» Московской области, который представляет собой сервис решения существующих проблем населения Московской области путём активного взаимодействия с органами власти без заполнения бумажных документов [21]. Данный проект был создан для того, чтобы каждый житель области при появлении какой-либо проблемы имел возможность сообщить об этом на площадке в определённые властные структуры и контролировать сроки решения данной проблемы. Тематикой обращения могут быть как проблемы в сфере ЖКХ и дорог, так и сферы привлечения инвестиций. В рамках функционирования данного портала граждане имеют возможность подачи обращений по существующим проблемам, далее происходит распределение проблемы по компетентным органам и уже исполнители в свою очередь решают данную проблемы в установленные сроки. Также исполнители обязаны предоставлять фотоотчёт решения проблемы, что значительно облегчает процесс контроля со стороны заявителя. По состоянию на 20 мая 2020 года на данном портале органами власти было получено 3 896 863 обращений, количество зарегистрированных пользователей равняется 2 220 220.

Еще одним из наиболее актуальных в настоящее время примеров применения данного типа краудсорсинга следует назвать краудсорсинговое исследование «Риски и возможности последствий пандемии COVID-19 для России». Данное исследование было инициировано Агентством стратегических инициатив и WikiVote в 2020 году [33]. Цель данного исследования заключалась в формировании комплекса предложений и идей по потенциальному снижению количества негативных последствий, которые связаны с пандемией коронавируса. Также были проработаны предложения по максимальному применению возможностей, появившихся в результате сложившейся эпидемиологической обстановки. За период с 26 марта по 10 апреля в рамках проекта приняло участие 1366 пользователей, которыми было представлено почти 1500 предложений. Нельзя не отметить,

что данные предложения подвергнуты масштабной дискуссии, в период реализации проекта было оставлено около 5000 комментариев. Это наглядно демонстрирует высокую степень активности на проекте, результативном применении инструментов коммуникации.

Граждане и эксперты вносили предложения на площадке, голосовали и обсуждали их по следующим направлениям:

- риски и возможности для граждан;
- риски и возможности для бизнеса;
- риски и возможности для городов и региональных властей;
- риски и возможности для государства;
- риски и возможности для общества.

Полученные результаты и лучшие предложения граждан внесены на рассмотрение в Правительство РФ. Один из участников исследования был рекомендован к включению в состав комиссии Государственной Думы РФ по поддержке малого и среднего предпринимательства.

Одной из первых площадок политического краудсорсинга в России стал проект «Российская общественная инициатива», созданный в 2013 г. Данный проект предполагает наличие возможности гражданам размещать общественные инициативы решения существующих проблем в областях совершенствования муниципального и государственного управления и социально-экономического развития страны. Разместить инициативу и проголосовать за неё может любой совершеннолетний гражданин РФ, ранее зарегистрированный на портале www.gosuslugi.ru. Необходимость строгой аутентификации личности является дополнительным фактором, определяющим снижение количества спама, повышение качества предлагаемых инициатив и увеличение степени объективности голосования.

Содержание предложенной инициативы в течение не более 2-х месяцев проходит предварительное рассмотрение в созданной экспертной группе на предмет соответствия нормативно-правовым актам, оценивается обоснованность предлагаемых инструментов решения проблемы. Следует отметить, что установленный срок экспертизы является длительным, особенно в ситуациях, когда существующая проблема требует незамедлительного решения и принятия каких-либо действий, актуальность данной проблемы на период экспертизы может потеряться. Решением может служить введение классификатора проблем по срочности прохождения экспертизы.

В случае, если инициатива успешно проходит предварительную экспертизу, она публикуется на официальном портале РОИ и автоматически становится доступной для голосования пользователей. Для попадания инициативы в экспертную группу необходимо набрать установленное количество голосов - на федеральном уровне и в субъектах Российской Федерации, численность населения которых превышает 2 млн человек, необходимо набрать в поддержку инициативы не менее 100 000 голосов; на региональном и муниципальном необходимо набрать не менее 5% от численности зарегистрированного населения. Далее экспертной группой принимается решение о принимаемых мерах по реализации данной инициативы. Среди выявленных недостатков данной платформы следует отметить отсутствие контроля подсчёта полученных за инициативу голосов, наличие искусственно созданных инициатив и принятых по ним решений. Примером этого может служить инициатива «5 шагов: как поддержать граждан России и её экономику». Её содержание заключается в том, чтобы обеспечить выделение денежных средств на поддержку населения в период коронавирусной инфекции. Данная инициатива была опубликована для голосования уже после решения обозначенной в ней проблемы, так как она была размещена на портале 15 мая 2020 года, но, при этом, решение по данным мерам было принято Президентом России значительно раньше. Решением этого может служить анализ актуальности проблемы в период экспертизы.

Также необходимо отметить краудсорсинговые проекты тестирования. В рамках данного типа осуществляются процедуры проверки населением предоставляемых органами управления услуг и программ. Данные программы и услуги предварительно создаются органами власти для наиболее результативного управления регионами и государством в целом. В качестве объектов апробации в рамках данного типа краудсорсинга могут также выступать сайты и мобильные приложения. По итогам реализации краудсорсинга осуществляется оценивание представленной услуги или программы и последующий отбор наиболее востребованных среди населения. В процессе оценивания граждане имеют возможность предлагать свои предложения по поводу улучшения качества предоставляемых услуг.

Третий тип – краудсорсинг контроля, в рамках которого осуществляются функции надзора населением за качеством исполнения полномочий органами управления, соблюдения регламентов, наличия нарушений

нормативно-правовых актов. Данные платформы в значительной мере повышают степень информированности населения о том, каким образом осуществляют свою деятельность органы власти. Данные платформы создаются чаще всего оппозиционно настроенной частью регионов с целью раскрытия фактов нарушений со стороны органов власти и попытки их разоблачения. Общая технология данного типа краудсорсинга заключается в следующем: граждане направляют руководителям данных платформ информацию о существующих нарушениях, а руководители выкладывают данную информацию на открытую для всех пользователей платформу. При этом важной чертой данного типа стоит отметить наличие рейтингов органов власти или конкретных персон, составляемых на основе полученной от населения информации. Одним из минусов данных платформ стоит отметить наличие неподтверждённых фактов нарушений, многие предложенные обращения основываются на слухах и предположениях, что в дальнейшем может исказить реальную картину при ранжировании органов управления.

Набирает обороты популярность среди активных граждан краудсорсинговая платформа «100 городских лидеров» [1]. Цель данной платформы заключается в развитии городских сообществ для последующего вовлечения их в процесс совершенствования и улучшения городов. Данная площадка объединяет не только 150 000 обычных участников, но также в процесс реализации подключено более 1000 профессионалов в определённых областях, эксперты. В рамках данного проекта решаются следующие задачи:

- сбор идей и оценивание их силами экспертного сообщества;
- создание публичных баз знаний с указанием мнений известных экспертов и постоянное наполнение данных баз актуальной информацией;
- организация голосований за проекты и опросов среди населения городов;
- проведение конкурсных процедур;
- помощь участникам с проведением экспертизы заявок, которые подаются на конкурс.

По итогам отбирается 20 лучших заявок из 20 городов. По состоянию на март 2020 г. было отобрано 29 заявок из 600 на очный акселератор данной программы.

Перспективы развития краудсорсинга как формы диалога органов управления и общества

В настоящее время цифровые технологии активно проникают в сферу муниципального и государственного управления. Развитие цифровых технологий и Интернета определило проявление готовности и желания граждан быть участниками не только коммуникаций, но и различных процессов принятия социально-значимых решений, которые оказывают влияние на среду обитания и жизнь в целом [28, с.37]. Одним из ключевых трендов социального развития становится стремление населения к соучастию в управлении. Перед органами власти стоит задача оперативного внедрения и реализации цифровых технологий для обеспечения прозрачности и открытости собственной деятельности. В данном случае речь идёт о целенаправленной адаптации данных технологий для принятия наиболее результативных решений и создания условий для улучшения качества жизни населения, проживающего на определённой территории. Качество жизни населения объединяет в себе множество аспектов: от благоустройства окружающей среды до личной безопасности субъектов.

На сегодняшний день решение социально-значимых проблем в регионах страны может быть достигнуто только при помощи совместных усилий населения и органов власти. Для достижения общих целей необходимо выстраивание диалога и координация действий, создание условий для партнёрских отношений между обществом и властью. В данных условиях оптимальным вариантом решения указанной проблемы выступает создание в сети Интернет специализированных платформ, в рамках которых население и власть организуют диалог по вопросам наличия проблем и возможностях их решения.

Одним из инструментов формирования эффективного взаимодействия граждан и власти могут стать краудсорсинговые платформы обратной связи. Под краудсорсинговой платформой обратной связи органов власти с гражданами понимается площадка для интерактивного взаимодействия с органами власти в сети Интернет. Данные платформы открывают новые возможности для построения партнёрских отношений между властью и обществом, уменьшения уровня политической изоляции, совершенствования инклюзивных политических институтов, деэскалации протестной активности [23, с. 150]. Потенциально взаимодействие в формате деятельности цифровых платформ способствует повышению и поддержанию лояльности

населения, росту уровня доверия, увеличению прозрачности и открытости государственных услуг и их популяризации в общественных массах.

На сегодняшний день цифровые платформы эксплуатируются в рамках реализации пилотного проекта «Цифровая платформа обратной связи» Минкомсвязи России [17]. На первом этапе программы приняли участие 10 регионов страны. На официальных сайтах были размещены виджеты, которые позволяют гражданам направить жалобы в органы власти по различным вопросам, принять участие в голосованиях, опросах и общественных обсуждениях. По итогам первого этапа было проведено 780 опросов граждан, голосования по 135 объектам, поступило более 7100 обращений. Всего в рамках данного этапа приняло участие более 5000 граждан.

В настоящее время краудсорсинг применяются в различных областях жизнедеятельности человека. Касательно применения в рамках деятельности органов управления, краудсорсинг как технология генерации идей и предложений может быть применён в следующих направлениях:

- формирование задач и целей региональной политики;
- разработка методов выполнения, поставленных задач путём общественной экспертизы;
- разработка критериев оценки эффективности деятельности органов управления;
- контроль выполнения принятых органами управления решений;
- сбор, обработка, систематизация и анализ информации и данных в масштабе субъекта РФ;
- непосредственное участие населения в принятии решений существующих проблем;
- законотворческая деятельность и общественная экспертиза и других.

Для того, чтобы в ближайшем будущем увеличить эффективность реализации данной технологии, необходима целенаправленная трансформация инструментария краудсорсинга с сохранением базовых принципов, что позволит максимально результативно применять данную технологию при значительном снижении влияния существующих недостатков. Следует предположить, что краудсорсинг из сообщества заинтересованных любителей трансформируется в экспертное сообщество с обязательной ужесточённой системой регистрации. По мнению Ф.Н. Гурова принятие решений с привлечением экспертов является целесообразной мерой в условиях недостатка знаний у государственных служащих [20, с.

110]. В данном случае следует говорить о постепенной частичной или полной трансформации краудсорсинга в ноосорсинг. Ноосорсинг предполагает передачу функций, которые связаны с производством различных знаний сообществам, которые объединяют экспертов и профессионалов [37, с. 61]. Ноосорсинг отличается краудсорсинга тем, что его участники имеют подтвержденные обязательства и компетенции. В отличие от аутсорсинга, в ноосорсинге обязательства не являются формальными, мотивация участников базируется на нематериальных принципах, представительство членов не является репрезентативным. Основой для ноосорсинга служит экспертная сеть, которая, в свою очередь, выступает как среда экспертизы и создания новых знаний.

В рамках функционирования органов управления в ближайшем будущем возможна интеграция краудсорсинга и ноосорсинга. Подобное слияние будет способствовать минимизации существующих барьеров при увеличении общей результативности. В частности, новая технология будет объединять как профессионалов и экспертов определенной области, так и любителей. Привлечение толпы экспертов будет способствовать увеличению показателя общего качества принятых решений, любители будут способствовать увеличению количества представленных идей и участников.

При этом необходимым условием необходимо считать разделение экспертов и любителей в зависимости от степени сложности поставленной задачи. Например, в рамках сбора информации о существующих проблемах одну из важнейших ролей играет количество идей (обращений), в связи с этим, целесообразным будет участие именно любителей. При этом в рамках экспертизы законопроектов, выставленных на общественное обсуждение, наиболее важным является именно качество предложенных вариантов, поэтому в данном случае оптимальным является участие профессионалов. Результатом данной интеграции станет возможность применения компетенций и опыта экспертов при сохранении разнообразия представленных идей от любителей. При этом, нельзя не отметить необходимость наличия условий для перехода участника из группы любителей в профессионалы, и наоборот. Данный инструмент выполняет фильтрацию профессионалов, оставляя только наиболее результативных, служит дополнительным стимулом для любителей примкнуть к группе профессионалов, и, в целом, позволяет избежать стагнации проекта, делая его более динамичным. В связи с этим,

обязательным инструментом краудсорсинга станет независимое и открытое рейтингование участников и исполнителей.

Реализация краудсорсинговых проектов станет обязательным требованием для региональных и местных органов управления с непосредственной ресурсной поддержкой государства и размещением информации о данных проектах на официальных порталах органов власти. Результаты экспертного опроса показали наличие в рамках реализации краудсорсинговых проектов такой проблемы, как отсутствие узнаваемости у проектов, отсутствие рекламы. Учитывая слова Президента в начале 2020 года о необходимости развития данного сектора, реализации проекта «Цифровая платформа обратной связи», который реализуется под контролем Минкомсвязи РФ, стоит предположить, что в ближайшем будущем со стороны государства будут предприняты значительные меры по внедрению краудсорсинга в деятельность органов управления. Степень заинтересованности и регулярность организационно-управленческой поддержки со стороны государственных и региональных властных структур оказывают значительное влияние на дальнейшее развитие краудсорсинговых проектов.

Конечно, стоит предположить, что будет создано большое количество краудсорсинговых платформ искусственно, учитывая директивы вышестоящего руководства. В данных проектах учитываться реальные потребности населения не будут, идея открытого и прямого диалога между населением и органами власти будет отходить на второй план. Подобные платформы не будут долгосрочными, интерес к их реализации исчезнет по истечению относительно короткого промежутка времени.

При этом наличие возрастающего внимания со стороны государства к функционированию краудсорсинговых проектов наводит на мысль о том, что в ближайшем будущем подобные проекты получают дополнительное финансирование государственных средств. Наличие дополнительных финансовых вливаний обеспечит возможность дополнительной рекламы данным проектам. Активное освещение практики краудсорсингового проекта в местных и региональных СМИ обеспечит привлечение новых участников [22, с. 99]. Учитывая внимание к данному направлению, стоит предположить, что одним из условий создания новых платформ станет необходимость размещения информации о них на официальных порталах регионов, что станет дополнительным фактором привлечения новых участников. Помимо этого, данная реклама должна включать в себя обучающие

сведения, обеспечивающие подготовку и обучение активистов работе на платформах подобного типа. Также необходимо размещение методических и методологических материалов, которые разъясняют доступным языком широким кругам населения сущность краудсорсинга, его принципы и ключевые особенности. Данные материалы должны быть ориентированы не только на население региона, но и сотрудников органов управления.

Финансирование также будет способствовать увеличению возможностей органов управления в области решения проблем, на которые ранее не было средств, что также обеспечит приток новых участников и увеличит общую результативность проекта. Выделение дополнительного финансирования приведёт к необходимости организации обязательного контроля функционирования данных краудсорсинговых платформ «сверху» и целевого использования финансовых вливаний. Данный фактор потенциально должен обеспечить отсутствие искусственно созданных платформ. При сохранении интереса государства к данному направлению в течение продолжительного времени возможно создание и результативная реализация краудсорсинговых платформ во всех регионах Российской Федерации, что обеспечит электронному участию граждан в деятельности органов управления выйти на качественно новый уровень.

Учитывая ранее сказанное, целесообразно предположение, что переход от традиционных форм диалога с населением к краудсорсингу приведёт к структурным изменениям в органах управления. Создание отдела краудсорсинга и современных информационно-коммуникационных технологий, который подчинялся бы непосредственно главе субъекта РФ, обусловлено необходимостью организации эффективного управления, персонализации ответственности за реализацию краудсорсинга, распределения труда в рамках действующей структуры органа управления. Созданный отдел способен перераспределить ответственность, взяв на себя часть полномочий таких отделов, как отдел информации и общественных связей, отдел по работе с обращениями граждан, отдел контроля благоустройства, отдел организации проектной деятельности и других. Особое внимание следует обратить на то, что в ближайшие годы данный отдел имеет потенциал полностью заменить отдел по работе с обращениями граждан, учитывая тенденции по переходу населения в диалог режиме «онлайн» и развития информационно-коммуникационных технологий. Также особое влияние на потенциальный рост внимания к краудсорсингу

может оказать эпидемия коронавируса, которая определила необходимость социального дистанцирования и самоизоляции. Привычный для большинства населения порядок обращения в органы власти, предполагающий личное посещение здания органа власти, стал не доступен, в то время как краудсорсинг не ограничивает граждан временем и пространством, что делает данную технологию более удобной в применении.

Оптимальный состав отдела должен включать в себя специалиста по управлению инновационными проектами, специалиста-социолога, аналитика, IT-специалиста. Помимо этого, в качестве претендентов на должность в отдел краудсорсинга и современных информационно-коммуникационных технологий можно рассмотреть специалистов в области социальных технологий, социологии управления, связи с общественностью, социального проектирования, государственного и муниципального управления. Учитывая тот факт, что в настоящее время краудсорсинг и, в целом, отношения в рамках инновационных проектов никак не регламентированы в действующем законодательстве и не подразумевают заключение юридически обязывающих соглашений, целесообразной мерой в рамках созданного отдела станет принятие положения об отделе краудсорсинга и современных информационно-коммуникационных технологий, которое будет отражать компетенции и обязанности специалистов, зону их ответственности, все направления деятельности, роль и место отдела в структуре органов управления региона. Материальное обеспечение отдела возможно за счёт средств, полученных с перераспределения функционала отделов, указанных ранее.

Учитывая существующие проблемы краудсорсинговых платформ в органах управления, особое внимание стоит обратить на необходимость контроля не только в целом проекта, но и процессов, происходящих в рамках него. В частности, стоит предположить о том, что в создаваемых проектах будет обеспечено условие необходимости внедрения многосторонней системы контроля, которая предполагает многоуровневую фильтрацию предложений и идей со стороны органов управления и возможность открытой проверки данных всех процессуальных этапов для участников краудсорсинговой платформы. Чтобы поднять собственный имидж в глазах общественности новые краудсорсинговые платформы должны стать более открытыми для населения, возможность прямого вмешательства со стороны организаторов на итоговые результаты функционирова-

ния проектов должна быть исключена, должны быть признаны интеллектуальный капитал и потенциал населения.

В рамках контроля краудсорсингового проекта необходимо внедрение системы санкций для исполнителей, которая сформирована на основе рейтинга и качества реализации представленных предложений, что позволит увеличить степень персональной ответственности за решение поставленных задач. Целесообразно формирование 3 зон для исполнителей в зависимости от полученного ими рейтинга за определённый период. Если исполнитель попал в красную зону, то к нему применяются штрафные санкции, для исполнителей с наиболее высокими рейтингами (зелёная зона) должны быть разработаны дополнительные меры поддержки. Промежуточной стадией будет являться жёлтая зона, в которой будут находиться исполнители со средними показателями рейтинга. Данная система будет мотивировать исполнителей попасть в зелёную зону, избегая возможности попадания в красную, что положительно будет сказываться на функционировании всего проекта в целом.

Для максимально оперативной и качественной фильтрации присылаемых инициатив одним из оптимальных инструментов может выступить введение системы контроля регистрации участников. Доступ к возможностям краудсорсингового проекта будет открыт в зависимости от места проживания потенциальных участников. Например, на проекте, организованном для решения проблем города Москва, будет ограничен доступ для жителей других регионов.

Нельзя не отметить, что коммуникативный процесс в краудсорсинге является двусторонним, следовательно, его эффективность зависит от позиции обоих контрагентов. К сожалению, в настоящее время можно констатировать, что пока к нему в полной мере не готовы не только население, но и государственные структуры. Особое внимание следует обратить на оперативность коммуникации и принятия решений. Пользователям приходится ожидать ответа от государственных структур значительное время, в данном случае может теряться актуальность существующей проблемы. Одним из решений данной проблемы может выступить организация краудсорсинга в мессенджерах, что позволит улучшить показатель оперативности и доступности государственно-гражданского взаимодействия. Мессенджер представляет собой программу для быстрого общения неограниченного круга лиц, позволяющая систематизировать коммуника-

цию. Создание локальных чатов и супергрупп городских районов и муниципалитетов также станет единения населения, что позволит сократить сроки сбора информации и контроля над ней органами управления.

В рамках анализа возможного перехода к новой форме, нельзя не отметить необходимость изменения системы мотивации участников органами власти. Меры поддержки и вознаграждения участников не должны быть ограничены только лишь социальными мотивами, необходимо придать им материальный характер. Материальное стимулирование является одним из наиболее результативных и способствующих к привлечению участия населения мотивационным фактором. Именно условия участия граждан влияют на качество и количество привлекаемых участников, определяющих итоговые результаты. Потенциальное развитие краудсорсинговых проектов неизбежно приведёт к приобретению их массовости, и тогда встанет острый вопрос формирования целевой аудитории и удержания участников. Относительно сложно удержать пользователей, мотивация которых основана лишь не на материальных принципах, в связи с чем предлагается сделать особый акцент на материальном стимулировании наиболее положительно проявивших себя участников. К данным факторам следует отнести небольшие денежные вознаграждения, получения грантов, ценные подарки и призы и прочее. При этом при выборе поощрения необходима ориентация на взгляды и интересы целевой группы, на которую направлен краудсорсинговый проект. Полное исключение данных факторов из системы мотивации становится серьёзной угрозой для результатов реализации проектов. Ориентир исключительно на финансовое вознаграждение автоматически трансформирует краудсорсинг в аутсорсинг, ключевые принципы краудсорсинга исчезают на фоне найма за установленную сумму. Поэтому необходима комбинация и успешная интеграция всех мотивационных систем в краудсорсинговый проект, чтобы максимально использовать весь спектр существующих возможностей.

В масштабе Российской Федерации реализация краудсорсинга в секторе управления не только окажет влияние касательно экономического аспекта за счёт сокращения бюджетных расходов, но и даст определённый социальный эффект методом создания условий для развития гражданского общества. В данном случае следует говорить о гражданской активности населения, имеющего возможность оказывать непосредственное влияние на процесс принятия государственных решений. На региональном уровне резуль-

тативная реализация краудсорсинга может способствовать росту доверия населения к органам управления и принимаемым ими решениям.

Подводя итог, следует отметить, что результатом реализации краудсорсинга как инструмента диалога региональных органов управления с населением могут быть следующие предполагаемые результаты:

1. Формирование позитивного управленческого и политического имиджа органов власти;
2. Проведение общественной экспертизы может повысить общее качество нормативно-методических документов;
3. Формирование базы инновационных идей и решений;
4. Снижение бюджетных расходов как следствие применения коллективного разума;
5. Формирование базы экспертов определённых областей и включение их в кадровый резерв;
6. Сокращение сроков разработки документации и принятия политических решений.

Степень результативности краудсорсинга в деятельности органов управления в данный момент, учитывая количество вовлечённых людей, активность участников, уровень государственной поддержки и др., можно определить как среднюю относительно мировой практики применения. На фоне некоторых успешных региональных практик краудсорсинга выделяются серьезные недостатки в масштабе страны, среди которых особое место занимают разноплановость мнений органов управления и населения относительно роли друг друга в процессе принятия решений и низким уровнем взаимного доверия. Поддержка государства, изменение структурных особенностей реализации проектов и привлечение дополнительных финансовых средств позволит сделать краудсорсинг в качестве одной из ключевых технологий коммуникации населения и органов власти, объединившей взгляды населения и органов власти относительно решения общих задач и создавшей условия для внедрения инновационных инициатив в управление.

Новая форма краудсорсинга выступит в качестве инструмента для сотрудничества и кооперации власти и общества для решения общих задач, что является прекрасным шагом на пути к формированию доверительных, партнёрских отношений в государстве, исключающее социальное напряжение.

Литература

1. «100 городских лидеров» — обновленная платформа 100gorodov.ru начала работу // Новости краудсорсинга URL: <http://crowdnews.forsyth.ru/?p=1757> (дата обращения 12.03.2021).
2. Bennett L., Segerberg A. The logic of connective action. Digital media and the personalization of contentious politics. Cambridge: Cambridge University Press. 2013.
3. Bennett W. L., Segerberg A. Digital media and the personalization of collective action: Social technology and the organization of protests against the global economic crisis // Information, Communication & Society. 2011. №14.
4. Brady H., Verba S., Schlozman K.L. Beyond Ses: A Resource Model of Political Participation // American Political Science Review. 1995. №89(2).
5. Compston H. Policy Networks and Policy Change. Putting Policy Network Theory to the Test. New York: Palgrave Macmillan, 2009.
6. Dalton R.J., Sickle A.V., Weldon S. The individual-institutional nexus of protest behavior // British Journal of Political Science. 2009. №40.
7. Geiger D. Task Recommendation in Crowdsourcing Systems. Springer. 2016.
8. Gellner E. Conditions of Liberty: Civil Society and its Rivals. Allen Lane: Penguin. 1994.
9. Gil de Zuniga H., Jung N., Valenzuela S. Social media use for news and individuals' social capital, civic engagement and political participation // Journal of Computer-Mediated Communication. 2012. №17.
10. Gilbert E., Karahalios K. Predicting tie strength with social media. In CHI '09: Proceedings of the 27th annual SIGCHI conference on Human Factors in Computing Systems. New York, NY: ACM Press. 2009.
11. Haichao Zh, Dahui L., Wenhua H. Task Design, Motivation, and Participation in Crowdsourcing Contests // International Journal of Electronic Commerce. 2011. Vol. 15. Iss. 4.
12. Lovejoy K., Saxton G. D. Information, community, and action: How nonprofit organizations use social media // Journal of Computer-Mediated Communication. 2012. №17.
13. Papacharissi Z. A networked self: Identity, community, and culture on social network sites. NY: Routledge. 2010.
14. Russell D.J., van Sickle A. The Resource, Structural, and Cultural Bases of Protest.Center for the Study of Democracy (CSD) Working Pa-

pers.University of California URL: <http://escholarship.org/uc/item/3jx2b911> (дата обращения 15.02.2021).

15. Whitla P., Crowdsourcing and its applications in marketing activities // Contemporary Management Research. 2009. Vol. 5. No. 1.

16. Быхтин О.В. Мотивация к участию в краудсорсинговых проектах // Научный результат. Социология и управление. 2014. №1.

17. Второй этап опытной эксплуатации платформы обратной связи стартует в регионах с 1 августа// Новости. URL: <https://d-russia.ru/vtoroj-jetap-jekspluatacii-platformy-obratnoj-svjazi-startuet-v-regionah-s-1-avgusta.html> (дата обращения 21.10.2020).

18. Гайдукова Г.Н. Краудсорсинговый потенциал и барьеры его использования в практике муниципального управления // Управление городом: теория и практика. 2014. №2(13).

19. Головин Ю. А., Дан-Чин-Ю Е.Ю., Комаров О.Е. Развитие информационно-коммуникативных технологий в процессе взаимодействия органов региональной власти и общественных организаций // Вестник Забайкальского государственного университета. 2019. Т. 25. №9.

20. Гуров Ф.Н. Возможности краудсорсинга и геймификации в современной науке // Прорывные научные исследования как двигатель науки: сб. ст. Межд. науч.-практич. конф. Ч. 2. Уфа, АЭТЕРНА. 2018.

21. Добродел // Официальный сайт «Добродел». URL: <https://dobrodel.mosreg.ru/> (дата обращения 01.02.2021).

22. Исаев А.В. Технологии краудсорсинга в практике публичного управления // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. Т. 14. №6.

23. Камаев Р.А., Григорьева В.В. Качество государственных услуг малому бизнесу // Инновации и инвестиции. 2016. №11.

24. Коган Е. Краудсорсинг как фактор репутации // Проблемы теории и практики управления. Москва: Вектор развития. 2012.

25. Комаров М.М., Тестова А.Ю. Web 3.0 в сфере электронной коммерции // Бизнес-информатика. 2013. №2(24).

26. Комаров О. Е., Соколов А.В. Краудсорсинг в процессах гражданской кооперации // Материалы девярых Байкальских международных социально-гуманитарных чтений. Иркутск: Иркутский госуд. ун-т. 2016.

27. Лобова С.В., Долженко Р.А. Направления использования краудсорсинга для решения государственных и общественных задач в регионе // Рег. экон.: теория и практика. 2016. №2.

28. Майоров А.В. Цифровые технологии в управленческой деятельности: философско-антропологический и прикладной аспекты / А.В. Майоров, С.Г. Еремеева, А.М. Волкова, А.Д. Потапов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2019. №5.

29. Мирошниченко И В. Модернизационный потенциал краудсорсинга в современной публичной политике: российский опыт и зарубежные практики // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2011. Вып. №6. Том 4.

30. Нестик Т.А. Краудсорсинг как модель управления знаниями: социально-психологические особенности и ограничения // Экономические стратегии. 2014. №6-7.

31. Никовская Л.И, Якимец В.Н. Формирование и отстаивание общественных интересов в России: от «административной» к партнерской модели. // Полис. Политические исследования. 2015. №5.

32. Патаракин Е.Д. Продвижение социальных инноваций через общественное конструирование документов // Образовательные технологии и общество (Educational Technology & Society). 2012. №2(15).

33. Риски и возможности последствий пандемии COVID-19 для России // Агентство стратегических инициатив. URL: <http://kb.asi.ru/crowdsourcing-covid-19/> (дата обращения 13.01.2021).

34. Рябченко Н.А. Краудсорсинговые сети современной России: стохастический анализ акторов публичной политики. Социодинамика: методические и технологические вопросы изучения киберпространства. URL: <http://openbooks.ifmo.ru/ru/file/2226/2226.pdf> (дата обращения 20.01.2021).

35. Сапрыка В.А. Интерактивная модель разработки и реализации социально-экономических проектов и программ межрегионального приграничного сотрудничества // Региональная экономика. 2010. №47.

36. Сапрыка В.А., Счастливленко Т.В. Технология краудсорсинга в системе управления ресурсами региона // Современные проблемы науки и образования. 2014. №5.

37. Славин Б.Б. От краудсорсинга к ноосорсингу // Открытые системы. 2012. №1.

38. Соколов А.В. Краудсорсинг: новая технология гражданской кооперации // Социальный компьютеринг: основы, технологии развития, социально-гуманитарные эффекты. Москва: МГУ им. М.А.Шолохова. 2014.

References

1. «100 gorodskikh liderov» — obnovlennaya platforma 100gorodov.ru nachala rabotu // Novosti kraudsorsinga URL: <http://crowdnews.forsyth.ru/?p=1757> (data obrashcheniya 12.03.2021).
2. Bennett L., Segerberg A. The logic of connective action. Digital media and the personalization of contentious politics. Cambridge: Cambridge University Press. 2013.
3. Bennett W. L., Segerberg A. Digital media and the personalization of collective action: Social technology and the organization of protests against the global economic crisis // Information, Communication & Society. 2011. №14.
4. Brady H., Verba S., Schlozman K.L. Beyond Ses: A Resource Model of Political Participation // American Political Science Review. 1995. №89(2).
5. Compston H. Policy Networks and Policy Change. Putting Policy Network Theory to the Test. New York: Palgrave Macmillan, 2009.
6. Dalton R.J., Sickle A.V., Weldon S. The individual-institutional nexus of protest behavior // British Journal of Political Science. 2009. №40.
7. Geiger D. Task Recommendation in Crowdsourcing Systems. Springer. 2016.
8. Gellner E. Conditions of Liberty: Civil Society and its Rivals. Allen Lane: Penguin. 1994.
9. Gil de Zuniga H., Jung N., Valenzuela S. Social media use for news and individuals' social capital, civic engagement and political participation // Journal of Computer-Mediated Communication. 2012. №17.
10. Gilbert E., Karahalios K. Predicting tie strength with social media. In CHI '09: Proceedings of the 27th annual SIGCHI conference on Human Factors in Computing Systems. New York, NY: ACM Press. 2009.
11. Haichao Zh, Dahui L., Wenhua H. Task Design, Motivation, and Participation in Crowdsourcing Contests // International Journal of Electronic Commerce. 2011. Vol. 15. Iss. 4.
12. Lovejoy K., Saxton G. D. Information, community, and action: How nonprofit organizations use social media // Journal of Computer-Mediated Communication. 2012. №17.
13. Papacharissi Z. A networked self: Identity, community, and culture on social network sites. NY: Routledge. 2010.
14. Russell D.J., van Sickle A. The Resource, Structural, and Cultural Bases of Protest.Center for the Study of Democracy (CSD) Working Pa-

pers.University of California URL: <http://escholarship.org/uc/item/3jx2b911> (data obrashcheniya 15.02.2021).

15. Whitla P., Crowdsourcing and its applications in marketing activities // Contemporary Management Research. 2009. Vol. 5. No. 1.

16. Bykhtin O.V. Motivatsiya k uchastiyu v kraudsorsingovykh proektakh // Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie. 2014. №1.

17. Vtoroi etap opytnoi ekspluatatsii platformy obratnoi svyazi startuet v regionakh s 1 avgusta// Novosti. URL: <https://d-russia.ru/vtoroj-jetap-jekspluatatsii-platformy-obratnoj-svjazi-startuet-v-regionah-s-1-avgusta.html> (data obrashcheniya 21.10.2020).

18. Gaidukova G.N. Kraudsorsingovi potentsial i bar'ery ego ispol'zovaniya v praktike munitsipal'nogo upravleniya // Upravlenie gorodom: teoriya i praktika. 2014. №2(13).

19. Golovin Yu. A., Dan-Chin-Yu E.Yu., Komarov O.E. Razvitie informatsionno-kommunikativnykh tekhnologii v protsesse vzaimodeistviya organov regional'noi vlasti i obshchestvennykh organizatsii // Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. T. 25. №9.

20. Gurov F.N. Vozmozhnosti kraudsorsinga i geimifikatsii v sovremennoi nauke // Proryvnye nauchnye issledovaniya kak dvigatel' nauki: sb. st. Mezhd. nauch.-praktich. konf. Ch. 2. Ufa, AETERNA. 2018.

21. Dobrodel // Ofitsial'nyi sait «Dobrodel». URL: <https://dobrodel.mosreg.ru/> (data obrashcheniya 01.02.2021).

22. Isaev A.V. Tekhnologii kraudsorsinga v praktike publichnogo upravleniya // Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk. 2019. T. 14. №6.

23. Kamaev R.A., Grigor'eva V.V. Kachestvo gosudarstvennykh uslug malomu biznesu // Innovatsii i investitsii. 2016. №11.

24. Kogan E. Kraudsorsing kak faktor reputatsii // Problemy teorii i praktiki upravleniya. Moskva: Vektor razvitiya. 2012.

25. Komarov M.M., Testova A.Yu. Web 3.0 v sfere elektronnoi kommertsii // Biznes-informatika. 2013. №2(24).

26. Komarov O. E., Sokolov A.V. Kraudsorsing v protsessakh grazhdanskoj kooperatsii // Materialy devyatykh Baikal'skikh mezhdunarodnykh sotsi-al'no-gumanitarnykh chtenii. Irkutsk: Irkutskii gosud. un-t. 2016.

27. Lobova S.V., Dolzhenko R.A. Napravleniya ispol'zovaniya kraudsorsinga dlya resheniya gosudarstvennykh i obshchestvennykh zadach v regione // Reg. ekon.: teoriya i praktika. 2016. №2.

28. Maiorov A.V. Tsifrovye tekhnologii v upravlencheskoi deyatel'nosti: filosofsko-antropologicheskii i prikladnoi aspekty / A.V. Maiorov, S.G. Eremeeva, A.M. Volkova, A.D. Potapov // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2019. №5.

29. Miroshnichenko I V. Modernizatsionnyi potentsial kraudsorsinga v sovremennoi publichnoi politike: rossiiskii opyt i zarubezhnye praktiki // Problemnyi analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie. 2011. Vyp. №6. Tom 4.

30. Nestik T.A. Kraudsorsing kak model' upravleniya znaniyami: sotsial'no-psikhologicheskii osobennosti i ogranicheniya // Ekonomicheskie strategii. 2014. №6-7.

31. Nikovskaya L.I, Yakimets V.N. Formirovanie i otstaivanie obshchestvennykh interesov v Rossii: ot «administrativnoi» k partnerskoi modeli // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2015. №5.

32. Patarakin E.D. Prodvizhenie sotsial'nykh innovatsii cherez obshchestvennoe konstruirovaniye dokumentov // Obrazovatel'nye tekhnologii i obshchestvo (Educational Technology & Society). 2012. №2(15).

33. Riski i vozmozhnosti posledstviy pandemii COVID-19 dlya Rossii // Agentstvo strategicheskikh initsiativ. URL: <http://kb.asi.ru/crowdsourcing-covid-19/> (data obrashcheniya 13.01.2021).

34. Ryabchenko N.A. Kraudsorsingovye seti sovremennoi Rossii: stokhasticheskii analiz aktorov publichnoi politiki. Sotsiodinamika: metodicheskie i tekhnologicheskie voprosy izucheniya kiberprostranstva. URL: <http://openbooks.ifmo.ru/ru/file/2226/2226.pdf> (data obrashcheniya 20.01.2021).

35. Sapryka V.A. Interaktivnaya model' razrabotki i realizatsii sotsial'no-ekonomicheskikh proektov i programm mezhregional'nogo prigranichnogo sotrudnichestva // Regional'naya ekonomika. 2010. №47.

36. Sapryka V.A., Schastlivenko T.V. Tekhnologiya kraudsorsinga v sisteme upravleniya resursami regiona // Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya. 2014. №5.

37. Slavin B.B. Ot kraudsorsinga k noosorsingu // Otkrytye sistemy. 2012. №1.

38. Sokolov A.V. Kraudsorsing: novaya tekhnologiya grazhdanskoi kooperatsii // Sotsial'nyi komp'yuting: osnovy, tekhnologii razvitiya, sotsial'no-gumanitarnyye efekty. Moskva: MGGU im. M.A. Sholokhova. 2014.

Н.А. Антюшин

N. Antushin

**МАНИПУЛЯЦИЯ
НАБЛЮДЕНИЕМ:
АНАЛИЗ ЗАКЛЮЧЕНИЙ
МЕЖДУНАРОДНЫХ
МОНИТОРИНГОВЫХ
МИССИЙ НА ПРИМЕРЕ
КАМПАНИЙ В
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

**MANIPULATION OF
OBSERVATION: ANALYSIS
OF THE CONCLUSIONS
OF INTERNATIONAL
MONITORING MISSIONS
ON THE EXAMPLE
OF CAMPAIGNS
IN CENTRAL ASIA**

Аннотация

В статье аргументируется перспективность применения неформализованных методов анализа текста политического документа для оценки отчетов и заключений международных мониторинговых миссий на выборах на предмет их соответствия действующим стандартам наблюдения электоральных процессов. В качестве объекта анализа выбраны отчеты и заключения наблюдателей от ОБСЕ, Европейского союза, НАТО и структур СНГ, осуществлявших мониторинг выборов и референдумов в постсоветских странах Центральной Азии с 1994 по 2019 год. Процессы политической глобализации, к которым уместно отнести демократический транзит, затронувшие постсоветские государства, сформировали единое пространство с тождеством демократических ценностей и политических прав человека. Измерение состояния демократии предполагалось не только в рамках кабинетных исследований, но и включенным наблюдением, анализируя качество демократических институтов, в частности выборов и референдумов. Несмотря на наличие стандартов демократических выборов и наблюдения за электоральными процессами, синхронизированной договорами и обязательствами методологии проведения мониторинга, наблюдатели нередко давали диаметрально противоположные оценки итогов проводимых кампаний. Позднее распространение получили обвинения в предвзятости организа-

Abstract

The article argues for the prospects of using non-formalized methods of analysis of the text of a political document to assess the reports and conclusions of international monitoring missions in the elections for their compliance with the current standards of observation of electoral processes. Reports and conclusions of observers from the OSCE, the European Union, NATO and CIS structures monitoring elections and referendums in the post-Soviet countries of Central Asia from 1994 to 2019 were selected as the object of analysis. The processes of political globalization, which appropriately include democratic transit, affected the post-Soviet States, formed a single space with the identity of democratic values and political human rights. The measurement of the state of democracy was assumed not only within the framework of Desk studies, but also by the included observation, analyzing the quality of democratic institutions, in particular elections and referendums. Despite the existence of standards of democratic elections and observation of electoral processes, synchronized by treaties and obligations methodology of monitoring, observers often gave diametrically opposite assessments of the results of the campaigns. Later, accusations of bias of monitoring organizations, double standards, manipulation and falsification of surveillance became widespread. However, the tools to identify errors of observation and to ensure verification of the facts recorded by observers

ций, проводящих мониторинг, наличии двойных стандартов, манипуляциях и фальсификации наблюдения. Однако инструменты выявления ошибок наблюдения и обеспечения верификации фактов, отражаемых наблюдателями в отчетах, до настоящего времени отсутствуют. Согласно авторской позиции, использование таких методов анализа текста как контент- и интент-анализ могут содействовать обнаружению в текстах отклонение мониторами от соблюдения критериев «объективность» и «беспристрастность», пресечь практику двойных стандартов международного наблюдения за выборами и манипуляцию качеством и состоянием демократического процесса в конкретных странах, прежде всего расположенных в восточной Европе.

in the reports to date do not exist. According to the author's position, the use of such methods of text analysis as content and intent analysis can help to detect in the texts the deviation of monitors from compliance with the criteria of "objectivity" and "impartiality", to stop the practice of double standards of international election observation and manipulation of the quality and state of the democratic process in specific countries, primarily located East of Vienna.

Ключевые слова:

выборы, мониторинг, международное наблюдение, развитие демократии, электоральное манипулирование, СНГ, ОБСЕ, Центральная Азия.

Key words:

elections, monitoring, international observation, democracy development, electoral manipulation, CIS, OSCE, Central Asia.

На протяжении последних 30 лет избирательные кампании перестали выступать исключительно внутривнутриполитическим процессом. Распространение глобальных процессов, проблем и вызовов, типичных для разных политических систем, а также усиление общественно-политического запроса на повышение прозрачности большинства политических институтов и процессов обусловили широкое развитие международного наблюдения выборов и референдумов [21, с. 153]. Не последнюю роль в становлении мониторинга электоральных процессов играло расширение круга субъектов международных отношений, декларирующих приверженность универсальным и региональным нормативным актам и правовым режимам [6].

Вместе с тем на современном этапе все больше обнаруживается противоречий между организациями, специализирующимися на мониторинге электоральных процессов [9], а также подчас диаметрально противоположные оценки одной рассматриваемой избирательной кампаний. Подобные противоречия все чаще воспроизводятся в практике мониторинга выборов и предоставления электоральной поддержки, несмотря на наличие единых норм и стандартов наблюдения [3, с. 44]. Одним из маркеров, свидетельствующих о негласном и не объявленном конфликте ме-

жду субъектами наблюдения и предоставления электоральной поддержки [23, с. 164] выступают политические документы наблюдателей, обнаруженные в ходе и по прошествии выборов.

Целью статьи выступает оценка степени объективности наблюдателей, осуществлявших мониторинг выборов и референдумов в постсоветских странах Центральной Азии с момента первых избирательных кампаний в республиках после получения независимости до 2018 года. Предметом наблюдения выступают отчеты международных наблюдателей, представлявших евроатлантические (ПА ОБСЕ, ПАСЕ, ПА НАТО) межпарламентские структуры и межпарламентские структуры пространства СНГ. Выбор в пользу данных организаций обусловлен тем, что только они регулярно принимают участие в мониторинге электоральных процессов в регионе, по итогам которого представляются рекомендации, направленные на повышение соответствия избирательных кампаний международным и региональным стандартам демократических выборов.

Внимание к обозначенному региону продиктовано чрезвычайно высокой конкуренцией различных организаций за право обладания привлекательными условиями работы в данной точке мира, в первую очередь опираясь на сырьевую базу Центральной Азии и промышленный потенциал, равно как и логистические возможности, открывающиеся при развитии транспортных коридоров, связывающих Восток и Запад.

Опора на политические инструменты, в частности на мероприятия, связанные с проблематикой прав человека, к которым относятся вопросы мониторинга выборов и предоставление электоральной поддержки, способствует оказанию влияния на конфигурацию избираемых органов власти, а также признание итогов их трансформации [4, с. 20; 7, с. 17]. Примером данного факта является чрезмерное внимание наблюдателей к отдельным акторам политического процесса [10, с. 214], в первую очередь характеризующих себя оппозиционно настроенными к действующему режиму [16, с. 295]. Проследить соблюдение принципа беспристрастности наблюдателей и равного внимания ко всем участникам избирательного процесса можно в отчетах и заключениях международных мониторинговых миссий и групп.

Документы об итогах мониторинга — отчеты, заключения — не имеют юридической силы, а организации, осуществлявшие наблюдение, не обладают в большинстве случаев правом принуждения государств к им-

плементаций рекомендаций, изложенных в итоговых материалах наблюдателей [4, с. 168]. Однако эти документы и зафиксированные в них оценки кампании на предмет ее соответствия стандартам демократических выборов оказывают влияние на формирование у субъектов международных отношений позиций в отношении проведенных выборов — их справедливости, открытости, честности [5, с. 84]. Оценки наблюдателей, в первую очередь критика ими кампании за фальсификации и манипуляции, способны иметь мобилизующее воздействие для активных действий оппозиции, вплоть до участия в неконвенциональных формах протеста [14; 31].

Несмотря на отсутствие согласия в наблюдательском сообществе о критериях итоговой оценки проведенной кампании с учетом количества и качества недостатков, фиксируемые в отчетах оценки также влияют на отношение к легитимации результата волеизъявления и состояния избирательной системы государства, проводившего выборы, в международном сообществе [27].

Подготовка, публикация и тиражирование материалов о деятельности наблюдателей и итогах мониторинга избирательной кампании, оценки ее соответствия стандартам демократических выборов, имеют позитивное значение для устранения законодателями, органами администрирования выборов выявленных мониторами недостатков [12]. Наряду с этой возможностью соседствует упущение в виде перспективы использования документов об итогах мониторинга для манипуляции электоратом, субъектами международного права [13, с. 811]. Нередки случаи искажения в отчетах и заключениях фактов, изложение сведений, не поддающихся верификации [30, с. 348].

До настоящего момента так и не получила развития практика проверки фактологии, излагаемой мониторами [19, с. 356-357], равно как и не институционализировано наблюдение за наблюдателями. Актуальности исследованию добавляет также недостаточное внимание среди экспертов и представителей академической среды к проблеме двойственности природы наблюдения за выборами [18, с. 1833], выступающего одновременно и политическим институтом, и политической технологией, в том числе манипулятивного характера. Например, использование различного количества и интенционально окрашенных конструкций может неявно отражать предпочтение одному из участников избирательного процесса представителями организации, наблюдающей за выборами [31, с. 298].

Данное предположение опирается на кейс Питера Брока, выявившего в 1994 году преобладание информационных материалов в крупных западных СМИ, имевших антисербский характер, фактически содействовавших вводу миротворческих сил на территорию бывшей Югославии и началу военных действий.

Анализу природы легитимности международного наблюдения, оценки электоральных процессов, критике выявленных недостатков и формированию предложений по их устранению посвящены работы преимущественно американских исследователей (С. Хайд, Дж. Келли, М. Сволик и С. Черных и других). Немало исследовательского внимания вызывают аспекты имплементации национальными властями рекомендаций наблюдателей в рамках процесса предоставления электоральной помощи, а также возможных санкций за игнорирование данных предложений (М. Громпинг, Б. Лучиано, П. Мерло).

На протяжении последних пяти лет у исследователей оказываются востребованы вопросы «стоимости» сокрытия электоральных манипуляций и фальсификаций, проблемы халатности и подлога, распространяющиеся в сообществе электоральных экспертов и мониторов (К. Росс, Х. Шмеец, Т. Юкава, Е. Бакалова). Также находят распространение попытки кроссорганизационных исследований, направленные на анализ причин различий в оценках наблюдателей состояния электоральных процессов и эффективности программ электоральной помощи (Л. Бенстед, У. Даксекер).

В работах отечественных исследователей, специализирующихся на вопросах мониторинга электоральных процессов и предоставления помощи избирательным системам, преобладает сравнительно-правовой аспект и оценка эффективности правоприменительной практики субъектами избирательного процесса (В. Н. Лихачев, Е. В. Назарова). Распространение получают компаративные работы, в которых исследуются принципы функционирования и методология наблюдения различных мониторинговых организаций (И. Б. Борисов, А. В. Игнатов, А. Д. Мурзакулова). Незначительное количество исследований сконцентрировано на анализе семантических конструкций, используемых наблюдателями для фиксации состояния электоральных процессов [8, с. 170].

Именно неочевидные различия в конструкциях и словосочетаниях, используемых наблюдателями для обозначения элементов и акторов из-

бирательной кампании, противоречащих стандартам демократических выборов [1, с. 23], позволяют сформировать оценку о степени объективности, непредвзятости, профессионализма и компетентности миссий международного наблюдения и организаций, специализирующихся на мониторинговой деятельности [15].

При анализе отчетов и заключений на предмет соблюдения критерия объективности подхода к оценке избирательных процессов был применен качественный и количественный контент-анализ и интент-анализ. Исходная гипотеза предусматривала, что объективный отчет будет содержать нейтральные интенции и описательные конструкции элементов и акторов кампании, текст лишен каких-либо эмоционально окрашенных выражений, состоит из примерно равного количества словосочетаний, посвященных преимуществам и недостаткам электорального процесса, за исключением кампаний, итоги которой наблюдатели отказались признавать. Фактологической базой объективного отчета выступают официальные документы субъектов избирательного процесса, материалы предвыборной агитации и информационные продукты, распространяемые СМИ, то есть любые объекты, поддающиеся верификации и попадающие под критерии политического документа.

Результатом анализа стали две сравнительные таблицы, в которых отражено количественное соотношение нейтральных, позитивных и негативных суждений о состоянии электоральных процессов в странах СНГ в Центральной Азии, а также избирательных кампаниях. Подсчет интенционально окрашенных конструкций осуществлялся по разработанному словарю, куда включались наиболее используемые словосочетания и выражения в отчетах и заключениях международных групп наблюдения за выборами на русском и английском языках. Анализу подлежали выражения, характеризующие состояние законодательства о выборах и референдумах, деятельности избирательной администрации, разрешение электоральных споров и рассмотрение жалоб и обращений, условия для работы национальных и международных наблюдателей, проведения агитационной кампании и функционирования СМИ, а также обеспеченный уровень открытости и прозрачности избирательной кампании.

Согласно показателям, представленным в приложении 1, заметно, что наблюдатели от евроатлантических организаций скорее негативно оценивают качество электоральных процессов во всех странах Централь-

ной Азии, при этом соотношение позитивных конструкций к негативным в отдельных случаях достигает 1 к 7. Эта разница оказывается существенной на фоне нейтрально окрашенных конструкций, что свидетельствует о перекосе позиций наблюдателей в сторону критики избирательного процесса. Обнаруживается, что нейтрально окрашенные выражения, которые должны преобладать в отчетах и заключениях как документах, выдерживаемых в описательной стилистике и направленных на констатацию и изложение фактов.

В документах, подготавливаемых наблюдателями от СНГ, скорее прослеживается перекося в сторону позитивно окрашенных конструкций, отражающих оценку состояния электорального поля анализируемых стран. Из приложения 2 заметно, что наибольшее количество упоминаний, свидетельствующих о соответствии избирательных процессов универсальным и региональным стандартам демократических выборов, встречается в документах по итогам мониторинговых мероприятий в Казахстане. Вместе с тем наибольшее количество недостатков в избирательном процессе зафиксировано в отчетах о наблюдении электоральных кампаний в Кыргызстане. Однако в целом большинство конструкций в отчетах и заключениях наблюдателей от СНГ были определены в качестве нейтрально окрашенных интенций.

Источники и материалы, на которые ссылаются в отчетах наблюдатели от СНГ, поддаются верификации, а словосочетания выдержаны в стилистике, используемой в официальных политических документах. Упоминания об устранении законодателями страны, проводящей выборы, замечаний, ранее выявленных наблюдателями, а также обнаруженных недостатках, четко структурированы по тексту, образуя самостоятельные подразделы. Для отчетов мониторов от структур СНГ характерно соблюдение в итоговых документах о наблюдении баланса критики и поддержки органов администрирования выборов, что позволяет исключить подозрения к критической ориентации отчета и симпатизации наблюдателей одному из субъектов избирательного процесса.

Тексты отчетов и заключений, публикуемых мониторинговыми миссиями от евроатлантических организаций, менее структурированы в части фиксации позитивных и негативных аспектов избирательного процесса. Несмотря на то, что официальными отчетами являются документы, размещаемыми на английском языке, специфику используемого стиля вряд

ли можно списать на языковые различия. Использование авторами отчетов различных оговорок, примечаний и уточнений (например, таких выражений как «несмотря на изменения», «вопреки ожиданиям», «с сожалением отмечая» и иные) затрудняют однозначную идентификацию интенциональной окраски конструкции, по большей части давая представление о незавершенности изменений или значительное отличие от результата, который представляли себе эксперты международных структур. Отдельные словосочетания содержат оценочные суждения и эмоциональную окраску, что недопустимо в документе, основным критерием которого является объективность, а авторы позиционируют себя как неангажированные профессионалы.

Дополнительного внимания требует практика рефрена — напоминание в разных частях отчета или заключения словосочетаний, преимущественно относящихся к критическим пассажам, использованных ранее по тексту. Таким образом за счет неоднократных повторов концентрируется внимание стороны, знакомящейся с документом, на проблемах электорального пространства, а недостатки не всегда ранжированы по частоте или степени противоречия стандартам демократических выборов. С обозначенными аспектами, влияющими на пропорциональное соотношение интенционально окрашенных конструкций, соседствует практика «подмечаний» - напоминание в отчетах и заключениях о неустраненных недостатках, а также фактах уклонения от обращения в международные организации (например, в Европейскую комиссию за демократию через право - «Венецианскую комиссию» или БДИПЧ ОБСЕ) при реформировании нормативной базы о выборах или любых изменениях, затрагивающих избирательную систему. Подобные замечания характеризуются международными наблюдателями от евроатлантических организаций как «упущенная возможность», упоминается в связке с конструкциями, указывающими на недостатки электорального процесса, увеличивая долю негативных интенций в структуре политического документа.

Различия, связанные с соотношением интенций, используемых в документах об итогах наблюдения избирательных процессов, крайне редко выходят на первый план при обсуждении вопросов объективности и профессионализма организаций, специализирующихся на мониторинговой деятельности [2, с. 37]. Дискуссии представителей разных организаций прежде всего сконцентрированы на вопросах методологических различий

и противоречий в организации подхода к наблюдению, отбора случаев для мониторинга и специфики работы непосредственно в день проведения голосования [28, с. 413; 16, с. 81]. Неоспоримо, что организационные особенности сказываются на специфике работы мониторов и публикуемых ими материалов. Однако весьма сомнительно, что в рамках подготовки документов к публикации лицами, ответственными за разработку материалов, уделяется внимание балансу словосочетаний позитив-негатив, за исключением кампаний, отличающихся исключительной чистотой или масштабными фальсификациями, а также их соотношению с нейтральными конструкциями. Специфика работы наблюдателей, ответственных за разработку отчетных документов, связана с необходимостью структурирования наблюдавшихся фактов в зависимости от субъекта кампании [26, с. 15]; [24, с. 408], а также стилистической выверкой материала в соответствие с критериями, предъявляемыми к официальному политическому документу. Таким образом уместна констатация факта того, что глубокий анализ политического документа «отчет, заключение группы международного наблюдения» игнорируется при оценке степени объективности работы мониторов и для разработки мероприятий по синхронизации усилий различных организаций в области электоральной экспертизы.

Обозначенные латентные признаки указывают на развитие международного наблюдения как манипулятивной технологии в пользу поддержки оппозиционных сил и дискредитации действующей власти посредством кейса «избирательная кампания». Данная тенденция негативно отражается на восприятии работы наблюдателей — все чаще как предвзятых субъектов, ориентированных исключительно на вскрытие недостатков и критику избирательного процесса [26, с. 12], а также готовности государств взаимодействовать с иностранными акторами по вопросам поддержки избирательных систем.

Преодоление существующих дисфункций в деятельности миссий и групп международного наблюдения не может осуществляться в рамках актуальных дискуссий о вызовах избирательным системам, внедрения достижений технологического процесса и модернизации электоральных стандартов [20; 25]. Вопрос объективности электоральных экспертов и применяемого ими методологического аппарата, относится к категории основополагающих положений о деятельности международных наблюда-

телей. Таким образом следует говорить о ревизии международных избирательных стандартов и гармонизации локальных стандартов демократических выборов. При этом ревизия стандартов [11, с. 885] не является революционной мерой — их пересмотр и обновление осуществляются совместно с обретением устойчивого характера новаций электорального процесса. К примеру, в 2000-е и годы корректировка международных стандартов была связана с распространением практики электронного и дистанционного голосования, а в настоящее время диктуется трендом усиления роли новых медиа и средств коммуникации в избирательных кампаниях [29, с. 173].

В качестве вывода уместно рассмотреть ряд предложений, направленных на преодоление дефицита объективности в международном наблюдении электоральных процессов и решения вопроса «Кто наблюдает за наблюдателями».

К перспективным ревизионным мерам, связанным с деятельностью международных наблюдателей, могут быть отнесены следующие положения:

1. Пересмотр инструментария, используемого мониторинговыми миссиями, и закрепление положения об обнародовании информации о нем в отчетных документах с целью обоснования мониторами особенностей процедур сбора и обработки фактологического материала.

2. Определение перечня сфер и акторов избирательного процесса, выступающих объектом наблюдения для оперирования едиными переменными. С этим аспектом должно быть сопряжено стремление к максимальному сближению или стандартизации отдельных мониторинговых процедур и документации, к которой следует отнести опросники и листки учета, заполняемые на избирательных участках, некоторые виды отчетов, например, материалы, обнародуемые наблюдателями в конце дня голосования. Деятельность наблюдателей не связана с применением негласных методов сбора фактологического материала и должна быть верифицируема для проведения вторичного анализа данных. Законодательства многих стран позволяют наблюдателям обращаться в правоохранительные органы для пресечения возможных фальсификаций и изучения фактов манипуляций [17, с. 405], что требует от мониторов соблюдения требований к публикации выходных данных источника получения информации.

3. Установление института «супернаблюдателей», которые будут осуществлять надзор за самими наблюдателями. В условиях априорного

восприятия мониторов как профессионалов, строго соблюдающих требования, предъявляемые к осуществлению ими наблюдательной деятельности, обнаруживаются примеры спекуляции наблюдателями своим статусом и положением [22]. Кодексы поведения наблюдателей не получили должного распространения и не оказывают останавливающего воздействия на необъективные мониторы. Для преодоления данного пробела представляется уместным формирование для каждой избирательной кампании временных групп «супернаблюдателей», в которые будут входить один-два представителя от каждой организации, специализирующейся на мониторинговой деятельности. К полномочиям «супернаблюдателей» может относиться координация мониторов в представителях избирательной администрации, проверка условий, создаваемых на субъектах избирательного процесса «наблюдатели», а также реагирование на сигналы о нарушении их прав иными участниками электорального пространства или нарушения самими мониторами законодательства и этических принципов.

Подытоживая вышеизложенные аргументы, факты и предложения, допустимо характеризовать неформализованные методы анализа текста документов как наиболее релевантные для оценки степени объективности и неангажированности наблюдателя и мониторинговой миссии в целом. Возможности контент- и интент-анализа являются достаточными для исследования политического документа «отчет» или «заключение группы/миссии международного наблюдения выборов и референдумов» для оценки степени объективности деятельности электоральных мониторов в целом и применительно к конкретным регионам. Мало востребованный на актуальном этапе глубинный анализ данных документов может обеспечить сближение подходов различных международных организаций к мониторингу электоральных процессов, методологий, а также достичь консенсуса по вопросу о форме и качественном наполнении отчетных материалов по результатам наблюдения избирательных кампаний. Обозначенная задача имеет значение для повышения профессионализма международных наблюдателей, объективности их деятельности и оперирования едиными или максимально схожими критериями и показателями оценки избирательных кампаний на предмет их соответствия региональным и универсальным стандартам демократических выборов.

Таблица 1. Соотношение интенций, употребленных наблюдателями и экспертами евроатлантических организаций (ОБСЕ, НАТО, ПАСЕ) при анализе электоральных пространств государств Центральной Азии (на примере политических документов, связанных с мониторингом избирательных процессов)

	Позитивные конструкции	Негативные конструкции	Нейтральные конструкции
Казахстан	194	744	952
Кыргызстан	234	633	556
Таджикистан	69	385	653
Туркменистан	31	149	249
Узбекистан	60	298	185

Таблица 2. Соотношение интенций, употребленных наблюдателями и экспертами СНГ при анализе электоральных пространств государств Центральной Азии (на примере политических документов, связанных с мониторингом избирательных процессов)

	Позитивные конструкции	Негативные конструкции	Нейтральные конструкции
Казахстан	137	69	499
Кыргызстан	74	81	504
Таджикистан	62	22	235
Туркменистан	77	0	89
Узбекистан	99	20	326

Литература

1. Борисов И.Б., Игнатов А.В. БДИПЧ ОБСЕ В Действии. 25 лет наблюдения за наблюдателями. Москва: Российский общественный институт избирательного права, 2017.
2. Борисов И.Б., Головин А.Г., Игнатов А.В. Выборы в мире: международное наблюдение. Санкт-Петербург: ИВЭСЭП, 2015.
3. Гришин Н.В. Развитие международных избирательных стандартов: что дальше? // Политическая наука. 2019. №1.
4. Егоров С.Н. Международные избирательные стандарты: понятие, форма закрепления, значение для России // Вестник РУДН. Сер. Юридические науки. 2011. №4.
5. Завадская М.А., Бедерсон В.Д. Кто и как оценивает выборы: особенности экспертного опроса качества региональных выборов 13 сентября 2015 года в России // Мир России. 2018. №3.
6. Лихачев В.Н. Электоральный выбор России URL: <https://interaffairs.ru/news/show/19739> (дата обращения 18.11.2020).
7. Морозова О.С. Политика Содружества наций в сфере организации и проведения выборов // Выборы: теория и практика. 2019. №1(49).
8. Мурзакулова А.Д. Изобретение легитимности: влияние межпарламентских институтов СНГ на постсоветский парламентаризм // Центральная Азия и Кавказ. 2014. Т.17. Вып. 3.
9. Назарова Е.В. Институт международного наблюдения на выборах: актуальные вопросы эффективности. URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1251852> (дата обращения 18.01.2020).
10. Наумов А.О. Роль неправительственных организаций в «цветных революциях» // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. №71.
11. Bazarova G.S. International Legal and National Legal Regulation of Participation of Political Parties and Citizens in the Election Process / M. Badanova, G. Baldimbekova, R. Smagulova, R. Boragarin, K.Musin // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2018. Vol. 9(3(33)).
12. Benstead L.J., Kao K., Does it Matter What Observers Say? The Impact of International Election Monitoring on Legitimacy/ Social Science Research

Network. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3180219 (дата обращения 12.02.2020).

13. Bleck J., Logvinenko I. Weak states and uneven pluralism: lessons from Mali and Kyrgyzstan // *Democratization*. 2018. Vol.25(5).

14. Borzyskowski I., The Risks of Election Observation: International Condemnation and Post-Election Violence, *International Studies Quarterly*. URL: <https://doi.org/10.1093/isq/sqz024> (дата обращения 05.07.2020).

15. Bush, S. S., Prather, L. Who's There? Election Observer Identity and the Local Credibility of Elections. // *International Organization*. 2018. Vol. 72(03).

16. Daxecker U. Election monitoring: the implications of multiple monitors for electoral integrity / U. Daxecker, G. Schneider, P. Norris (eds.), R. W. Frank (eds.), F. Martinez I Coma (eds.); *Advancing Electoral Integrity*. Oxford University Press, 2014.

17. Gromping M. Domestic Election Monitoring and Advocacy: An Emerging Research Agenda // *Nordic Journal of Human Rights*. 2017. Vol. 35(4).

18. Isaacs R. The micro-politics of norm contestation between the OSCE and Kazakhstan: square pegs in round holes // *Third World Quarterly*. 2018. Vol. 39.

19. Knott E. Perpetually "partly free": lessons from post-soviet hybrid regimes on backsliding in Central and Eastern Europe // *East European Politics*. 2018. Vol. 34.

20. Lebanidze B. Direct external influence: Elections in the post-Soviet states. In: *Russia, EU and the Post-Soviet Democratic Failure. Vergleichende Politikwissenschaft*. Springer VS, Wiesbaden. URL: link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-658-26446-8_9 (дата обращения 15.10.2020).

21. Luo Z., Rozenas A. The Election Monitor's Curse // *American Journal of Political Science*. 2018. Vol. 62(1).

22. Magnes, E. Electoral Tourism, Normative Power or Instrumentalised Practice? European Union Election Observation Missions in Africa // *Undergraduate Journal of Politics and International Relations*. 2019. URL: <http://doi.org/10.22599/ujpir.13> (дата обращения 18.10.2020).

23. Marchesano F. Election Observation as a Part of Contention between the Russian Federation and ODIHR. *OSCE Yearbook 2014*. Baden-Baden, 2015.

24. Merloe P. Election Monitoring Vs. Disinformation // Journal of Democracy. 2015. Vol.26(3).

25. Nelson D., Hyde S., Kelley J. The Elusive Sources of Legitimacy Beliefs: Civil Society Views of International Election Observers / Daniel Nielson. Professor of Political Science, BYU. URL: <http://danielnielson.com/wp-content/uploads/2018/10/Nielson-et-al.2018.Legitimacy-and-election-observation.pdf> (дата обращения 23.12.2020).

26. Rod E.G. Fraud, grievances, and post-election protests in competitive authoritarian regimes // Electoral Studies. 2019. Vol. 58.

27. Sasetti F. Social Media and Crowdsourced Election Monitoring: Prospects for Election Transparency in Sub-Saharan Africa // Politikon: The IAAPS Journal of Political Science. 2019. Vol.42.

28. Svulik M., Chernyh S. Third-Party Actors and the Success of Democracy: How Electoral Commissions, Courts, and Observers Shape Incentives for Electoral Manipulation and Post-Election Protests // Journal of Politics. 2015. Vol. 77. №2.

29. Tambini D. Social Media Power and Election Legitimacy // Digital dominance: the power of Google, Amazon, Facebook, and Apple. New York: Oxford University Press, 2018. URL: http://eprints.lse.ac.uk/87370/1/Tambini_Digital%20Dominance.pdf (дата обращения 15.04.2020).

30. Vollan K. International Election Observation and Standards for Systems of Representation: A Critical View // Nordic Journal of Human Rights. 2017. Vol. 35. Issue 4.

31. Yukawa T. Why Election Monitoring Does Not Always Lead to Democratization: from the Perspective of Information on the International Standards of Electoral Integrity // Japanese journal of political science. 2018. Vol. 19(2).

References

1. Borisov I.B., Ignatov A.V. BDIPCh OBSE V Deistvii. 25 let nablyudeniya za nablyudatelyami. Moskva: Rossiiskii obshchestvennyi institut izbiratel'nogo prava, 2017.
2. Borisov I.B., Golovin A.G., Ignatov A.V. Vyборы v mire: mezhdunarodnoe nablyudenie. Sankt-Peterburg: IVESEP, 2015.
3. Grishin N.V. Razvitie mezhdunarodnykh izbiratel'nykh standartov: chto dal'she? // Politicheskaya nauka. 2019. №1.
4. Egorov S.N. Mezhdunarodnye izbiratel'nye standarty: ponyatie, forma zakrepleniya, znachenie dlya Rossii // Vestnik RUDN. Ser. Yuridicheskie nauki. 2011. №4.
5. Zavadskaya M.A., Bederson V.D. Kto i kak otsenivaet vyборы: osobennosti ekspertnogo oprosa kachestva regional'nykh vyborov 13 sentyabrya 2015 goda v Rossii // Mir Rossii. 2018. №3.
6. Likhachev V.N. Elektoral'nyi vybor Rossii URL: <https://interaffairs.ru/news/show/19739> (data obrashcheniya 18.11.2020).
7. Morozova O.S. Politika Sodruzhestva natsii v sfere organizatsii i provedeniya vyborov // Vyборы: teoriya i praktika. 2019. №1(49).
8. Murzakulova A.D. Izobretenie legitimnosti: vliyanie mezhpapamentalskikh institutov SNG na postsovetskii paplamentarizm // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. 2014. T.17. Vyp. 3.
9. Nazarova E.V. Institut mezhdunarodnogo nablyudeniya na vyborakh: aktual'nye voprosy effektivnosti. URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1251852> (data obrashcheniya 18.01.2020).
10. Naumov A.O. Rol' nepravitel'stvennykh organizatsii v «tsvetnykh revolyutsiyakh» // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik. 2018. №71.
11. Bazarova G.S. International Legal and National Legal Regulation of Participation of Political Parties and Citizens in the Election Process / M. Badanova, G. Baldimbekova, R. Smagulova, R. Boragarin, K.Musin // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2018. Vol. 9(3(33)).
12. Benstead L.J., Kao K., Does it Matter What Observers Say? The Impact of International Election Monitoring on Legitimacy/ Social Science Research Network. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3180219 (data obrashcheniya 12.02.2020).

13. Bleck J., Logvinenko I. Weak states and uneven pluralism: lessons from Mali and Kyrgyzstan // *Democratization*. 2018. Vol.25(5).

14. Borzyskowski I., The Risks of Election Observation: International Condemnation and Post-Election Violence, *International Studies Quarterly*. URL: <https://doi.org/10.1093/isq/sqz024> (data obrashcheniya 05.07.2020).

15. Bush, S. S., Prather, L. Who's There? Election Observer Identity and the Local Credibility of Elections. // *International Organization*. 2018. Vol. 72(03).

16. Daxecker U. Election monitoring: the implications of multiple monitors for electoral integrity / U. Daxecker, G. Schneider, P. Norris (eds.), R. W. Frank (eds.), F. Martinez I Coma (eds.); *Advancing Electoral Integrity*. Oxford University Press, 2014.

17. Gromping M. Domestic Election Monitoring and Advocacy: An Emerging Research Agenda // *Nordic Journal of Human Rights*. 2017. Vol. 35(4).

18. Isaacs R. The micro-politics of norm contestation between the OSCE and Kazakhstan: square pegs in round holes // *Third World Quarterly*. 2018. Vol. 39.

19. Knott E. Perpetually "partly free": lessons from post-soviet hybrid regimes on backsliding in Central and Eastern Europe // *East European Politics*. 2018. Vol. 34.

20. Lebanidze B. Direct external influence: Elections in the post-Soviet states. In: *Russia, EU and the Post-Soviet Democratic Failure*. *Vergleichende Politikwissenschaft*. Springer VS, Wiesbaden. URL: link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-658-26446-8_9 (data obrashcheniya 15.10.2020).

21. Luo Z., Rozenas A. The Election Monitor's Curse // *American Journal of Political Science*. 2018. Vol. 62(1).

22. Magnes, E. Electoral Tourism, Normative Power or Instrumentalised Practice? European Union Election Observation Missions in Africa // *Undergraduate Journal of Politics and International Relations*. 2019. URL: <http://doi.org/10.22599/ujpir.13> (data obrashcheniya 18.10.2020).

23. Marchesano F. Election Observation as a Part of Contention between the Russian Federation and ODIHR. *OSCE Yearbook 2014*. Baden-Baden, 2015.

24. Merloe P. Election Monitoring Vs. Disinformation // *Journal of Democracy*. 2015. Vol. 26(3).

25. Nelson D., Hyde S., Kelley J. The Elusive Sources of Legitimacy Beliefs: Civil Society Views of International Election Observers / Daniel Nielson.

Professor of Political Science, BYU. URL: <http://danielnielson.com/wp-content/uploads/2018/10/Nielson-et-al.2018.Legitimacy-and-election-observation.pdf> (data obrashcheniya 23.12.2020).

26. Rod E.G. Fraud, grievances, and post-election protests in competitive authoritarian regimes // *Electoral Studies*. 2019. Vol. 58.

27. Sasetti F. Social Media and Crowdsourced Election Monitoring: Prospects for Election Transparency in Sub-Saharan Africa // *Politikon: The IAAPS Journal of Political Science*. 2019. Vol. 42.

28. Svulik M., Chernyh S. Third-Party Actors and the Success of Democracy: How Electoral Commissions, Courts, and Observers Shape Incentives for Electoral Manipulation and Post-Election Protests // *Journal of Politics*. 2015. Vol. 77. №2.

29. Tambini D. *Social Media Power and Election Legitimacy* // *Digital dominance: the power of Google, Amazon, Facebook, and Apple*. New York: Oxford University Press, 2018. URL: http://eprints.lse.ac.uk/87370/1/Tambini_Digital%20Dominance.pdf (data obrashcheniya 15.04.2020).

30. Vollan K. International Election Observation and Standards for Systems of Representation: A Critical View // *Nordic Journal of Human Rights*. 2017. Vol. 35. Issue 4.

31. Yukawa T. Why Election Monitoring Does Not Always Lead to Democratization: from the Perspective of Information on the International Standards of Electoral Integrity // *Japanese journal of political science*. 2018. Vol. 19(2).

НАШИ АВТОРЫ

АВЦИНОВА Галина Ивановна – доктор философских наук, профессор Гуманитарного факультета, Российский государственный социальный университет (Москва, Россия).

Область научных интересов: политические партии, социальные сети.

AVTSINOVA Galina Ivanovna - Doctor of Philosophy, Professor of the Faculty of Humanities, Russian State Social University (Moscow, Russia).

Science interests: political parties, social networks, digitalization of politics.

E-mail: avtsinov@rambler.ru

SPIN-код: 6686-5697.

АНДРЕЕВ Антон Сергеевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Область научных интересов: история и политика стран Латинской Америки

ANDREEV Anton - PhD history, senior lecturer, Department of theory and history of international relations, Saint-Petersburg state university (Saint-Petersburg, Russia).

Science interests: history and policy of Latin America

E-mail: a.s.andreev@spbu.ru

SPIN-код: 7698-1970.

АНТЮШИН Николай Андреевич – аспирант факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Область научных интересов: выборы и избирательные системы, парламентаризм.

ANTUSHIN Nikolai – PhD student, Saint-Petersburg state university (Saint-Petersburg, Russia).

Science interests: elections and electoral systems, parliamentary system.

E-mail: antushin93@mail.ru

АРУТЮНОВ Антон Георгиевич – член Совета по региональному развитию Российской ассоциации политической науки (Москва, Россия).

Область научных интересов: гражданское общество.

ARUTYUNOV Anton - Member of the Council for Regional Development, Russian Association of Political Science (Moscow, Russia).

Science interests: civil society.

e-mail anton.arutyunov.98@mail.ru

SPIN-код: 8069-2108.

БУЧНЕВ Евгений Владимирович – специалист, Росстат (Москва, Россия).

Область научных интересов: политические партии, социальные сети.

BUCHNEV Evgeny - specialist, Rosstat (Moscow, Russia).

Science interests: political parties, social networks, digitalization of politics.

E-mail: kloyzze@gmail.com

SPIN-код: 2085-9310.

ГРИШИН Олег Евгеньевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа и управления, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия).

Область научных интересов: политическая система, политические решения.

GRISHIN Oleg – PhD in Political Science, Associate Professor, Department of Policy Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia).

Science interests: political system, policy decision.

E-mail: grishin_oe@pfur.ru

SPIN-код: 1572-4533.

ДОНАЙ Лукаш – доктор политических наук, профессор, Познаньский государственный университет им. Адама Мицкевича (Познань, Польша).

Область научных интересов: политический имидж, политические институты, власть.

DONAJ Lukasz - Doctor of Political Science, Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poznan, Poland),

Science interests: political image, political institutions, power.

E-mail: lukasz.donaj@amu.edu.pl

SPIN-код: 5746-1581.

ЗАХАРОВ Сергей Михайлович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры философии и социальных наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (Елец, Россия)

Область научных интересов: молодежная политика, политические процессы, политический протест.

ZAKHAROV Sergey – PhD in Political Science, lecturer department of philosophy and social Sciences, Yelets state university (Yelets, Russia).

Science interests: youth policy, political processes, political protest.

E-mail: zakharov1201@rambler.ru

SPIN-код: 1889-4136.

КОМАРОВ Олег Евгеньевич – аспирант кафедры социально-политических теорий, Ярославский государственный университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия).

Область научных интересов: гражданское общество.

KOMAROV Oleg – PhD student of the Department socio-political theories, Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russia).

Science interests: civil society.

E-mail: oleg93komarov@mail.ru

SPIN-код: 7773-1044.

НЕСТЕРЧУК Ольга Алексеевна – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (Москва, Россия).

Область научных интересов: гражданское общество.

NESTERCHUK Olga – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Political Science and Political Management, RANEPA under the President of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Science interests: civil society.

E-mail: nesterchuk68@mail.ru

SPIN-код: 9007-5888.

ОТМАН Абдуллах Хазаа Отман - аспирант кафедры политического анализа и управления, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия).

Область научных интересов: политическая система, политические решения.

OTHMAN Abdullah Hazaa Othman – PhD student of the Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia).

Science interests: political system, policy decision.

E-mail: abdollah.othman1985@gmail.com

SPIN-код: 9411-0027.

РОЗЕНТАЛЬ Дмитрий Михайлович – кандидат исторических наук, заместитель директора, Институт Латинской Америки РАН, доцент факультета мировой экономики и мировой политики, Высшая школа экономики (Москва, Россия).

Область научных интересов: политические институты и процессы, политика и история Латинской Америки.

ROZENTAL Dmitry – PhD History, Deputy Director of the Institute for Latin America of RAS (Moscow, Russia).

Science interests: political institutions and processes; policy and history of Latin America

E-mail: rozentaldm@gmail.com

SPIN-код: 2378-5600

СКИПЕРСКИХ Александр Владимирович – доктор политических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (Елец, Россия).

Область научных интересов: политические процессы, политический протест, механизмы политической власти.

SKIPERSKIH Alexander – doctor of political sciences, professor Department of philosophy and social Sciences, Yelets state University (Yelets, Russia).

Science interests: political processes, political protest, mechanisms of political power.

E-mail: pisatels@mail.ru

SPIN-код: 9734-7461.

СОКОЛОВ Александр Владимирович – доктор политических наук, заведующий кафедрой социально-политических теорий, Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова (Ярославль, Россия).

Область научных интересов: гражданское общество.

SOKOLOV Alexander – Doctor of Political Sciences, Head, Department of Social and Political Theories, Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russia).

Science interests: civil society.

E-mail: alex8119@gmail.com

SPIN-код: 9573-5606

ТЮЛЕНЁВА Александра Михайловна – председатель Пермского регионального представительства СМП, Российская ассоциация политической науки (Пермь, Россия).

Область научных интересов: гражданское общество.

TYULENEVA Alexandra - Chairman of the Perm Regional Representative Office of the NSR, Russian Association of Political Science (Perm, Russia).

Science interests: civil society.

Email: tuleneva.aleksa@yandex.ru

SPIN-код: 4648-3702.

ЩЕГЛОВ Максим Юрьевич - студент факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Область научных интересов: политический имидж, политические институты, власть.

SHCHEGLOV Maksim - Student of political science, Saint-Petersburg state university (Saint-Petersburg, Russia).

Science interests: political image, political institutions, power.

E-mail: max7774447@gmail.com.

THE CONTENTS

REGIONAL ACTORS IN THE POLITICAL PROCESS

A. Skiperskikh

LEFT VS RIGHT IN POLITICAL SPACE: TEMPTATIONS
OF AUTHOR'S DECONSTRUCTION

6

A.S. Andreev, D.M. Rozentel

LEFT-WING REGIONALISM IN LATIN AMERICA: TRADITION AND MODERNITY

28

S. Zakharov

YOUTH IN PROJECTS OF POWER: FROM SUPPORT
TO RESISTANCE (POLITICAL AND PHILOSOPHICAL RETROSPECTIVE)

44

O. Nesterchuk, A. Arutyunov, A. Tyuleneva

REGIONAL ELECTION CAMPAIGNS IN THE CONTEXT
OF ENSURING POLITICAL STABILITY AND CURRENT PRACTICES
OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

59

L. Donaj, M. Shcheglov

DISCOURSE IMAGE OF THE MODERN GOVERNOR'S
AUTHORITY OF ST. PETERBURG

78

A. Othman, O. Grishin

POLITICAL REFORM IN THE KINGDOM OF SAUDI ARABIA:
AN OVERVIEW OF THE MOST IMPORTANT DOMESTIC CHALLENGES

101

ARTICLES

G. Avtsinova, E. Buchnev

SOME FEATURES OF POLITICAL PARTY DIGITALIZATION
IN SOCIAL NETWORKS: REGIONAL ASPECT
(ON THE EXAMPLE OF THE TAMBOV REGION)

116

O. Drobotenko, N. Sokolov

TO THE QUESTION OF APPLICATION OF POSTNONCLASSICAL METHODOLOGY
TO THE POLITICAL DECISION-MAKING PROCESS
IN THE INFORMATION SOCIETY

147

O. Komarov, A. Sokolov

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF CROWDSOURCING
AS A FORM OF DIALOGUE OF GOVERNANCE AND SOCIETY

166

N. Antushin

MANIPULATION OF OBSERVATION: ANALYSIS OF THE CONCLUSIONS
OF INTERNATIONAL MONITORING MISSIONS ON THE EXAMPLE
OF CAMPAIGNS IN CENTRAL ASIA

176

OUR AUTHOR

195

ISSN 2227-1538 (Print)
ISSN 2307-4590 (Online)

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-48608 выдано
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций

Адрес редакции и издателя: 428023,
Россия, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, ул. Гражданская, 66, 7.

Тел. +7937 9539205.
E-mail: editor@politbook.online
http://politbook.online

ООО «НИИ общественных
и политических наук»

Подписано в печать 30.04.2020
Дата выхода в свет 31.05.2020

Формат 70x100/16.
Усл. печ. л. 12,0.
Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал макета
ООО «НИИ общественных
и политических наук», 428023,
Россия, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, ул. Гражданская, 66.
www.niionp.com

Свободная цена
Индекс подписки по каталогу
«Пресса России» 15130

© НИИ общественных и политических
наук, 2021.

Published by:
Institute of Social and Political Sciences

Address: 66 – 7, Graghdansky st.,
Cheboksary, Russia, 428023

E-mail: editor@politbook.online
http://politbook.online

© Institute of Social and Political
Sciences, 2021.